ВИРШИ

ВИРШИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
малая серия № 3

ВИРШИ
СИЛЛАБИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII-XVIII ВЕКОВ

Общая редакция П. Беркова

Редакция и примечания
Я. Барскова, П. Беркова и А. Докусова
Вступительная статья Ив. Розанова

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1935

Отпечатано для Издательства „Советский Писатель“ в типографии им. Соколовой, Ленинград, Проспект Красных Командиров, 29, в количестве 10500 экз. Авт. л. 8½. Зак. № 1294. Ленгорлит № 36122. Переплет по макету худ. В. Д. Двораносвкого Сдано в набор 15/XI 1935 г. Подписано к печати 27/XII 1935 г. Формат 72×110/64 см. Тип. знак. в 1 бум. л. 179 200. Бум. л. 2½. Ответственный редактор Г. А. Гуковский. Технический редактор Л. Н. Никольская

1935

2 р. переплет 1 р

РУССКОЕ КНИЖНОЕ СТИХОТВОРСТВО ОТ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО ЛОМОНОСОВА

1. ЧТО ТАКОЕ ВИРШИ?

Современному читателю, чтобы заинтересоваться виршевой поэзией, надо побороть в себе ряд предубеждений. Прежде всего отпугивает самое слово «вирши». Чаще всего оно теперь произносится в презрительном смысле для обозначения всякого рода плохих стихов, к какой бы системе стихосложения они ни принадлежали. Но иногда принимается во внимание и система стихосложения. Еще не перевелись такие литературные староверы, которые нарушение традиционной метрики прошлого века считают безвкусицей и не мыслят себе поэзии вне ямбов, хореев и т. д.

От расплывчатого и внеисторического представления о виршах, которое существует в обиходе, необходимо обратиться к научному определению и прежде всего к происхождению слова. «Вирши» — слово украинское, от видоизмененного польского wierszy (верши), от латинского versi

(верзи), что значит «стихи»; единственное число — versus (верзус); вирша значит и стих и стихотворение. Ничего одиозного, как мы видим, в этом нет.

Литературоведы употребляют слово «вирши» в двух смыслах: в более узком или более широком. В более узком смысле виршами называют силлабические стихи, написанные по образцу польских силлабических стихов. «Силлабическое» значит «слоговое» — от латинского слова syllaba (силляба), что значит слог. В основу положено одинаковое количество слогов в стихе. Рифма обязательна.

Возьмем пример из Кантемира:

Таковы слыша слова — и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, — в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, — хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу — молчалив таится.

В каждом стихе здесь по 13 слогов; стихи — рифмованы. Рифмуют слова, имеющие ударения на втором слоге от конца, т. е. рифмы ж е н с к и е.

Здесь сказывается влияние польского стихосложения, где постоянные женские рифмы обусловливаются характерной особенностью польского языка: все слова, кроме односложных, имеют ударение на втором слоге от конца.

Число слогов может быть различно. Особенно излюблен был стих одиннадцатисложный, но были и более короткие стихотворные строки, например, Федор Поликарпов, современник Петра I, свои стихи о таинстве брака написал шестисложными виршами, которые заканчиваются так:

Кто без него будет,
Страсти не избудет.

Та и другая строки имеют по шести слогов.

Расцвет силлабических вирш был сначала на Украине, в XVII в., а потом в русской литературе — в конце XVII и в первой трети XVIII в. Классиками в этой области могут считаться три поэта. Самый ранний из них — Семен Петровский, более известный как Симеон Полоцкий. Деятельность его относится ко времени Алексея Михайловича и его сына Федора. Затем идет Феофан Прокопович, сподвижник Петра I; третий — Антиох Кантемир, писавший свои стихи при преемниках Петра. По словам одного новейшего исследователя его творчества, Кантемир является «гениальным завершителем силлабического периода русской поэзии». Необходимо еще добавить, что и первые представители у нас тонического стихосложения, Тредиаковский и Ломоносов, писали сначала силлабические стихи.

Наш сборник посвящен представителям силлабических вирш; но в вводной статье необходимо уделить внимание и представи-

телям другого — несиллабического — виршества, имевшего в истории русской поэзии, правда, гораздо меньшее значение.

Выше было указано, что термин «вирши» имеет и узкий и широкий смысл, но пояснено было только узкое значение этого слова. В широком же смысле под виршами подразумевают не только те стихи, которые составлялись по образцу польского силлабического стихосложения, но вообще доломоносовские стихи книжного происхождения, где основным признаком стиха была рифма.[1]

Можно указать три вида несиллабических вирш.

Одни составлялись по образцу греческой или латинской метрики, другие — по образцу немецкой, третьи приближались по своему строю к русскому говорному стиху типа раешника.

Первый вид — стихи, основанные на принципе древнегреческой и латинской метрики, чередовании долгих слогов с краткими, — к русской поэзии совсем не привился, так как в русском языке гласные не различаются по долготе и краткости. Дело ограничилось только первыми попытками и опытами в этом направлении — теорией, почти не подкрепленной практикой.

---

[1] Впрочем, стихи Мелетия Смотрицкого не имели рифм, но эти стихи, как увидим ниже, не были живым литературным явлением.

Этот вид вирш связан с именами двух ученых составителей славянских «грамматик» — Лаврентия Зизания (1596) и Мелетия Смотрицкого (1619). В свои грамматики они включали и стихосложение, и Смотрицкий сам сочинял образчики славянских стихов, образованных по правилам античной поэзии. Основанная на ложном принципе, эта система сама по себе заслуживает осуждения. Этого нельзя сказать о других видах вирш.

Вирши по немецкому образцу русских немцев — Глюка, Пауса и др., относящиеся к петровскому времени, являются первым шагом применения к русским стихам немецкого тонического стихосложения, столь успешно потом разработанного нашими лучшими лириками XVIII и XIX вв.

Не заслуживают осуждения как система и урегулированные, т. е. с одинаковым количеством слогов, вирши польского образца: своими исключительно женскими рифмами они несколько стесняют русского поэта, но не лишают возможности писать хорошие стихи.

Тем менее можно осуждать систему стихов с неодинаковым количеством слогов, приближающихся к говорному стиху раешника или польским ранним стихам. Классический пример таких стихов дал нам Пушкин в своей сказке о Балде:

Жил-был поп,
Толоконный лоб.

Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.

Или, например:

Идет Балда, покрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.

Обратим внимание на число слогов по строчкам. Оно все время меняется: 3, 5, 7, 10, в другом отрывке: 9, 11, 7, 7. Только два последних стиха количественно совпадают: по 7 слогов.

Необычайно разнообразна и рифмовка. Она, как видим, — парная, но в первом отрывке находим и мужские (поп — лоб) и женские (базару — товару) рифмы, а во втором встречаем дактилические (прячется — корячится) и, что необычайно для других стихотворений того же Пушкина, гипердактилические, т. е. на 4-м слоге от конца: покрякивает — вскакивает.

По такой системе сочиняли вирши русские авторы до Симеона Полоцкого, имена которых оставались в большинстве случаев неизвестными.

Начало вирш в Северной Руси связывали с Симеоном Полоцким; теперь относят это начало к более раннему времени. Самой ранней датировкой указывается пока 1606 г., когда написано было «Иное сказание» неизвестного автора, где легко вскрываются

отдельные несиллабические стихотворные строчки. Предположительно же начало вирш в Северной Руси можно относить к концу XVI в. Об этом речь еще будет впереди. Симеон Полоцкий как поэт-силлабик предъявил к виршевому творчеству более строгие требования: одинаковость строк и обязательно женскую рифмовку, чем упорядочил... и стеснил творчество. Из этого не следует, что силлабическое стихосложение «не свойственно» русскому языку, как думают многие; оно не «не свойственно», а только более затруднительно для поэта, как октавы писать труднее четверостиший.

Возьмем силлабические стихи, написанные Ломоносовым в школе как упражнение по классу пиитики:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Егда стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
Ах, плачут убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

Здесь еще ряд устаревших слов и славянизмов: «егда», «ясти», «бо», но кто решится утверждать, что структура, ритм и рифмы этого стихотворения «не свойственны» русскому языку?

Затруднять может современного любителя поэзии и длина стихотворных строк большинства силлабических вирш. Тринадцатисложный стих сатиры Кантемира имел после 7-го слога обязательную паузу, и столь значительную, что она как бы делила стих на два. Один из современных стиховедов [1] предлагает попробовать произвести подобное разделение. Тогда стих Кантемира метрически приблизится к «Светлане» Жуковского.

У Кантемира:

Уме, недозрелый плод
Недолгой науки,
Покойся, не понуждай
К перу мои руки!

А у Жуковского:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали,
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали.

Затрудняет также необычная расстановка слов в предложениях, но почти у всех народов это было одним из отличий поэзии от прозы. У русских классиков это меньше бросается в глаза, но все же есть (например, у Пушкина: «Бродил Тригорского кру-

---

[1] Квятковский в «Литер. Критике», 1933, № 6.

гом» вместо: «кругом Тригорского»). У Кантемира образцами были греческие и римские поэты, у которых непривычный для прозы порядок слов — явление обычное. Такая расстановка слов в стихе у Кантемира — не от неуменья, а так же сознательна, как в эпоху символизма у Вячеслава Иванова было определенное стремление дать затрудненный для первоначального восприятия стих. Стих должен быть занозист и шершав, — говорили и некоторые из футуристов.

Последнее предубеждение, какое может быть у современного читателя против вирш, — это предполагаемое содержание. Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович — лица духовные, а они из лучших виршеписцев, — какой интерес может представлять сейчас их поэзия?

Здесь необходимо отметить, что стихи религиозного содержания могут представлять известный интерес и историко-культурный и с точки зрения формы, а главное, далеко не все вирши даже двух только что указанных авторов — религиозного характера; наоборот, у них много «светских» тем, вплоть до стихов о трудности составлять словари. Не говорим уже о Кантемире, про сатиры которого Белинский сказал: «В них столько оригинальности, столько ума и остроумия, такие яркие и верные картины тогдашнего общества, личность автора отражается в них так прекрасно, так человечно, что развернуть изредка старика Канте-

мира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение».

Если Кантемир — завершитель длинного периода русской силлабической поэзии, естественно заинтересоваться и тем, что он завершает и что было до силлабической поэзии. С другой стороны, вирши представляют интерес как отроческий возраст нашего русского стихотворства.

2. РАЗЛИЧНЫЕ СИСТЕМЫ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

История русского стихотворства ярко и отчетливо делится на четыре эпохи: первая — до возникновения вирш, вторая — эпоха вирш, третья — эпоха господства так называемого «тонического» стихосложения (некоторые предпочитают теперь называть его «силлабо-тоническим») и четвертая — современная нам эпоха.

В каждую эпоху сосуществуют одновременно разные системы стихосложения, которые находятся между собой в состоянии борьбы и взаимодействия, отражая взаимоотношения различных социальных групп. Система восторжествовавшая склонна бывает совершенно игнорировать свою предшественницу. Так, в эпоху тонического стихосложения слово «вирши» приобрело презрительный оттенок.

До возникновения письменности и вслед затем книжного стихотворства у каждого народа существовала устная поэзия, более

или менее богатая, имевшая свою неписанную поэтику, а часто и профессиональных певцов и слагателей. Христианская письменность, вводимая в интересах социальной верхушки, неминуемо должна была вступить в столкновение с поэзией, которая с течением времени становилась все более и более достоянием отсталых слоев населения. Вплоть до Октябрьской революции стихотворное книжное творчество и творчество устное существуют рядом и каждое имеет свою особую эволюцию. После Октябрьской революции, когда грамотность перестала быть привилегией меньшинства, поэзия книжная и устная стали быстро ассимилироваться. Поэтики современного устного и книжного стихотворства мало чем отличаются друг от друга.

В своем стремлении к системе и упорядочению наше книжное стихотворство всегда опиралось в прошлом на какую-нибудь чужую, уже готовую систему. Только за последние четверть века намечается отказ от чужих систем.

В первую эпоху, довиршевую, в основе лежит греческо-византийское стихосложение, дважды искажаемое: славянскими переводчиками и русскими переписчиками. Рифма необязательна, но часто внимание обращено на начальные звуки стихотворной строчки или абзаца. Акростих является одной из излюбленных форм.

Со второй половины XVI в. вплоть до

второй трети XVIII в. господствует виршевая поэзия. Она основана на польском стихосложении. Характернейшей особенностью ее является обязательность рифм. Первыми виршеписцами, сохранившими свое имя, являются Герасим Смотрицкий и Андрей Рымша, а первые дошедшие до нас их стихотворения относятся к 1581 г. Первым крупным поэтом был Петровский (Симеон Полоцкий) в конце XVI в. Концом виршевой поэзии, если не считать позднейших эпигонов, признается обычно 1735 год, когда Тредиаковский выпустил свое рассуждение: «Новый способ сложения стихов». Его система, энергично подхваченная и рационализированная Ломоносовым, освобождая русское стихосложение от польского влияния, приближала его к немецкому, как оно утвердилось в Германии столетием раньше (1624) благодаря немецкому поэту Опицу. Рифме уделяется почетное внимание, но она необязательна: не она, а чередование ударных слогов организует стих. Эта новая система, получившая название «тонической», вызвавшая вскоре протесты со стороны поклонников русской устной лирики, например Н. Львова, торжествовала в поэтической практике приблизительно 175 лет, т. е. почти столько же, сколько и польская виршевая.

В современной поэзии в русском стихосложении произошел несомненно сдвиг от правильных метров к свободному стиху,

к «народным» размерам, говорным (Маяковский, Демьян Бедный) или песенным (Прокофьев), от рифмы к ассонансу.

В учебниках и общих курсах по литературе очень сильно утвердилось мнение, что древнерусская письменность долгое время совершенно не пользовалась стихом, что до XVI в., т. е. до появления вирш, русские люди никогда не находили в книгах ничего стихотворного. Это мнение требует уточнения и ограничений, так как оно верно только отчасти.

Дело в том, что именно считать стихом и его организующим началом. Виршевая поэзия в основу клала обязательность рифмы. Такого принципа обязательности по отношению к рифмам не было в устной поэзии, где рифма является одним из многочисленных приемов, применяемых далеко не всегда. Еще менее можно говорить об обязательности чередования ударений: силлабические стихи, существующие у очень многих народов, прекрасно это опровергают. В древнеболгарском стихосложении IX в. требовалось равное количество слогов в стихе и не рифма, а выдержанность ударений в конечных словах каждого стиха. Требовалось, чтобы ударение было на втором слоге от конца женские окончания. Это интересно сопоставить с выдержанностью принципа женских рифм у классика виршевой поэзии XVIII в. — Кантемира. Можно основой стиха считать не одинаковую удар-

ность конечных слов и не рифму, но ассонанс.

Востоков в «Опыте о русском стихосложении» интересовался вопросом, откуда взялись ассонансы у славяно-русских стихотворцев XVI в., и решил, что это, «конечно», заимствовано от поляков или чехов, так как, по его мнению, употребление ассонансов «чуждо народному стихосложению русскому». Здесь Востоков ошибался. Устная русская поэзия пользуется между прочим и ассонансами и едва ли не охотнее, чем рифмами.

Особенного внимания заслуживает древний скандинавский стих, характерной особенностью которого является аллитерация, т. е. подбор слов, начинающихся с одинаково звучащих согласных или гласных.

3. ОТЗВУКИ УСТНОГО СТИХОТВОРСТВА В НАШЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Расцвет древнескандинавской поэзии относится к X—XIII вв., т. е. когда на Руси существовали песни о князьях и их ратных делах, попавшие в летопись и создавшие полулегендарную историю первых русских князей. Так как князья были из варягов, естественно предположить, что наша дружинная поэзия была близка к поэзии скандинавских скальдов. В Скандинавии скальды были окружены большим почетом. Даже короли охотно занимались песнетвор-

чеством: король Гаральд Гардради считается одним из самых выдающихся скальдов своей эпохи. У нас же сохранилось имя только одного Баяна, певца XI в.; сохранилось оно только благодаря упоминанию о нем в «Слове о полку Игореве», а об его творчестве известно тоже только из этого источника. Из произведений же его до нас ничего не дошло, если не считать двух цитат, приведенных в «Слове». Обе цитаты — афоризмы. У нас нет ручательства, что слова Баяна цитируются совершенно точно, но в том виде, в каком дает их нам автор «Слова», они любопытны как образец неторопливого песенного слога: «Ни хитру, ни горазду, ни птицу горазду суда божия не минути».

В другом афоризме аллитерация на *т*, расположенная и в первой («тяжко ти») и во второй половине («ти телу») двучленного афоризма, который весь звучит так: «хоть и тяжко ти, голове, кроме плечю; зло ти, телу, кроме головы».

Обычно элементы стиха ищут в «Слове», разыскивая рифмы: «погасоста-поволокоста» и т. д. Рациональнее искать элементов стиха в аллитерациях. «В *п*яток *п*отопташа *п*оганые *п*олки *п*оловецкие» — вот настоящий стих, но не в позднейшем виршевом, а в древнескандинавском или варяжском смысле. И таких мест множество.

Это еще не дает нам права утверждать, что «Слово» следует относить к стихо-

творному творчеству, но несомненно одно: автор пропитан был песнями своих предшественников, традициями песенного творчества. Необходимо принять во внимание, что «Слово» дошло до нас в позднейшем изуродованном списке, в оригинале близость к аллитеративному стиху могла быть ближе. Не вполне исключается возможность, что и оригинал был неточной записью, а вернее — переработкой песни устного происхождения.

«Моление» Даниила Заточника (XII в.) интересно между прочим тем, что наполовину составлено или из книжных афоризмов, или из пословиц. То, что Востоков, обнаружив у «славяно-русских» стихотворцев XVI в., назвал ассонансами, или рифмами на манер испанских, Даниил Заточник употребляет в большом количестве. Нанизывая сравнение на сравнение, параллелизм на параллелизм, он несомненно любуется звуковой стороной слов.

Кроме фраз с простейшими рифмами на глаголы: «Луче бы ми железо варити, ни со злою женою быти», встречаем созвучия приблизительные:

Никто же бо может стрелою звезды
выстрелити,
Ни в напасти смыслити.

Характерна для него игра с собственными именами: «Кому ти есть Переславль, а мне Гореславль», или: «Кому Любово, а мне

горе лютое», или: «Кому Лачь озеро, а мне, на нем сидя, плачь горький».

Подбор рифм к собственным именам был излюбленным методом образования рифмованных пословиц:

Анастасия
Ломает в ненастие.
Арсения
Ждать до воскресения.
Агриппине
Свербит в спине.

Иногда бралось сразу по два имени:

Варлам
Ломит пополам,
А Денис
Со всяким делись.

Рифмы часто бывают неточны: Ефре*м* — кре*н*, Де*н*ис — де*л*ись, Афана*с*ия — не*насть*е.

Вообще любовь к созвучиям сказывалась прежде всего в пословицах. Часто пословицы могут восприниматься как четверостишия:

Аз
Пью квас,
А коли вижу пиво,
Не пройду его мимо.

Реже рифмы не рядом, а чередуются:

Играл в дуду, —
    Не скачут,
Рыдал в пиру, —
    Не плачут.

Или:

Знает,
    Как бес,
А лает,
    Как пес.

Многие пословицы являются простейшей формой стихотворства.

Возьмем еще несколько пословиц из самых старых сборников.

Из сборника пословиц 1714 г.:

И муху убить —
Надобно руки умыть.

В сборнике пословиц 1749 г. читаем такую характеристику про службу на боярском дворе:

Стоя дремлют,
Сидя спят.
Походя едят, —
Ножки болят,
А сесть не велят.

Эти пословицы, как видим, взяты из сборников XVIII в., но можно с большою вероятностью предполагать, что большинство пословиц сложилось раньше, до вирш в книжной поэзии. Любовь к созвучиям,

между прочим к аллитерациям, рифмам и ассонансам, прорывается и в книжной прозе; в устной поэзии сказывалось это гораздо сильнее, несмотря на то, что основным видом в ней был стих без рифмы. Первые записи песен относятся к началу XVII в., но в этих записях мы видим песни такого высокого достоинства, что они заставляют предполагать, что этому предшествовал продолжительный период развития.

Самые ранние записи песен относятся к 1619—1620 гг.

Шесть песен было записано кем-то русскими буквами в записную книжку любопытствующего путешественника — англичанина Джемса.

Из этих шести песен три особенно интересны с фонетической стороны: песня о матросской службе, говорящая о преимуществе весенней службы перед зимней, и две песни Ксении Годуновой на одну и ту же тему — о предстоящем ей пострижении по приезде Отрепьева.

Особенно поразительна первая из них, состоящая из ряда пятистиший. Приводим первое из них в фонетическом правописании П. К. Симони:

Бережочик зыблетца,
Да песочик сыплетца,
(А) ледочик ломитца,
Добры кони тонут,
Молотцы томятца.

Здесь не только рифмуют бережочик — песочик, зыблетца — сыплетца, но есть ряд и других интересных звуковых сочетаний: из 5 стихов 4 оканчиваются на тца: ломитца и томятца — разноударные рифмы, по звуковому составу почти совпадающие. Обращают на себя внимание аллитерации: «кони — тонут», «молотцы — томятца»; основной ударной гласной является *о*: «бережочик — песочик»; 3-й, 4-й и 5-й стихи имеют по 2 ударения, из них только в одном случае имеем *я*: «томятца»; во всех остальных *о*: «ледочек ломитца, добры кони тонут, молотцы».

Из песен Ксении Годуновой первую приведем целиком: она легко делится на 2 семистишия и 4 четверостишия. Курсивом обозначим рифмы, ассонансы и наиболее бросающиеся в глаза звуковые повторы:

Сплачетца мала птичка,
Белая пелепелка:
«Ох-ти мне, молоды, *горевати*.
Хотят сырой дуб *зажигати*.
Мое гнездышко *разорити*,
Мои малые дети *побити*,
Меня, пелешичку, *поймати*».
Сплачетца на Москве *Царевна*:
«Ох-ти мне, молоды, *горевати*,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев *Рострига*,
Что хочет меня *полонити*,
А полонив, меня хочет *постритчи*,
Чернеческий чин *наложити*.

Ино мне постритчися не хочет,
Чернеческого чину не *здержати:*
Отворите будет темна келья,
На добрых молотцов *посмотрити.*
Ино, ох, милые наши переходы,
А кому будет по вас да ходити
После царского нашего житья
И после Бориса Годунова».

Есть и строки с аллитерацией, например, на *м, п(б), т(д):*

Мои малые дети побити,
Меня, пелепелку, поимати.

На *р* и *г:*

Гриша Отрепьев Ростригa.

На *ч:*

. . . . хочет постритчи,
Чернеческого чину наложити.

Если в таких произведениях, как «Слово о полку Игореве» и «Моление Даниила Заточника», обнаруживаются отдельные элементы стихотворной поэзии и примитивные стихотворные формы, вроде рифмованных пословиц, то следует поискать произведение, где следы стихотворной формы сохранились целиком; и такие произведения имеются, но, к сожалению, это все отзвуки чужой поэзии и чужого стихосложения. Произведения же письменности, созданные на основе русского устного стихосложения, начинают появляться

только с XVII в. Безыменный поэт очень крупного дарования создал поэтически полноценную «Повесть о горе-злочастии», где рифмы (например, «отличаются — отпираются») и ассонансы («матери — мастера») встречаются редко, но довольно строго выдержаны дактилические окончания:

Полетел молодец ясным соколом,
А горе за ним белым кречетом,
Молодец полетел сизым голубем,
А горе за ним серым ястребом.

Другой безвестный автор, современник Кантемира, в 1729 г. удачно переложил стихами в духе устной поэзии известную сатиру об Ерше Ершовиче... Такие попытки относятся, как мы видим, к XVII—XVIII вв., а до того наша письменность чуждалась по мере возможности своей же устной поэзии, предпочитая обращаться к книжной поэзии других народов.

4. ОТЗВУКИ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Из всех поэтических жанров всего раньше обнаружилась в древнерусской письменности потребность в оде. Это неудивительно, если принять во внимание, что грамотность появилась у нас в целях пропаганды христианства. В церкви князья нашли поддержку своей власти. Понадобились прославления не только «небесных заступников», но и

предержащих властей. В 1073 г. писец, составлявший «Изборник» разных статей для князя Изяслава, счел нужным предпослать книге восхваление князю. Для этого он взял церковно-славянское, или древнеболгарское (это два разных названия одного и того же языка), стихотворение, написанное в IX в. в похвалу болгарскому царю Симеону. Составитель «Изборника» изменил только титул и имя: вместо «царя Симеона» — «князь Изяслав». Но не успел он преподнести своей книги, как Изяслав был смещен Сватославом, и писец, выскоблив одно имя, заменил его другим. Так появилась в одном из древнейших памятников нашей письменности «Похвала князю Святославу», т. е. тот жанр, который под названием «оды» особенный расцвет получил у нас в XVIII в. Знаменательна и тема. Святославу возносится похвала за то, что он стремится сделать доступной мудрость сокровенную в книгах, т. е. основная тема та же, что и у Ломоносова, который восхвалял Елизавету Петровну как покровительницу наук.

«Похвала» состоит из 27 стихов, из которых приведем несколько, где находим сравнение с Птоломеем. Князь приказал «сотворити речи»:

Я же аки пчела любодельна,
Со всякого цвета писанию
Собрав аки во един сот,

Во вельмысленое сердце свое,
Проливает аки стредь сладку
Из уст своих пред боляры,
На воразумение тем мыслям
Являяся им нов Птоломей.

Здесь, как видим, нет рифм. Древнеболгарская поэзия обходилась без них, требуя только, чтобы в каждом стихе предпоследний слог имел ударение. Очевидно, произносилось: «писан*и*ю», «св*о*е» и «Птол*о*мей». Либо это поэтическая вольность, либо так тогда действительно говорили. Другим признаком древнеболгарских стихов в IX в. было равное количество слогов в стихе, причем ъ и ь произносились как гласные: ъ как *о*, ь как *е*. В XI в. этого уже не было и у болгар. Русский переписчик иногда опускал непроизносимые ъ и ь.

Излюбленной формой стихов у болгар IX в., т. е. века расцвета болгарской литературы, был, как и у византийских греков, — акростих, т. е. стихотворение, где главным организующим началом являются начальные буквы, расположенные в заранее обдуманном порядке, например в алфавитном. Один из учеников Кирилла и Мефодия — Константин Болгарский — составил в 894 г. сборник поучений. Начинается он со стихотворного предисловия, «Пролога», который получил довольно широкое распространение в русской письменности. Сохранились списки начиная с XII в. Это акро-

стих. Начальные буквы составляют азбуку. Возьмем отрывок из середины:

И летит ныне славяньско племя
*К*о крещению; обратишися веи,
*Л*юдие твои нарещися хотяще;
*М*илости твоея, боже, просят зело.

Такие акростихи, не нуждавшиеся в переводах, так как книжным языком был церковно-славянский, или древнеболгарский, который постепенно все более руссифицировался, встречались в нашей письменности нередко.

Произведения византийской поэзии, как написанные на греческом языке, нуждались в переводах. Греческий язык византийского периода не различал долгих и кратких гласных. Стихи строились по разнообразным принципам. Принималось во внимание количество слогов, как в русских силлабических стихах XVII в. Без рифм писал свои религиозные стихотворения Григорий Великий. Большинство же греческих стихотворцев писало рифмованные стихи. В ходу были и акростихи. Многие из религиозных стихотворений вводились потом в чин богослужения, и церковная служба на греческом языке в значительной степени была распеваемой антологией греческих религиозных стихов.

Эти церковные стихотворения вызывали подражания и у нас. В славянских переводах обыкновенно утрачивалась стихо-

творная форма подлинников, особенно в повествовательных строфах, но в воззваниях, начинающихся одним и тем же словом «радуйся», что само по себе уже упорядочивало стих, много было строк рифмующих. Например, в одном из самых популярных «акафистов» Николаю Чудотворцу читаем:

Радуйся, убогим скорое *воздвижение*,
Радуйся, скорбящим быстрое *промышление*,
Радуйся, приятное нищим услышание,
Радуйся, всего мира *наслаждение*,
Радуйся, трем девам *невестителю*,
Радуйся, моих бед молитвами твоими *избавителю*.

Или из другого места:
Радуйся, постников *питателю*,
Радуйся, воздержания *наказателю*.

Оргинальная звуковая форма таких произведений останавливала на себе внимание и запоминалась. Популярность этой формы лучше всего доказывается большим количеством пародий на акафисты, например «Акафист кукурузе», дошедший до нас в списках XVIII в.

5. ПОЭТЫ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XVI—XVIII вв.

Первыми русскими поэтами, сохранившими для потомства свое имя, если не считать мифического Баяна, были Герасим Данилович Смотрицкий (умер в 1594 г.) и его современник Андрей Рымша. Деятельность их

связана с меценатством известного поборника просвещения в XVI в. князя Константина Острожского. Оба они выступили в печати со своими стихотворными опытами одновременно, в один и тот же год (1581), когда из типографии, заведенной Константином Острожским, вышли «Библия», в которой помещено было два стихотворения Герасима Смотрицкого: предисловие к читателю и стихи на герб князей Острожских, и — отдельной книжкой — «Хронология» Андрея Рымши, имевшая целью дать свод важнейших библейских событий, приуроченных к календарю. Хронология эта написана стихами. Каждому месяцу посвящено по двустишию.

Оба поэта — и Герасим Смотрицкий и Андрей Рымша — принадлежали к образованнейшим людям своего времени. Смотрицкий выступал и как полемический писатель, но главным трудом его жизни было издание «Библии», получившее название по месту издания «Острожской».

Из произведений Андрея Рымши, кроме «Хронологии», изданной в Остроге, до нас дошли три оды: «На герб виленского вельможи Водовича», «На герб литовского подканцлера Льва Сапеги» и «На герб новогородского воеводы Федора Скумина». Техника его вирш обнаруживает хорошее знакомство с лучшими образцами современной ему польской поэзии. Этого же нельзя сказать про Герасима Смотрицкого, вирши ко-

торого приближаются к более архаичным польским стихам. В развитии польского стихосложения важную роль играл Ян Кохановский. До него вирши основывались только на рифме; после него, кроме рифм, стала обязательной равносложность стихов.

Так создалось два основных типа вирш. Герасим Смотрицкий и Андрей Рымша, деятельность которых началась одновременно, явились представителями этих двух разных типов и родоначальниками двух школ юго-западных поэтов. В Московской же Руси дело обстояло иначе. До Симеона Полоцкого господствовали неравносложные вирши, Симеон Полоцкий канонизировал вирши равносложные.

Отличаются вирши Герасима Смотрицкого и Андрея Рымши и по языку: у первого — ученый, церковно-славянский язык, у второго — обычный, западнорусский, близкий к языку актов и деловых бумаг.

В техническом отношении вирши Андрея Рымши более искусны, и равносложность и система рифмовки (парные женские рифмы) и цезуры у него строго выдержаны, например двустишие на август месяц из «Хронологии»:

В том месяце Аарон — умер божий ерей,
Того себе на приклад — ты, попе, завжды мей.

Или начало оды: «На герб Воловича»:

Што две стрелы, што врубы, — что лилеи значат.
То все люди мудрые — вельми горазд бачат.

А вот начало оды Скумину, напечатанной в «Апостоле» 1591 г.:

Не простым людям гербы — с неба посылают.
Яковый Скуминове — в своем дому мают.

Везде имеем тринадцатисложный стих, разделяемый цезурой на две части: семь до цезуры, шесть слогов после нее. Мужские рифмы, какие мы видим в первом примере: ерей — мей, у Рымши — исключение: везде строго выдержаны женские, дактилических нигде нет. Из последователей А. Рымши может быть указан Берында, строго выдерживающий тринадцатисложный стих в своей книжке: «На Рождество», изданоий во Львове в 1616 г.

Стихотворение Герасима Смотрицкого: «На герб князей Острожских» замечательно по своему строфическому построению, что в виршах встречается крайне редко. Состоит оно из 5 строф, каждая строфа является десятистишием с парной рифмовкой, но два последних стиха непременно короткие, заостряющие строфу. Но еще замечательнее у Герасима Смотрицкого консонансы. Если строфика идет у него от книжной польской поэзии, то консонансы

роднят его с устным русским творчеством, где они почти равноправны с рифмами, что видим и в пословицах и в песнях.

Наша тоническая поэзия консонансов не знала вплоть до Брюсова.

В стихотворении: «На герб князей Острожских» имеются исключительные консонансы, например во 2-й строфе: оружие — божие, и целое скопление их в 3-й строфе:

Меч бо обнажен в деснице имея острый *обоюду*.
Им же крепщии на врага приемлет *победу*,
Остекни, Константине, мрак идольския *лести*.
Хочет бо бог всем человеком ся *спасти*.
И отгонял еретиков полки *умовредные*;
Приидоша бо в мир волки *нещадные*...

Неравносложные вирши в духе Герасима Смотрицкого находим у неизвестного автора элегии на смерть князя Острожского: «Ламент дому Острожских» (1603) и у Кирилла Транквиллиона в «Перле многоценном» (1646), но особенно интересны вирши, помещенные в двух славянских грамматиках; одна издана в Львове в 1591 г., другая — неизвестного составителя Лаврентия Зизания — издана в Вильне в 1596 г. И в львовской грамматике и у Лаврентия Зизания наравне с рифмами находим и консонансы.

В первой из них читаем:

Мужайся, многоплеменный российский *народе*,
Да Христос начало крепости в тебе буде.

У Лаврентия Зизания есть шестистишие о разделении грамматики на части, причем большое значение придается стихосложению — «певному искусству»:

Грамматика письму всех научает.
Четырьмя частьми латве уразумляет:
    Орфографиею и просодиею;
    Синтаксисом и этимологиею,
А предреченное ей *опаство*
Подает певное *искусство*.

Консонансы «опаство» (т. е. руководство) — «искусство», как мы видим, употребляются на равных правах с рифмами.

Излагая славянское стихосложение, Лаврентий Зизаний строит его на принципе античного стихосложения — чередовании долгих и кратких гласных, совершенно игнорируя практику польских и русских вирш и в том числе свои собственные вирши, помещенные здесь же в грамматике. Нет сомнения, что в этой части своей книги составитель многое списывал из латинских руководств; трудно представить себе большее расхождение между теорией и практикой.

Несколько иначе отнесся к возможности античного стихосложения для славянских языков Мелетий Смотрицкий, сын Герасима Смотрицкого, в своей «Грамматике», вышедшей в 1619 г. Эта книга, которую Ломоносов изучил досконально еще в Холмогорах, подробно и обстоятельно излагала

античное стихосложение, стараясь довольно, впрочем, безуспешно установить правила, какие гласные и когда в славянском языке бывают долгими и какие и когда — краткими.

У Мелетия Смотрицкого заметно явное желание заменить существующее стихосложение по польскому образцу более, как ему казалось, совершенным. Он указывает, что существует 124 различных родов стихов, из них наиболее употребительны 28. О таком богатстве польская поэзия и мечтать не могла. В основе этой задуманной им реформы была политическая причина. Борьба с польским влиянием и боязнь, в связи с этим, экономического порабощения заставили русских вельмож и духовенство обзавестись школами по польскому образцу, чтобы бороться с ними во всеоружии тех же знаний; стремление сравняться руководило первое время и нашим виршетворством. У Мелетия Смотрицкого возникла мысль превзойти поляков в системе стихосложения. В своих опытных стихах на античный образец, т. е. без рифм, но с чередованием мнимых долгих гласных с мнимыми короткими, так как долгота и краткость славянских гласных была только воображаемая, он заявляет о новорожденной (кк он говорит — «новорастной») Сарматской музе. По образцу древнегреческих и римских поэтов он дает такую непривычную в обычной речи расстановку слов, которая затрудняет понимание.

Как пример «ироического стиха», который, по его словам, должен состоять из дактилей и спондеев, он приводит такие строки:

Сарматски новорастныя музы стопу перву,
Тщащуюся Парнас во обитель вечну даяти,
Христе царю, приими: и благоволи тебе
с отцом
И духом святым пети учи российский
Род наш, чистыми меры, славенски гимны.

Мы видим здесь призывание божьей помощи к российской музе; сходная мысль — приглашение сарматской музе воспеть бога выражена в стихе «сафийском» или сафическом:

Мусо татр сарматск, богу триедину,
Должную дай честь поклона со имны,
Чистою славян, его, давшему ты
Мерою пети.

Нормальный порядок расположения слов в двух последних строках должен был бы быть такой: «давшему ти (тебе) его (бога) пети чистою мерою славян».

Увлечение виршеписанием в XVII в. в западной и юго-западной Руси, особенно в школах, заметно растет, причем равносложность строк и женские рифмы становятся обязательными. Излюбленными размерами являются тринадцатисложный и одиннадцатисложный стих. Одним словом, более усовершенствованное, т. е. силлабическое (со счетом слогов), польское стихосложение,

по образцу Андрея Рымши, восторжествовало над системой несиллабических вирш в духе Герасима Смотрицкого.

6. ПОЭТЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

В Московской Руси было не так. До учреждения в Москве по плану Симеона Полоцкого Славяно-греко-латинской Академии не было школ, где изучалось теоретически и практически стихосложение. Вирши писали как вздумается и где вздумается, мешая прозу со стихами, легко переходя от прозы к рифмованной речи, причем рифма, ассонансы или консонансы, являлась единственным признаком вирши. Часто виршами начиналось прозаическое повествование или только заканчивалось, как, например, у Семена Шаховского: «Послание к некоему другу», или вирши вставлялись в прозаическую речь, как было, например, у Авраамия Палицына. Ни о равносложности строк, ни о цезуре авторы и не думали. Самые ранние вирши, дошедшие до нас с датировкой, относятся к 1606 г. Это — «Иное сказание» неизвестного автора. Очень вероятно, что могли быть и более ранние, т. е. в конце XVI в. Первым автором в московской Руси, назвавшим свое произведение «виршами», надо признать, пока не найдено более ранних, князя Катырева-Ростовского, озаглавившего свое стихотворное заключение к про-

заическому повествованию о Дмитрии Самозванце и проч.: «Начало виршам мятежным вещам» (т. е. о мятежных вещах). Датируется это произведение 1626 г.

Московское книжное стихотворство развитием своим обязано было первой крестьянской революции конца XVI и начала XVII в. Вероятно, в это время массы создавали вольные песни, направленные против имущих классов, песни, которые впоследствии достигли высокого художественного уровня в эпоху Степана Разина. Гипотеза эта более чем вероятна, так как невозможно предположить, чтобы песням о Разине не предшествовали другие подобные. В среде, близкой к правительственным кругам, появились такие песни, как о Ксении Годуновой, показывавшие, как мы уже говорили, высокий уровень техники в устном творчестве.

В сравнении с такими песнями книжное стихотворство московских поэтов этого времени кажется детским лепетом.

Но первые шаги каждого нового литературного течения всегда заслуживают внимания.

Идеологи правящих классов нуждались в освещении происходящих или недавних событий со своей точки зрения. В отличие от вирш киевских и виленских поэтов, где основной жанр — ода, основная тема — прославление князей и вельмож за покровительство книжному чтению, у московских поэтов

процветает повествовательный жанр и основная тема — происходящие события, то, что они со своей классовой точки зрения считали «смутой». Самый состав авторов в социальном отношении здесь иной, иные и бытовые условия.

Это не наемники или приживалы у вельмож, а люди с более или менее высоким общественным положением: Семен Шаховской и Иван Катырев — князья и воеводы, Авраамий Палицын — ответственное духовное лицо, Иван Наседка — келарь Успенского собора, один из участников посольства в Данию.

Князь Семен Иванович Шаховский (умер в 1653 г.), по прозванию «Харя», — довольно плодовитый писатель. Он писал преимущественно прозой (о Дмитрии-царевиче, о Лжедимитрии и т. д.), но есть у него послание к «некоему другу», написанное приблизительно в 1622 г., которое заканчивается стихотворением в 26 строк. В это время Шаховской был в опале.

Начинается его стихотворение, приложенное к прозаическому посланию, следующими строками:

Сие посланейцо в конец прийти едва *возмогох*.
Понеже от уныния болезненно духом *исчезох*.
Аще не был государь мой Семен Гаврилович *добродейц*,
То бы мне было всякого пуще *лиходейца*.

Князь Иван Михайлович Катырев (ум. в 1640 г.) как исторический повествователь яркостью изложения превосходит всех других своих современников, в том числе и Авраамия Палицына. Вирши, которыми он заканчивает свое повествование, по форме своей близки к виршам Шаховского, а иногда и по мысли:

Сие писание в конец прейти едва возмох,
И в труде своем никое я пользы обретох.

Но язык у Катырева ярче и проще, чем у Шаховского. Как и у Шаховского, бросаются в глаза мужские рифмы, немыслимые в строго выдержанных силлабических виршах киевских или виленских поэтов:

Изложена быть сия летописная книга
О похождении чудовского мниха,
Понеже бо он бысть убогий *чернец*
И возложил на ся царский *венец*,
Царство великое России *возмутил*
И диадиму царскую на плечах своих *носил*.

Авраамий Палицын в своем сказании о тех же событиях, носящем заглавие: «История в память предыдущим родом», довольно часто перемежает свой рассказ рифмованной речью. Особенно большой стихотворный кусок находим в 45-й главе. Здесь большое разнообразие в рифмовке: и женские и мужские («возлюби — порази», «беда — тогда») и дактилические и самые разно-

образные ассонансы. После рифм: «муки — луки»; «мельцы — стрельцы» идут ассонансы: «шлемы — пчелы»; «терпки — серпы».

Еще богаче созвучиями 47-я глава:

Исходяще бо за обитель дров ради *добытия*,
И во град возвращахуся не без *кровопролития*
И купившие кровию смертные *хврастие*
И тем строяще повседневное *яствие*.

Очень интересны ассонансами следующие строки:

Идеже сечен был младый *хвраст*,
Ту рассечен лежаще храбрый *возраст*,
И идеже режем бываше младый *прут*,
Ту растерзаем бываше птицами человеческий *труп*.
И неблагодарен бываше о сем *торг*,
Сопротивных бо полк со оружием прискакаще *горд*.

Такие ассонансы, как «прут — труп», «торг — горд», «дров — гроб», очень обычны в устной поэзии, особенно в пословицах.

Встречаем у Палицына и тройные созвучия, но исключительно, кажется, глагольные: «промышляше — бываше — погубляше». Иногда это имеет вид скопления случайных рифм, что характерно для устной песенной лирики:

...народ во обители к мукам
уготовляется,
Трапеза бо кровопролития всем
представляется,
И чаша смертная всем *наливается*.

Вообще, если в прозаическом повествовании А. Палицын уступает Катыреву, в виршах своих он разнообразнее и изобретательнее последнего.

Почти такое же разнообразие найдем мы в «Послании к некоему», самом крупном по размерам произведении виршевой поэзии Московской Руси XVII в. Оно заключает в себе около 630 стихов. Автор неизвсетен. Есть предположение, что это писатель-полемист Антоний Подольский.

Перед нами как бы целая поэма с делением на главы.

Здесь мы находим 4 вида рифмовки: рифмы мужские, женские, дактилические и даже гипердактилический ассонанс: «гордостию — борзостию».

Вероятно, еще к XVI в. относится рукопись, содержащая в себе вирши о взятии Казани Иваном Грозным.

Есть в этом произведении и ассонансы: ц а р с т в о — с а м о д е р ж а в с т в о, я в н о — в н я т н о, и консонансы: с т р а ш н о — с п е ш н о.

Из московских виршеписцев XVII в. особняком должен быть поставлен и по жанру своих вирш и по тону и по рифмовке Иван

Наседка. В 1621 г. он был в Дании, в составе посольства, отправленного к королю Христиану IV. По возвращении в Москву он составил обширный полемический сборник: «Изложение на лютеры». Здесь он, между прочим, дает описание датских кирок и «ропат». Ивана Наседку всего более поразило, что кирки ни днем, ни ночью не запираются и туда может входить всякий желающий. Это, по его мнению, является большим соблазном. Туда заходят иные и «блудят с женами и девками». В городе Христианборге есть «палата, украшенная многою великою красотою»; здание в два этажа: вверху роскошная палата, а внизу две церкви. Описание ведется в прозе, но заканчивается виршами, носящими резко обличительный характер и очень интересными по построению. Почти каждое двустишие построено на смысловом контрасте между первой и второй строками:

Дива убо есть велика та палата видети,
Христианам же истинным зело ю достоит ненавидети.
Златом убо и сребром много устроена телесного та,
В ней же тайна блудная вся открыта срамота.
Их же блудным рачителем в виде зрети утешно,
Конец же зрения есть мучение вечно безутешно...

Дактилические, мужские и женские рифмы разнообразят рифмовку. Смысловой контраст заключает в себе и рифмование иностранного слова «кирка» с таким некнижным словом, как «дырка». Кроме того у Ивана Наседки есть подобие синтактического параллелизма, приема, излюбленного устной поэзией; про датского короля «Христиануса» говорится, что он поддался искушению сатаны:

Горе убо устроил двоекровную *палату*,
Долу же под нею двоеимянную *ропату*,
И по-лютерански нарицают их две *кирки*,
По-русски же видим их: отворены Лютерем
во ад две *дырки*.

Обратим внимание на соответствие: «горе — долу»; «двоекровную — двоеимянную», «палату — ропату», «по-лютерански — по-русски».

Контрастируют по смыслу и ассонансы у Ивана Наседки: «добр — гроб»:

И на верху кров весьма и весьма добр,
Юным же блудникам ей-ей поистине
геенский гроб.

Есть у Наседки и гипердактилические рифмы: «пиршественному — небожественному». Число слогов в стихе колеблется от 8 до 28.

Прием контрастного построения двустиший находим и в «Повести о разорении Московского государства», написанной в 1654 г.

и принадлежащей неизвестному автору (есть предположение, что это Симон Азарьин). Как это часто в то время бывало, повесть написана прозой, но вступление — стихами. Принцип контрастности обнажается тем, что почти каждая вторая строчка начинается союзом «но» или «а».

Из контрастных ассонансов обращают на себя внимание — «слезы — мысли трезвы». Все названные поэты имеют между собой много сходного (повествовательный жанр, чередование прозы со стихами и т. д.) и образуют особую поэтическую школу. Игнорирование ее является существенным пробелом в общих курсах литературы.

Расцвет несиллабических вирш относится к первой половине XVII в. Этот расцвет характеризуется необычайным разнообразием рифмовки. Никакого влияния польской поэзии не чувствуется. Женские рифмы не преобладают. В полном согласии с характером русского языка встречаются и мужские, и дактилические, и гипердактилические рифмы; как в устной поэзии, очень распространены ассонансы, консонансы и рифмы — тождественные и смысловые. Позднее, когда в Московской Руси появляется силлабика, несиллабические вирши потеряли свою самобытность и своеобразие; например, в любовных виршах начала XVII в., встречающихся в авантюрных повестях, как «История о российском купце Иване и о прекрасной девице Елеоноре» или «История

о Александре, российском дворянине», любовные арии строго выдержаны исключительно в женских рифмах, в чем сказалось влияние силлабических вирш. Наоборот, ассонансы и консонансы сохранились: «едино — нетерпимо», «ляже — ложе», например:

Прекрасная Тирра с любезным *ляже*,
И ныне в земле имут общее *ложе*.

Дальнейшее развитие русского стихотворства шло по линии усовершенствования стихотворной строки, в жертву чему приносится разнообразие рифмовки: силлабические вирши суживают возможности звучания в заключительных словах строк, ограничиваясь женской рифмой, женскими ассонансами и консонансами. Зато организуется самая строка. Счет слогов и постоянная цезура упорядочивают стихотворство, создают строгую систему. Еще больше упорядочивается строка в силлабо-тоническом стихосложении, когда к счету слогов присоединяется принцип чередования ударений; вместе с тем разрабатывается строфика, парные рифмы уступают место перекрестным и опоясным, вновь допускаются сначала мужские, много позднее и дактилические рифмы; гипердактилические тогда не встречаются. Ограничение в рифмовке касается ассонансов и консонансов: они в течение всей силлабо-тонической эпохи, от Тредиаковского до Маяковского, были под запретом (у Пуш-

кина всего два-три случая, если не считать «Сказки о Балде», написанной не по силлабо-тонической системе).

7. СЕМЕН ПЕТРОВСКИЙ (СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ)

Первой и единственной попыткой дать исторический обзор русского стихотворства была статья В. Тредиаковского: «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», помещенная в журнале «Ежемесячные Сочинения» за 1755 г.

По мнению Тредиаковского, самое древнее наше стихосложение — тоническое, без рифмы: «Языческие жрецы были главные и лучшие слагатели стихов... Христианство, хотя искоренило все многобожные служения и песенные прославления мнимым богам и богиням, однако не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило ему забаву общих увеселительных песен и с ними способ сложения стихов. Сие точно и есть первородное и природное наше стихосложение, пребывающее и до днесь в простонародных, молодецких и других содержаний песнях живо и цело».

Средним стихотворением или стихосложением Тредиаковский называет силлабическое, которое господствовало до 1735 г., когда Тредиаковский выступил со своей книгой «Новый способ сложения стихов», где предлагает основным принципом взять не количество слогов, а чередование ударений. Эта

«новая» система стихосложения, по его словам, «во всем подобна оному первобытному нашему, кроме рифмы. Следовательно, сия система справедливее называется возобновленною, а не новою».

С этим последним утверждением Тредиаковского позднейшие исследователи не могли согласиться: разница не только в отношении к рифме, но и в тонизме: систему Тредиаковского, в отличие от чисто тонической, теперь часто называют силлабо-тонической. Статья его: «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» до сих пор является единственной, где имеется обзор нашей силлабической поэзии и ее главных представителей от Симеона Полоцкого, который свою стихотворную «Псалтырь» напечатал в 1680 г., и кончая Петром Буслаевым, выпустившим свою поэму: «На смерть баронессы Строгановой» в 1734 г.

Кроме этих двух поэтов, Тредиаковский говорит еще о шести: Сильвестре Медведеве, Карионе Истомине, Федоре Поликарпове, Леонтии Магницком, Иване Ильинском и Антиохе Кантемире. Совсем не упоминает он об одном поэте, которого необходимо признать более талантливым и ярким, чем большинство тех, о которых он говорит.

Это — Феофан Прокопович, не ограничившийся парной рифмовкой, как другие, и явившийся создателем силлабической строфики, в том числе силлабической октавы. Вот почему в истории русских вирш он дол-

жен занять почетное место вслед за Петровским (Полоцким) и Кантемиром.

Тредиаковский не знал ни «Слова о Полку Игореве», где упоминается о Баяне, ни Андрея Рымши, писавшего силлабические вирши веком раньше Симеона Полоцкого, ни московских виршеписцев-повествователей первой половины XVII в. В своей статье он останавливается только на виршах в Острожской Библии 1581 г., не зная их автора, и на неудачной попытке Мелетия Смотрицкого ввести метрическое стихосложение. Поэтому он имел право назвать первым русским поэтом Симеона Полоцкого. Теперь мы знаем многих более ранних, но Тредиаковский остается прав в том смысле, что Симеон Полоцкий — первый по времени русский, крупный по значению, плодовитый и влиятельный поэт. От Андрея Рымши дошло до нас четыре стихотворения, от московских поэтов первой половины XVII в. по одному-два а в одной книге Полоцкого «Рифмологион» заключено около полуторы тысячи вирш. Стихотворство было у него основной страстью и делом всей жизни. Стихотворству обязан он был началом своей придворной карьеры. Позднее он сознательно перешел от разносложных вирш к силлабическим и, привив вкус к ним и вызвав последователей, явился главой стихотворной школы, царившей у нас до Тредиаковского. Только Кантемир и отчасти Феофан Прокопович внесли некоторое усо-

вершенствование в его систему; остальные последователи либо строго придерживались этой системы, как Петр Буслаев, либо, не выдерживая этой строгости, время от времени уклонялись от нее, например, в сторону более свободной рифмовки, присущей прежним досиллабическим виршам.

Поразительно также разнообразие жанров, в которых подвизался Полоцкий: тут и эпос, и лирика, и византийская история в стихотворной характеристике ее царей, и оды сильным мира сего — царю, членам царствующего дома, митрополиту, влиятельным боярам и т. д., и элегии на смерть, и сатиры, направленные против невежд, противников латинской образованности, против пьянства и чревоугодия монахов, и стихотворные размышления о невыгодах женитьбы для человека, желающего посвятить себя научной деятельности, и о трудности для вдовы сохранить верность покойному мужу, полные тонких психологических наблюдений.

Писал Полоцкий стихи и на польском языке и по-латыни, и не сухая книжная ученость видна у этого иеромонаха; он знает быт и о женщинах в своих стихах думает, повидимому, чаще, чем это приличествовало бы его сану. Он восхваляет скромных девиц, которые ходят с глазами, опущенными вниз, и умеют держать язык за зубами («Дева»); от беседы с женщиной сердце юноши тает, как воск от огня («Юноша»). Монашеское платье не спасает

от женского соблазна. В замечательном стихотворении «Монах», дающем представление о монастырских нравах, говорится не только о пьянстве и чревоугодии, но и об отношении к женскому полу: монахи вступают в тайную связь с женщинами, выдаваемыми за близких родственниц. Инок, по словам Полоцкого, «часто» думает о женщинах:

...Мысль его часто — да от жен любиться.
Под красными ризами! увы! дух скверниться.
Таковые по женам дерзают ходити,
Дружество приимати, ясти же и пити;
Сродство себе с онеми ложне поведают.
Или тетки, матери, сестры нарицают.
Под ними же имены хотят мужи быти,
Без брачного союза зол брак сотворити.

В стихотворении «Женитва», т. е. женатая жизнь, дается яркое описание прихотливой и ревнивой жены:

...Утру денну мужу не дает обнощь спати,
В ложе обыче ему о нуждах стужати;
Ту жалостне глаголет, мужа укоряет,
Аки о ней недобре в нуждах помышляют.
Инех мужей сообраз супруги приводит:
«Се она красней меня одеянна ходит.
Ову же все людие дело почитают,
А мене, за тобою сущую, не знают».
К сим ревнивая жена обыче стужати:
«Что ты на ону жену любиши смотряти?
И что со рабынею ты глаголал еси?

Ты был еси в гостине, то ми да повеси!»
Из торжища грядуща гневно вопрошает:
«Что принесл еси?» Аще ни, то люте лает.
В гости аще пустиши, то обыкает пити;
Аще же не пустиши, то не хощет и жити:
«Увы ми,—возопиет,—коль есмь не блаженна
Со злым мужем, от добрых другинь
отлученна».

Если дать жене волю, она, по мнению Полоцкого, будет водить мужа за нос («Аще дом ей вручиши — за нос возьмет тебе»), а не дать воли, она весь дом возмутит «сварами».

Слово «рабыня», встречающееся в этом стихотворении, указывает, что Полоцкому были близки интересы рабовладельческого класса, т. е. боярства. Упоминание о рабах («вредно есть вдове много раб имети») встречаем и в стихотворении «Вдовство», замечательном в психологическом отношении. Тонкую наблюдательность обнаруживает поэт, изображая положение вдовы, осужденной приличиями ее круга на верность покойному мужу среди девиц, мечтающих о женихах и поющих песни о любви.

В отличие от «Монаха» и «Женитвы» в этом стихотворении нет ничего сатирического.

Резко обличительной сатирой является стихотворение «Купецтво». Это — целый обвинительный акт в восьми пунктах. Перечисляются восемь основных «грехов», за ко-

торые купцы, «сынове тьмы люты», будут ввержены в «тьму кромешну». Такое поголовное осуждение целого сословия можно объяснить только столкновением классовых интересов. Духовенство, в руках которого были богатые монастыри с обширным хозяйством, а также и боярство видели в купечестве силу, угрожающую их благосостоянию.

Присущ Полоцкому и юмор, например в раннем стихотворении «О себе», где мы между прочим читаем такие строки:

Ума излишек аж негде девати,
Купи кто хочет, а я рад продати...
Времем сквозь нос разум вытекает,
Да Семен умен: языком приимает...
Все мне по мысли; одно то в печали,
Что злые люди жениться не дали.
Зависть проклята: где меня полюбят,
Там злые люди тотчас мя разгудят,
Кто таков, как я, да щастя не много.
Ожените меня, молю вас для бога!..
Свои палаты за печью имею...

Многие вирши Полоцкого говорят — и иногда очень выразительно — о необходимости повышения образованности в Московской Руси. В послании к вступившему на престол Федору Алексеевичу («Глас последний... почившего царя») он старается доказать, что царю выгоднее иметь просвещенных подданных, чем невежд.

Если примем во внимание, что Полоцкий составил проект Славяно-греко-латинской Академии в Москве, станет очевидным, что стихотворчество не было у него «искусством для искусства», а формой борьбы, оно имело определенную целеустремленность.

Одной из основных его тем была защита просвещения и осмеяние хулящих учение. В этом отношении Прокопович, продолжая традицию древнейших русских стихотворцев, начиная с автора «Похвалы Святославу» в «Изборнике» 1073 г., ярко выраженную у двух Смотрицких, отца и сына, является самым неутомимым из предшественников Кантемира. Постепенно меняется только характер образованности: защитник книжного учения в XI в. имел в виду византийскую образованность, Полоцкий же является убежденным борцом за «латинское», т. е. западное, образование. Ему пришлось бороться со сторонниками византийской образованности, готовыми объявить его уклонившимся в католичество. Поэтому в своих виршах Полоцкий нередко говорит о «клеветниках» и «завистниках». А «завистников» было много, так как Полоцкий, как воспитатель Федора Алексеевича, еще при Алексее Михайловиче пользовался большим влиянием при дворе, а еще большим, когда его воспитанник вступил на престол. По словам Полоцкого, «завистник вся, яко сова солнце, охуждает!»

Много вирш Полоцкого направлено про-

тив учителей раскола, вроде знаменитого Аввакума, который утверждал, что учиться красноречию и диалектике вредно, что философы не могут быть хорошими христианами. Аввакум называл их «песьими сынами».

О гонителях науки такого рода Полоцкий говорил:

Буйством одержимые премудрость хухнают,
Слепа сущи, светлости оные не знают.

Полоцкий отвергал пригодность быть руководителями («вождями») тех проповедников, которые сами неискусны в книгах:

Невежда пути вождь да не бывает,
Книг неискусный да не поучает.

Но Полоцкий не признает знания ради знания: оно должно иметь практический смысл. Не тот мудр, говорит он, кто много прочел, видел и знает, но тот, кто умеет пользоваться своими знаниями:

Несть мудр читавый много, видевый и знаяй,
Но яже знает, добре тех употребляяй.

В одном из своих стихотворных предисловий («Увещание к читателю» в «Тестаменте Василия, царя греческого») Полоцкий проводит мысль, что родители и старшие прежде всего должны действовать собственным примером. Тем не менее в системе воспитания того врмени телесные наказания

считались необходимыми, и С. Полоцкий в этом отношении не стоит выше своего времени. Он заботится только о соответствии наказания с возрастом: для малых детей — розга, для тех, кто постарше, — бич, а для «подрастей», т. е. детей на возрасте, — «жезл».

Заботился Полоцкий и о том, чтобы дать читателям не только назидательное, но и завлекательное чтение. Этой цели служат его рассказы в стихах, взятые из средневековых латинских сборников, например рассказ о гибели епископа Гатона, съеденного мышами. Сюжет, хорошо известный всем по балладе Жуковского, переведенной из английского поэта Соути. Другой стихотворный рассказ «Месть или отмщение» — также типичная баллада по сюжету. Приведем начало ее:

Албоин Лонгобирдов краль жену имяше,
Я же ся Росимунда по имени зваше.
Тоя отца Албоин некогда убил есть,
Из кости главы его чашу устроил есть.
В некое же время с женою пияше
И в той чаше вино ей пити подаяше.

Это и было поводом к мести за отца.

Одописцы времени Екатерины II, в том числе Державин, имели претензии быть «наставниками царей», напоминая им о непрочности земного могущества, указывая, в чем истинная и в чем ложная слава, каковы обязанности царей по отношению

к подданным, какая разница между царем, достойным похвал, и царем-тираном. Весь этот кодекс царских добродетелей задолго до Державина изложен был Симеоном Полоцким. Этой цели служат многочисленные стихотворения Полоцкого на исторические темы. Как лицо духовное, Полоцкий особенно дорожит влиянием церкви, т. е. духовенства, на монарха. Поэтому первая его добродетель должна быть смирение в связи с сознанием непрочности человеческого счастья:

Где они суть цари, иже славны быша,
Едва не всю вселенную себе покориша?
Александр Македонский где днесь пребывает,
Ниже гроба ли кости еговых и то знает...
и т. д.

Другая добродетель царя — любовь к подданным. Говоря об Юлиане Отступнике, Полоцкий дает определение, чем царь-тиран отличается от царя, достойного уважения:

Царь подданным прибытков ищет и желает,
Тиран паки прижитый всяко ищет себе,
О гражданстей ни мало печален потребе.

Как придворный поэт царя Алексея Михайловича, который, по словам историка С. М. Соловьева, и сам писал стихи, С. Полоцкий не уступал в искусстве лести придворным поэтам Елизаветы Петровны и Екатерины II. Его «Приветствия» царю и всем членам царского дома, предшест-

венницы од Ломоносова и Державина, полны неожиданных гипербол; например, о сестре царя Алексея Михайловича, Ирине, он говорит:

Спросить бы солнца аще виде ровну,
Яко Ирину в Руси Михайловну.

Ода на рождение Петра (1672) содержит в себе трафаретное указание, что сей царевич будет защитником благочестия, будет стараться «всю бусурманскую мерзость низложити». Вообще оды Полоцкого по своим достоинствам стоят гораздо ниже его сатир.

8. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Никто из последующих силлабических поэтов, даже сам Кантемир, не превзошел Полоцкого ни плодовитостью, ни разнообразием жанров.

Ближайший и любимый ученик его — Сильвестр Медведев — был казнен Петром за приверженность к партии царевны Софьи и более известен именно с этой стороны. Как придворный поэт он написал восхваление царевне Софьи по поводу учреждения Славяно-греко-латинской Академии в Москве. В этом стихотворении он сравнивает Софью с премудрым царем Соломоном. Традиционная тема — восхваление государя за покровительство просвещению — разработана в связи с определенным конкретным фак-

том. Язык интересен тягой к стихотворным периодам, например:

Яко учитель в своем училище
Премудрость дает в ума хранилище,
Яко царь правит в своем царстве граде,
И вертник плодствит во своем ограде,
Яко солнце ту присно освещает.
Теплотою си лучее согревает,
И яко кормчий добра управляет...
и т. д.

Другой вид придворной поэзии, элегии на смерть высокопоставленных лиц, в силу исторических обстоятельств особено усердно разрабатывался Сильвестром Медведевым. Таков его «Плач» на смерть царя Федора Алексеевича, интересный по своей композиции, таковы 14 «Надгробий» своему учителю Полоцкому, все небольшого размера — от 4 до 10 строк. Они были представлены царю на выбор, но ни одно не получило одобрения. Сильвестру Медведеву предложено было написать одну большую эпитафию, причем указано было и количество строк: двенадцать двустиший. Эта эпитафия интересна между прочим тем, что Полоцкий назван здесь своей настоящей фамилией: Петровский.

Похвальные «Стихи Софье Алексеевне» написал и родственник Сильвестра Медведева, Карион Истомин, более известный как составитель «Букваря» и книги «Полис». Он является переходом к той группе стихо-

творцев, для которых стихи имели прикладное значение для педагогических целей. Таков же Федор Поликарпов, составитель «Букваря треязычного» и «Лексикона треязычного», руководств для изучения трех языков: славянского, греческого и латинского. Основание Славяно-греко-латинской Академии потребовало подобного рода пособий. Таков же и Леонтий Магницкий, автор знаменитой «Арифметики» (1703).

В стихотворстве Кариона Истомина система Полоцкого не выдерживается строго: встречаются и мужские рифмы («конец — венец») и неточные («усердно — потребно») и консонансы («слова — права»); некоторые его рифмы забавны:

Возьми мудрость, сыне Петре,
Она мраки все перетре.

Основная его тема — польза книжного просвещения. В «Большом Букваре» 1696 г., составленном им, есть акростих, начальные буквы которого составляют фразу: «Алексей Царевич, вечно живи». Между прочим царевичу дается совет:

Езди умне в книгах,
Чти мудрость в веригах.

К. Истомин с пренебрежением относится к неграмотным массам, которые довольствуются устным творчеством: он небрежно упоминает о «мужике», который «верещит песнь». В книге «Полис» К. Истомин объяс-

няет в стихах смысл и пользу изучения различных наук. Подобно этому Федор Поликарпов в «Букваре треязычном» указывает, что изучение иностранных языков важно потому, что знающий языки

Угодство людям в мудрости содеет,
Приятство оный везде возымеет.

Образы и сравнения берутся или из растительного мира (цветы, вертоград) или из пастушеского быта (пастырь, овцы); но иногда встречается и большая изобретательность:

Руководит в сей букварь треязычный
Агнцы младые, где глас в школе зычный.

Этот «зычный глас в школе» идет, конечно, не от чужих образцов. Кончается «Букварь треязычный» длинным стихотворением о необходимости мира и о смерти: «возрю на небо — ум не постигает... на землю смотрю — мысль притупляется».

По широте ли ум зде понесется,
Конца и края нигде доберется.

При дальнейшем развертывании темы находим замечательный образ:

Под нашим окном внезапно смерть ходит.

Это стоит державинской строчки: «А смерть глядит через забор».

«Арифметика» Леонтия Магницкого начинается двумя стихотворениями: первое, не-

большое, в 12 стихов, — обращение к учащемуся, где указывается польза арифметики как в ратном поле, так и на море, а также в делах гражданских, и высказывается пожелание, чтобы, начав с арифметики, юноша полюбил и другие науки; второе стихотворение длинное, в 284 стиха, объясняет более подробно пользу изучения наук вообще и математики в частности; здесь в стихах указывается план в расположении материала книги.

Из поэтов-силлабиков, последователей Полоцкого, Тредиаковский особенно высоко ставил Петра Буслаева, который строже других придерживался в своей рифмовке и в цезурах системы Полоцкого. Его элегия-поэма на смерть баронессы Строгановой, носящая витиеватое заглавие: «Умозрительство душевное», интересна по своей композиции. Поэма состоит из двух частей, равномерных по числу стихов. В той и другой по двести двустиший, т. е. всего 400 стихов. Действие первой происходит на земле, действие второй — на небе. Каждая часть делится не на главы, а на параграфы. Более удалась первая часть — картина умирания баронессы. Поэма вышла отдельной книгой в 1734 г., т. е. за год до появления новой системы стихосложения, провозглашенной Тредиаковским.

Самым талантливым из поэтов-силлабиков, современников Кантемира, надо считать (после Кантемира) Феофана Прокоповича,

который хотя и носил церковную рясу, был человеком светского образа мыслей, ценившим все радости жизни, склонный даже к эпикуреизму. Невольно напрашивается сближение его с деятелями эпохи Возрождения на Западе. В молодости он несколько времени прожил в Риме, и это отразилось на его литературных вкусах. Приверженец Петра, друживший с немцами и подвергавшийся со стороны врагов обвинению в лютеранстве, как Полоцкий когда-то вызывал подозрение в уклоне к католичеству, Феофан Прокопович писал стихи, мало связанные с польским стихосложением. Знакомство с поэзией других народов дает ему возможность не всегда придерживаться системы С. Полоцкого; многие его стихи звучат как тонические (см., например, «Запорожец кающийся»), он пользуется не только парными, но и перекрестными рифмами («О лихорадке», «Плачет пастушок в долгом ненастьи»), чередует десятисложный стих с четырехсложным:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красных?
Коли явится милость прещедра
Небес ясных?

И, что особенно ценно, он некоторые свои произведения («Стихи на Ладожский канал», «Стихи императрице Анне Ивановне», «К творцу сатиры — к уму своему») пишет октавами. Эта строфа стала ему

известна, вероятно, из итальянской поэзии, где она была очень употребительна. Эти силлабические октавы были потом совершенно забыты. Обычно считается, что первый стал писать октавами Жуковский. Очень своеобразны в ритмике и рифмовке стихи Прокоповича, начинающиеся словами: «Прочь, уступай прочь, печальная ночь». Здесь есть и тройные созвучия и нерифмованная строка «Коликий у нас мрак был и ужас», которая, вероятно, должна читаться как две строки с рифмовкой: «у нас — ужас». Есть тут и неравносложность строк.

Официальная лирика Феофана Прокоповича, посвященная прославлению Петра и Анны Ивановны, где он описывает сражение (из «Епиникиона») или радуется, что Анна не позволила верховникам ограничить ее самодержавие, довольно тяжеловата и ничем не выше среднего уровня силлабических вирш, но те стихи его, которые относятся к его частной жизни и не предназначались для печати, например, «О лихорадке» или «Шуточная надгробная надпись Адаму диакону», или особенно те два стихотворения, которые связаны с поэтическою деятельностью Кантемира: дружественный отклик на его первую сатиру и элегия «Плачет пастушок», вызвавшая в свою очередь отклик Кантемира, по искренности тона и по оформлению принадлежат к лучшим произведениям силлабической поэзии. То же следует сказать про его «эпиграммы».

Вообще в это время домашняя поэзия, большею частью шуточная, не стесняемая школьной пиитикой, разнообразная по приемам и по языку приближающаяся к разговорному, опережала серьезную официальную поэзию. До нас дошло несколько шуточных приветствий отцу Герасиму, эконому в той школе, которую содержал на свои средства Феофан. Восхваляется он за то, что вкусное готовит пиво. Стихи довольно бойки, в одном встречаем строфические построения, необходимые для силлабических стихотворцев: шестишие с рифмовкой: а а в с с в.

Не стесняемая книжной традицией, доверяя более слуху, чем глазу, домашняя поэзия часто давала почти правильные тонические размеры — ямбы и хореи, например:

Честный отец Герасим,
Чем мы тебя украсим?
За хлебец твой питейный
Обиходец келейный?
Кто пьет его, тот пляшет,
Да и рукою машет.

Кроме четвертого стиха — «обиходец келейный», все это — правильный трехстопный ямб; по силлабическому же стихосложению это — семисложник.

Русские немцы, Глюк и Паус, писали русские стихи по образцу немецкого тонического стихосложения. У них была и довольно богатая строфика (шестистишия и

десятистишия); парных рифм у них почти не встречается, но их попытки в значительной степени обесцениваются недостаточным знанием русского языка. Стеснительность же польского силлабического стихосложения для русского языка сказывалась в том, что почти никто строго не выдерживал этой системы.

Классики силлабических вирш, Симеон Полоцкий и Антиох Кантемир, канонизировали обязательность женской рифмы, строгую точность в количестве слогов и постоянную цезуру в тринадцати- и одиннадцатисложнике.

Нарушение этого канона встречаем у раннего Симеона Полоцкого, а из его последователей — у Кариона Истомина, Магницкого и более всего у ближайшего его ученика — Сильвестра Медведева.

Чаще всего это нарушение выражается в пользовании мужскими или дактилическими рифмами, например, у раннего Симеона Полоцкого в приветствии царю при посещении им Полоцка: «Медоточная — восточная», «государь — владарь», у Леонтия Магницкого — в его прославлении Арифметики: «страх — прах», «Пифагор — с гор», «мног — возмог», «труд — люд» или дактилические: «снискатели — писатели», «обычайная — случайная». Широта в выборе слов, а в том числе и в выборе рифм, роднит местами стихотворение Магницкого со стилем раешника:

Арифметика *обычайная*
В купецких делах *случайная*,
Цену товаров обретати
И достойно ю исчисляти...
Ремесленникам и художным,
Подданным всяким и вельможным.

Число слогов не очень строго выдерживается — в первом стихе 10 слогов, в последующих — по 9.

Или, например:

Зане разум весь собрал и *чин*
Природно русский, а не *немчин*.

Наоборот, Петр Буслаев является в этом отношении приверженцем канонической формы: он строго придерживается женской рифмы.

Второе нарушение правил — отсутствие строгой выдержанности в количестве слогов и в цезуре. Это в приведенных стихах Магницкого, это же и в стихотворении Петровского (тогда еще он не был Полоцким) «О себе». Петровский говорит о своей силе:

Другий то Сампсон, / да нет с ким побиться,
Кого вызову, / всяк меня боится,
Да кто с богатырем / бороться посмеет?
Мечом, пистолми / все Семен умеет.

Третий стих имеет 12 слогов и цезуру после 6-го, остальные — 11 и цезуру после 5-го.

Третье и самое характерное — допущение не строгих рифм, а именно ассонансов, консонансов, а также рифм тождественных или смысловых.

Великолепные примеры находим у раннего Полоцкого, а также и у Сильвестра Медведева.

У первого находим ассонансы: «Питириме — ныне», «новорожденна — царевна», консонанс и вместе с тем смысловую рифму: «солнце — сердце».

Витаем тя, православный царю, праведное *солнце*,
Здавна бо прагнули тебе души наши и *сердце*.

Это «Приветствие Алексею Михайловичу» вообще ближе к виршам московских поэтов первой половины XVII в., чем к силлабическим виршам того же Полоцкого. Равносложность слогов строго не выдерживается: в первом стихе 16, во втором 15 слогов. У Сильвестра Медведева ассонансов и консонансов смысловых рифм еще больше: «молитву — просившу», «веселие — хваление», «славно — прехвально», «саму — праву», «царевною — одаренною». Но особенно характерны те случаи, когда на концах строк мы находим слова синонимического значения, например, «нам» (т. е. над нами) «смеются — ругаются», «премудрости — благости», «государыне — царевне» и т. д.

И в лучших силлабических виршах находим следы белорусского или украинского произношения, что отражается и на рифмах. Например, буква «ять» произносится у украинца Феофана Прокоповича как *и*. Это отражается и на рифмовке: «отмены» рифмует с «кручины», «кормитель» с «добродетель». Другой бросающейся в глаза особенностью, указывающею на украинское влияние, — является смешение *и* и *ы*: поэтому «укрывати» рифмует с «трикраты», на слух Прокоповича это — точная рифма. Это встречаем не у одного Прокоповича. В самом прославленном произведении, написанном силлабическими виршами: «К уму своему» или «На хулящих учение» — сатире Кантемира, отличающейся строго выдержанной рифмовкой, находим одну неточную, с позднейшей точки зрения, рифму: «кудр*и* — пудр*ы*».

До нас дошли рукописные лекции анонимного преподавателя по стихосложению, датированные 1741 г., которые читались, вероятно, в Киеве. Там находим указание, какие рифмы считались тогда хорошими, какие — плохими. «Рифмы не считаются хорошими, если состоят из односложных слов, например, *глас* и *клас*; или если простое слово рифмует с таким же сложным словом, например, «славно» и «преславно», также если последний слог или третий с конца имеет ударение, например, «отвел» и «привел», «велие» и «веселие»; нельзя одобрить рифмы, кончающиеся на *чи*, *вши*, *ше*. Предпочитаются

рифмы с ударением на предпоследнем слоге, особливо если они принадлежат к разным частям речи, например, з л а т о — п о д а т о».

Приведенный в этом отрывке пример якобы плохих рифм: «веселие — велие», взят из Феофана Прокоповича, но с точки зрения высказываемых тут требований не только этот поэт, но и классики силлабизма, Симеон Полоцкий и Кантемир, не выдерживают критики. У первого рифмы в подавляющем количестве глагольные: если возьмем, например, у него отрывок в 22 двустишия, где описывается великолепие Коломенского дворца, то увидим, что только 6 двустиший из 22 срифмовано не на глаголы, или глагол рифмует с другой частью речи, это составит 27%. Все остальные двустишия срифмованы исключительно на глаголы. Там же, где глаголов нет, рифмы не принадлежат к разным частям речи, как следовало бы по теории 1741 г.: прилагательное рифмует с прилагательным: «честный — небесный»; творительный множественного с творительным множественного: «ногами — устами». Безукоризненную рифму встречаем во взятом нами отрывке только один раз: «кедрово — слово».

Значительно лучше, но все же не благополучно, обстоит дело и с последними силлабиками — Кантемиром и Петром Буслаевым. Глагольные рифмы в первой сатире Кантемира составляют около 40%, почти то же

в первых пяти параграфах «Умозрительства» Буслаева.

Глагольных рифм мало у Леонтия Магницкого; в трех отрывках его рассуждения о пользе арифметики, взятых нами из начала, середины и конца, процент глагольных рифм составляет около 16. Но это достигается тем, что Магницкий щедро пользуется неточными рифмами и ассонансами: «должность — природность», «гражданству — государству», а также мужскими и дактилическими рифмами, это тоже не рекомендовалось. Мы видим, как обязательная женская рифма, и притом точная, стесняла поэтов: это вело к морфологическому однообразию рифм.

Еще большим недостатком всей виршевой поэзии была невыработанность стихотворного языка. Слова церковно-славянские и русские архаизмы, как, например, глаголы в сложно-прошедшем времени у Сильвестра Медведева: «написал есть», «дал есть» — вместо: написал, дал (эти формы первоначально были причастиями), не могли затруднять грамотных людей: они привыкли встречать их в книгах; но, например, полонизмы и белоруссизмы, которыми изобиловали стихи Симеона Полоцкого, особенно вначале, должны были значительно ограничивать круг людей, без труда понимавших его стихи: «порушил», «през» (вместо пред), «витаем», «прагнули», «маестат», «за патронку мает», «крилма» (вместо кры-

лами), — такие полонизмы щедро рассыпаны в виршах Симеона Полоцкого. Впоследствии, обжившись в Москве, он начал постепенно от них освобождаться. У многих поэтов, в том числе у Феофана Прокоповича, часто встречаются украинизмы. У Буслаева, любящего точные рифмы, это сказывается в произношении *и* и *ы*: у него рифмуют: «глаголы — воли», «двери — веры», «болезни — железны».

У Пауса встречаем германизмы. Употребление иностранных слов давало возможность разнообразить рифмы; особенно это характерно для Буслаева, который любил к русским словам в рифму слова нерусского происхождения: «митра — хитра», «фиял — излиял», «концерты — стерты», «сферы — веры». Язык его вообще поражает смешением церковно-славянских слов с иностранными. У него мы встречаем такие слова, как персона, фундамент, триумф, феатр, эмпирейские сферы:

Трость, копие и гвозди — страстей *инструменты*,
От чего трепетали света *элементы*.

Позднейшие исследователи и критики часто говорили о жесткости языка Кантемира, но если брать его язык в историческом плане, нельзя не признать величайшей заслуги Кантемира в том, что он первый дал образцы вирш, почти чуждых церковнославянщины, полонизмов и германизмов.

9. АНТИОХ КАНТЕМИР

Кантемир — единственный поэт-силлабик, о котором существует и критическая литература. О нем писали и Батюшков, и Жуковский, и Белинский, и Полевой, и многие другие. «Несмотря на общее согласие в том, что русская литература начинается с Ломоносова, — писал Белинский, — все начинают ее с Кантемира... Кантемир начал собою историю светской литературы. Этот человек первый на Руси свел поэзию с жизнью. Тогда как сам Ломоносов только развел их надолго». Конечно, светская литература существовала задолго до Кантемира, но Белинский прав в том смысле, что литературная деятельность Кантемира была показателем того перелома, который произошел в литературе: светская литература начала преобладать над духовной, а не наоборот, как было раньше. Еще ценнее противоположение, которое сделал Белинский между Кантемиром и Ломоносовым: «Поэзия Кантемира уже по тому одному, что она была сатирической, не могла быть риторической. Не только при Кантемире, но и гораздо спустя после него, русская литература могла, если б поняла свое положение, смеяться и осмеивать, а между тем она больше восторгалась и надувалась. Впрочем, действительность взяла-таки свое, — и русская литература как-то сама собой, бессознательно,

разделилась на сатирическую и риторическую».

Были попытки и развенчать Кантемира: Н. Полевой утверждал, что Кантемир только подражатель Ювенала, Горация и Буало. Но это указание по существу нисколько не умаляет значения нашего сатирика в русской литературе, тем более, что Кантемир сам первый подчеркивал влияние этих поэтов. В последующей литературе о Кантемире заслуживают внимания статьи Стоюнина, Т. Глаголевой и Плеханова (см. т. XXI Собр. соч.). Принадлежа, как Прокопович и Татищев, к «Ученой дружине», энергично боровшейся за реформы Петра и европейское просвещение против закоренелых предрассудков и дикого быта московской Руси, сам прекрасно образованный, Кантемир и за границей остался русским дворянином, приверженцем самодержавия, не сомневавшимся в справедливости крепостного строя; в своих сатирах он нападал только на злонравие дворян, требуя от них сознания человеческого достоинства. Нехорошо бить слугу, потому что тот по своему общественному положению является беззащитным, но владеть крепостным вполне законно, по мнению Кантемира. Нападая на попов, он чужд, однако, религиозного вольнодумства. На Кантемира надо смотреть исторически, и потому несправедливы обвинения, которые предъявляли ему некоторые исследователи, как Галахов, Порфирьев

и др. Только Плеханов положил начало правильному пониманию исторической роли Кантемира.

Влияние же Кантемира на последующую русскую поэзию не подвергалось изучению.

Кантемиру принадлежат девять сатир. На них основана главным образом слава Кантемира. В каждой из них находим ряд сатирических зарисовок, а иногда и карикатур, главным образом все это дворяне, но достается и духовенству и купечеству.

Вот, например, характеристика купца в IX сатире:

Смотри: купец украшен в пояс бородою,
В святом и платье ходит, только не
с клюкою,
Во всем правдив, набожен: прийдет до
иконы,
Пол весь заставит дрожать — как кладет
поклоны!
И чаял бы ты, что он весь в правости
важен;
Погляди ж завтре аж где? В тюрьме уж
посажен.
Спросишь: «За что тут муж сидит святой
и старый?»
Воровством без пошлины провозил товары.

Очень ярко изображен служитель церкви, все поведение которого направлено к увеличению доходов:

Варлаам смирен, молчалив, как в палату
войдет.
Всем низко поклонится, к всякому подойдет,
В угол свернувшись потом, глаза в землю
втупит.
Чуть слыхать, что говорит; чуть, как ходит,
ступит...
Бесперечь четки в руках, на всякое слово
Страшное имя Христа в устах тех готово...
О доходах говорить церковных склоняет;
Кто дал, чем жиреет он, того похваляет,
Другое всяко не столь дело годно богу:
Тем одним легку сыскать может в рай
дорогу.
Когда в гостях за столом — и мясо
противно
И вина не хочет пить; да то и не дивно:
Дома съел целый каплун, и на жир и сало
Бутылки венгерского с нуждой запить стало.

Но главным образом Кантемир занят дворянами. Перед нами проходит длинная вереница честолюбцев, хвастунов, нахалов, пролаз и подлизал. Кантемир прекрасно сознавал, в чем главная сила его дарования:

Я знаю, что, когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нрав сломить
стараюсь,
Сколько ногти ни грызу и тру лоб
вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те не
спелы,
Жестки, досадны ушам.

Совсем другое, когда поэт берется за сатирическую тему:

Чувствую сам, что тогда в своей воде
плавлю
И что чтецов своих зевать не заставлю.
Проворен, весел спешу, как вождь на
победу
Или как поп с похорон к жирному обеду.

Действительно, произведения в хвалебном роде, например, стихотворение: «Речь государыне Анне Ивановне» или «Петрида», стихотворение, посвященное смерти любимого им Петра I, — являются самыми неудачными из произведений Кантемира.

Но и в сатирическом роде Кантемиру не все удавалось. Пять басен его не заслуживают особого внимания. Наоборот, ему удавался жанр «посланий» или, как он называл, «писем». Одно из них — к Никите Трубецкому, письмо второе: «К стихам своим».

Здесь Кантемир отступает от своей обычной манеры рифмовки попарно и дает в первом послании ряд четверостиший с перекрестными рифмами; во втором письме находим строфическое построение по формуле а в а в с с. Всего 9 строф. Как пример, приведем 7-ю:

Зависть, вас пошевеле, найдет, что я новых
И древних окрал творцов и что вру
по-русски,

То, что по-римски давно уж и по-
французски
Сказано красивее, не чудно с готовых
Стихов, чает, здравого согласно с законом
Смысла, мерны две строки кончить тем же
звоном.

В следующей строфе автор высказывает предположение, что его стихи где-нибудь «под пылью», «гнусно» будут лежать вместе с «Бовою» и «Ершом». В этом сопоставлении чувствуется презрение книжного поэта Кантемира к произведениям устного творчества как умственной пищи простолюдинов. Интересно, что о слугах и «мужиках» Кантемир говорит только мимоходом и почти всегда пренебрежительно.

Вышеуказанное стихотворение: «На горах наших», так же как и начинающееся словами: «Аще из земли престанут реки истекати», интересно своим размером: нечетные строки — десятисложники, четные же — фактически двухстопный хорей:

Свиньею смотрят на люди равны,
Как скотины,
И давят бедных, сильно злонравных
Без причины.

Если принять во внимание, что после 5-го стиха должна стоять цезура, разделяющая стих на два полустишия, а полустишия могут читаться как отдельные строки, данное четверостишие легко превратить в шести-

стишие, которое будет звучать, очевидно, вполне хорошо ритмически, потому что оригинальнее обычных силлабо-тонических стихов.

В своих «песнях», не имеющих тоже особой ценности по содержанию, Кантемир также придерживается перекрестных рифм (песни I, II и III), а в песне IV дает шестистишие с «рифмовкой» а в а в с с. Переводы писем Горация и песен Анакреона Кантемир делает, избегая рифмовки. Стихи, основанные только на количестве слогов («Письма» Горация — на 13 слогах) и без рифм, не дают русскому стихосложению ничего нового, — наоборот, отодвигают нас к началу русской письменности, где фигурировали древнеболгарские двенадцатисложники без рифм; разница только в том, что тогда русские писцы часто искажали эти размеры, у Кантемира же все строго выдержано.

Стихи из Анакреона — безрифменные восьмисложники. Как в письмах Горация, так и в анакреонтических песнях вместо рифм обязательные ударения на втором слоге от конца.

Рифм мужских и дактилических, а равно и подобных же окончаний без рифм Кантемир не признает. Относительно системы рифмовки характерно, что в лучших своих произведениях — «Сатирах» — Кантемир придерживается традиционных двустиший, перекрестные же рифмы допускает в других произведениях, менее ему удававшихся. Есть

у него и опоясные рифмы — а в в а, например в эпиграмме «На Брута». Всего же оригинальнее строфа в эпиграмме «О прихотливом женихе», где 1-й стих рифмует с 6-м: «Эреадо — гораздо».

Силлабических октав, характерных для Прокоповича, мы у Кантемира нигде не обнаружили.

Никто из предшественников и даже современников Кантемира не относился к своему творчеству так заботливо, любовно и в то же время критически, как он. У него собственное творчество впервые становится особой и важной темой: сатира IV «К музе своей» и письмо II «К стихам своим» принадлежат к числу лучших его произведений. Он любил снабжать свои произведения предисловиями и обширными комментариями, где объяснял обстоятельства, при каких его стихотворение было написано, давая толкования отдельным выражениям и словам, не всем, по его мнению, понятным или просто не вполне удачно заимствованным, указывая на свои заимствования и подражания, а иногда и сознаваясь в своих промахах. Подобного примера автокомментария последующая русская поэзия не знает. Комментарии Пушкина к своим произведениям слишком редки и лаконичны. Только Державин на старости лет взялся за систематическое объяснение своих стихотворений при помощи примечаний, но, уже не говоря о дельности, даже в смысле чистосердечия,

которым Державин так всегда гордился, он значительно уступает Кантемиру.

Для Кантемира колоссальное значение имело «открытие» в 1735 г. Тредиаковским в трактате «Новый способ сложения стихов» тонического или, как потом стали называть, силлабо-тонического стихосложения.

Кантемир решил пересмотреть свою стихотворную технику — в результате он сам написал замечательный трактат «О сложении стихов русских», где, не сдавая своих позиций поэта-силлабика, вносил ряд улучшений в свою систему. В связи с этим он и переделал заново пять уже написанных к этому времени сатир и последующие годы писал по собственной своей системе.

В тринадцатисложный стих он ввел обязательно ударный 5-й или 7-й слог, при обязательной безударности 6-го. Для удобства он везде расставил эти ударения; после 7-го слога — обязательная цезура. Но не только в ритмическом отношении выиграли кантемировские сатиры. Он подверг радикальной переработке и содержание и образность.

Сравним, например, первоначальный образ пьяницы-гуляки в I сатире с окончательным:

Пьяница, раздут с вина, чуть видя глазами,
Раздран, смраден, по лицу распещрен угрями,

Советует в веселье житье провождати...
и т. д.

Вместо этого впоследствии:

Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
«Наука содружество людей разрушает»...
и т. д.

«Новый способ к сложению стихов», с которым выступил Тредиаковский, заставил Кантемира задуматься и над ролью рифмы. Он теоретически признает и мужскую и дактилическую рифму (по его терминологии: «тупую» и «скользкую»), но сам пользуется ими только в нескольких примерах, приведенных им в его рассуждении «О сложении стихов русских», например:

В страстях погруженное
Сердце изнуренное.

Или:

Тебе пою,
Тебе свою
Жизнь предаю,
Небес царю.

В своей же поэтической деятельности и от мужских и от дактилических рифм он продолжает воздерживаться, а в женских рифмах допускает не только парные сочетания в двустишиях, но и рифмы, чередующиеся опоясными и т. д., как мы видели выше.

Чувствуется, таким образом, что он теоретически сознает больше технических возможностей для развития русского стихотворства, чем сам может проработать на практике.

После знаменательного 1735 г. у Кантемира начинает обнаруживаться тяга к безрифменным стихам.

В 1736 г. он переводит 55 песен Анакреона и в предисловии объясняет, что «стихи без рифм употребил, чтоб можно было ближе оригинала держаться».

В 1742 г. он в предисловии к переведенным им десяти «Письмам» Горация не ограничивается только этим указанием на желание быть ближе к подлиннику, но и вообще выступает в защиту стихов без рифм.

«Ведаю, что такие иным стихами, за недостатком рифмы, не покажутся; но ежели они соизволят прилежно примечать, найдут в них некое мерное согласие и некий приятный звон, который, надеюсь, докажет, что в сочинении стихов наших можно и без рифмы обойтись».

Далее Кантемир указывает ряд примеров безрифменных стихов в итальянской поэзии и напоминает, что между англичанами не должно забыть славный Мильтонов «Потерянный рай». Он тоже написан стихами без рифм.

Пробует Кантемир писать и оригинальные стихи без рифм, например «Посвящение „Писем" Горация Елисавете Первой».

Для лучшей оценки ритма этих стихов приведем несколько строк, разделяя их цезурой на два стиха:

И нравов исправлению
Творец писать тщался
Искусно хвалит везде
Красну добродетель...
И гнусное везде он
Злонравие хулит.
Ты и добродетели
Лучшая защита,
И пороки прогонять
Не меньше прилежна.

Когда говорят о неуклюжести стихов Кантемира, часто забывают, что он был первым русским поэтом, почти совершенно освободившимся от славянизмов, полонизмов и т. д. Для создания стихотворной бесприместной русской речи препятствия были громадные: чтобы преодолеть их, требовалось больше таланта, чем потом, после Ломоносова, писать гладкие стихи. Но если Кантемир, по словам Белинского, воздвиг себе своими сатирами небольшой, но вечный памятник, то, конечно, не за свою борьбу за чистоту языка, не за то, что его вирши — по форме своей высшее достижение виршевой поэзии, а за остроту своей сатиры и за крупный талант изобразительно-живописный.

Нельзя не согласиться с Плехановым, когда он называет «поистине превосходным»

описание у Кантемира всеобщего пьянства в праздничный день:

... еще не обедая
Было народ, и солнце полкруга небесна
Не пробегло, а почти уже улица тесна
Была от лежащих тел. При взгляде я первом
Чаял, что мор у вас был, да не пахнет ствервом,
И вижу, что прочие тех не обегают
Тел людей, и с них самых ины подымают
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ног лишь не дает встать; словом, все пьяны.

Для доказательства мысли, что взрослые должны скрывать от глаз детей свои пороки, чтобы те не начали подражать дурному примеру, Кантемир приводит следующее замечательное сравнение:

Гостя когда ждешь к себе, один очищает
Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
И убирает весь дом, третий трет посуду,
Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
Глаз гостя малейший сор, чтобы он не приметил
Малейшу нечистоту; а ты ж не тщишься

Поберечь младенцев глаз; ему не стыдишься
Открыть свою срамоту. Гостя ближе дети,
Больше бережь ты для них должен бы имети.

Если у Кантемира встречаются иногда ошибки в языке, например «со скотом», вместо «со скотом», то приходится скорее удивляться, что поэт, которому в сущности не у кого было в этом отношении учиться, делает сравнительно так мало ошибок. Зато у него встречаются и такие прекрасные русские слова, как, например, «бережь».

Андрей Рымша, Семен Петровский (Полоцкий) и Кантемир — три основных этапа в истории силлабических вирш на Руси. Каждый следующий из них все более повышает требования к искусству виршеписания, увеличивает его трудности, сужает и ограничивает творческие возможности, все дальше и дальше отходя от изумительной по разнообразию приемов, но не систематизированной устной нашей поэзии.

Ив. Н. Розанов.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Семен Емельянович Петровский-Ситнианович родился в 1629 г. в Белоруссии. На двадцать седьмом году он принял монашество и вместе с тем имя Симеона. Кто были его родители, неизвестно.

Грамоте он начал учиться на седьмом году, а все свое образование закончил через 14 лет в Киевской коллегии, устроенной по образцу иезуитских академий в Польше. Симеон изучал грамматику, диалектику, риторику, пиитику, арифметику, геометрию, астрономию и философию. Правила риторики и пиитики подкреплялись примерами: учащиеся должны были составлять вирши (стихи) и орации (речи), те и другие в приподнятых, напыщенных выражениях. Высоко ценилась изворотливость в диспутах или спорах по философским и теологическим вопросам.

Еще в Киеве Симеон стал страстным стихотворцем. Приняв монашество, он поселился в Полоцке, в Богоявленском братском монастыре, и стал «дидаскалом» (учителем) в братском училище. В это время шла война России с Польшей. Царь Алексей Михайлович дважды побывал в По-

лоцке в 1656 г. Симеон с двенадцатью отроками (учениками) приветствовал царя и поднес ему стихи («Метры») своего сочинения.

Литературная речь Симеона заключала в себе тогда множество слов и оборотов белорусских, польских, латинских; для сближения с Москвой он деятельно принялся за изучение книжной церковно-славянской речи. Руководством служила «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, впервые изданная в 1619 г. и перепечатанная в Москве в 1648 г.

В 1659 г. Симеон с двенадцатью отроками Богоявленского братского училища сопровождал вызванного царем в Москву архимандрита полоцкого Богоявленского монастыря. Царь милостиво принял и полоцкую братию, и произнесенные отроками «приветства» Симеона всей царской семье.

Хотя поэт и возвратился осенью 1660 г. в Полоцк, эта поездка сделала его хорошо известным при дворе. Вскоре возобновилась война России с Польшей. Поляки заняли Полоцк, и во второй половине 1663 г. Симеон уехал в Москву. Здесь он поселился в Спасском монастыре за Иконным рядом. Содержание он получал от двора, и ему поручено было обучать «по латиням» и «для грамматичного ученья» молодых подьячих Приказа тайных дел. В числе этих подьячих в 1665—1668 гг. был любимый ученик Полоцкого Семен Медведев, принявший впоследствии монашество под именем Сильвестра.

Деятельность Симеона далеко не ограни-

чивалась преподаванием в Заиконоспасской школе, где упражнения в риторике и пиитике, «вирши» и «орации», были любимым предметом самого «дидаскала». Он исполнял поручения царя и церковного собора по делу патриарха Никона и по «обличению» основоположников старообрядчества. В 1667 г. была напечатана его книга «Жезл правления на правительство мысленного стада православно-российския церкве», направленная против «непокоривых овец и жестоковыйных и хищных волков, на стадо Христово нападающих». Им же написаны «Деяния» собора, осудившего как Никона, так и вождей раскола. Наконец, он стал придворным проповедником, поэтом и наставником царских детей.

В богословских сочинениях Симеон давал повод своим врагам к упрекам в латинской ереси, но до кончины продолжал пользоваться доверием царей Алексея и Федора. При всех выдающихся событиях придворной жизни Полоцкий выступал с речами или стихотворениями. Сохранились во множестве речи, не только сказанные самим Полоцким, но и написанные им для других. С «приветствами», им сочиненными, выступали и царевич Федор и внучек боярина Б. М. Хитрово. К Симеону с уважением относились бояре, искавшие общения с Западом и охотно принимавшие технические и культурные новшества. Для театра в селе Коломенском Полоцкий написал две пьесы

в стихах: «Комедию о Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных», и «Комедию притчи о блуднем сыне». Вторая из них вскоре по смерти автора была напечатана в Москве (в 1685 г.) с многочисленными иллюстрациями.

Литературное наследство Полоцкого еще не вполне собрано и обследовано. Он сам объединил (1678—1679) значительную часть своих произведений в два тома — «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». Свои богословские взгляды он высказал с наибольшей отчетливостью в трактате: «Венец веры кафолическия». Полоцкому было чуждо научное движение, связанное с именами великих западных рационалистов XVII в., он усвоил схоластическую «мудрость» и ее приемы.

Симеон многое из прочитанного излагал «своими словами» и переделывал, но сохранилось немало и выполненных им переводов с латинского, преимущественно по вопросам церковным.

Полоцкий перевел стихами всю Псалтырь (в 1678 г.). В этом переводе принял участие его ученик, царевич Федор Алексеевич: ему приписывается перевод 132-го и 145-го псалмов. В том же году он составил «Вертоград» (законченный в августе) и «Рифмологион» (законченный, по всей вероятности, в 1679 г.).

Переложив в стихи Псалтырь, Полоцкий соединил с нею несколько позже свой «Ме-

сяцеслов в стихах». В эту пору он располагал печатным станком: царь разрешил устроить типографию у себя «на верху». Первенцем ее был «Букварь», содержавший не только азбуку, но и материал для чтения; книга вышла в свет 3 декабря 1679 г.

В день венчания на царство Федора Алексеевича (18 июня 1776 г.) Симеон представил своему бывшему ученику обширное стихотворение с пышным заглавием: «Гусль доброгласная»... В черновом списке этого произведения находится «Желание творца»: Полоцкий мечтал о распространении стихотворства в России путем печати. Новый царь был готов осуществить желание своего учителя. Кроме «Букваря», в «верхней» типографии напечатаны «Обед душевный» и «Вечеря душевная», но ни «Рифмологион», ни «Вертоград» Полоцкий не успел провести через печатный станок: он умер 25 августа 1680 г.

Из многочисленных работ, посвященных Симеону Полоцкому, главная принадлежит акад. Л. Н. Майкову: «Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий, СПБ, 1889, стр. 1—162, Симеон Полоцкий». Новейшая работа принадлежит А. И. Белецкому в «Сборнике статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова» (Л., 1934, стр. 325—334): «Повествовательный элемент в „Вертограде" Симеона Полоцкого».

Прекрасный подбор отрывков из произведений Симеона Полоцкого дан Ф. И. Буслае-

вым в «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков» (М., 1681, стр. 1189—1214).

Множество цитат из его сочинений дают также Л. Н. Майков в указанной выше работе и Иерофей Татарский в исследовании «Симеон Полоцкий», М., 1886.

ИЗ «ПРИВЕТСТВА ЦАРЮ»

Витаем тя, православный царю, праведное солнце,
Здавна бо век прагнули тебе души наши и сердце.
Витаем тя, царю, от востока к нам пришедшего,
Белорусский же от нужды народ весь свобождшего.
Радуйся, церкви наша святая и восточная,
Яже испущает словеса всем медоточная,
Ибо ты первее духом святым начася здати
През Алексея Михайловича днесь расширяти...

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «РИФМОЛОГИОНУ»

Писах в начале по ѕзыку тому,
    Иже свойственный бе моему дому.
Та же увидев многу пользу быти,
    Славенску ся чистому учити,—
Вѕях грамматику, прилежах читати,
    Бог же удобно даде ю ми ѕнати...
Тако славенским речен приложихся;
    Елико дал бог, ѕнати научихся;
Сочинение воѕмогох поѕнати
    И обраѕная в славенском держати.

ИЗ «ОРЛА РОССИЙСКОГО»

Пресветлый орле Российския страны,
Честнокаменным венцем увенчанный,
Орле преславный, высоко парящий,
Славою орлы вся превосходящий,
Вскую превыше облак водородных
Париши крилы перий славоплодных,
Что в пространстве воздуха велика
Суть стремления тобою толика,
Яко исполнь весь орызонт славы
Всемирных концев от твоея главы.
Глава ти небес самых достизает,
Простертость крилу весь мир окриляет...
России радость днесь господь дарует,
Яже о царьстем сыне вселикует.
Ликуй, Россио, сарматское племя,
Радуйся, Москва, яфетово семя,
Пари весело, орле быстроокий,
Разбивай крилма аер прешврокий,
Давай глас на вси страны торжественный,
Да вси познают день твой праздне-
ственный.
Летай во солнце православна света,
Отца со сыном, пой им многа лета...
Честные девы, умные камены,
Зрите, вещайте, кто есть проявленный,

Что орел в солнце светло поставленный.
Рците в премены...
Что, моя мусы Геликонска лика,
Умножаете словеса толика?
Егда хощете славу описати
Явленна солнца и стихи слагати,
Благо о орле вы проповедасте,
Добре о солнци, но ниже начасте.
Сама Афина едва зде довлеет,
Толику славу Россиа имеет.
Омир преславный в стихотворении
Не могл бы пети о сем явлении;
О Енеевых Виргилию бранех,
Овидию же о Гетийских странех
Метротворити, а зде не довлеют,
И риторове о сем не умеют
Рещи довольно. Демосфин немствует,
Кикерон славный ему пособствует...
На славу зряще света Алексия,
Царского сына, иже Руси всея
Есть веселие и радость велика,
Нужда зде певцов от небесна лика,
Еже воспети, како он сияет,
Како Россию светом озаряет
Славы своея...
Ты же, о солнце проявленно ново,
Буди во путь сей радостно готово.
Дванадесяте в нем ся обретают
Зверие, яко искусни вещают.
Благополучно зодий окончиши,
Земный и вечный венец получиши,
С богом наченшу бог кончина будет,
Слава ти с богом во веки пребудет.

ИЗ ПРИВЕТСТВА ЦАРЮ О БЛАГОПОЛУЧНОМ ВСЕЛЕНИИ ЕГО В ДОМ, В СЕЛЕ КОЛОМЕНСКОМ НОВОСОЗДАННЫЙ

Добрый обычай в мире содержится,
В дом новозданный аще кто вселится,
Вси друзи его ему приветствуют,
Благополучно жити усердствуют,
И дары носит от сребра и злата,
И хлеб, да будет богата полата.
Нищ ли кто в злато, руце воздевает
К богу и мольбы теплы воссылает,
Да подаст здраво и счастливо жити,
Им же даде в дом новый ся вселити.
Аз сей обычай честный похваляю
И сам усердно ему подражаю,
Видя в дом новый ваше вселение,
В дом, иже миру есть удивление,
В дом зело красный, прехитро созданный,
Честности царстей лепо сготованный.
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной полати.
Аще же древо зде не есть кедрово,
Но стоит за кедр, истинно то слово,
А злато везде пресветло блистает,
Царский дом быти лепота являет...

Едва светлее рай бе украшенный,
Иже в начале богом насажденный.
Дом Соломонов тем славен без меры,
Яко вааны име в себе зверы.
И зде суть мнози, к тому и рыкают,
Яко живи львы, глас испущают.
Очеса движут, зияют устами,
Видится, хощут ходити ногами,
Страх приступити, тако устроени,
Аки живии львы суть посажденни.
Окна, яко звезд лик в небе сияет;
Драгая слюдва что сребро блистает.
Множество жилищ градови равнится.
Вся же прекрасна, кто не удивится;
А инех красот не леть ми вещати,
Ум бо мой худый не может объяти.
Единем словом, дом есть совершенный,
Царю велику достойне строенный,
По царстей чести и дом зело честный.
Несть лучше его, разве дом небесный!
Седьмь дивных вещей древний мир читаше,
Осьмый див сей дом время имать наше.

ИЗ «ПРИВЕТСТВА Б. М. ХИТРОВО ОТ ЕГО ВНУЧКА»

Радость вселенней ныне сотворися,
Ангельский собор ныне возвеселися,
Умная вся тварь весело ликует,
Яко Христос бог светло торжествует...

А мене внучка извольте щадити,
Яко раба в милости хранити,
Иже вам всех благ от Христа желаю,
С должным поклоном до ног припадаю.

ИЗ «ГЛАСА ПОСЛЕДНЕГО КО ГОСПОДУ БОГУ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»

Смерть несытная лица не смотряет,
Царя и нища равно умерщвляет.
Вемы вси, яко нужда умирати,
Но день безвестен: требе выну ждати;
Мудрый и юрод смертию сечется,
А иже верен и благ, той спасется,
Богатый и нищ равно умирает,
Но мзда когожде противу дел чает.

[ЗАВЕТЫ ЦАРЯ]

Прииди, чадо, богом ми данное,
Скипетру царства уготованное,
Прииди, да тя любезно лобзаю
И волю мою да тебе вещаю...
Се, чадо мое, век мой сократися,
Волею бога к концу приближися...
Егда изволит господь дух мой взяти,
Повели чинно тело земли вдати,
О душе паки господа молити,
Дабы изволил в светлый рай вселити.
Поминания обычай соблюди,
Родителей ти никогда забуди....

Книги истории возлюби читати,
  От них бо мощно, что бе в мире, знати
И по примеру живот свой правити,
  Дабы спасенно и преславно жити.
Самочтение многи умудряет,
  Яко бо свещу во тьме возжигает...

[ОТВЕТ ЦАРЕВИЧА]

Отче любезный, царю Алексие,
  Горькие слезы нам есть слово сие,
Еже аз слышу. Что се глаголеши,
  Како дом царский оставляеши?
Ужели на тя смерть ся озлобила,
  Неизбежную косу изострила?
Аз главу мою за тя подставляю,
  Да ты живеши, умрети желаю.
Живи, мой отче, живи многа лета,
  Аз умру за тя, правоверных света.

[ПЛАЧИ]

По скончании же царя правоверна
  Бысть вопль великий и туга безмерна.
Негли глас само небо пробиваше,
  Богу о покой блаженный стужаше,
И, ельма земли предадеся тело,
  Дождь бе слез горьких и вопль велий зело,
И впредь весь род наш будет поминати
  Царя благого и сице плакати...

Книжицу сию потщихся писати,
Дабы ю чтущим царя поминати,
Святопочивша, и бога молити,
Еже бы в небе вечно ему жити,
Его же милость и аз поминаю,
Умильным гласом сице воспеваю;
Боже всещедрый, изволи воздати
Явленные ми царем благодати,
Даждь небо светло и трапезу вечну,
Царствие, славу и жизнь бесконечну.
Вечно блаженство в небе ему буди,
Зде же со мною да поют вси люди
Сице:
Царю Алексию Михаиловичу вечная
память.

ИЗ «ВЕРТОГРАДА МНОГОЦВЕТНОГО»

БЛАГОРОДИЕ

Ѕле благородия си муж употребляет,
Иже меньших обидя, тем ся защищает.

БОГАТСТВО

Еллинов богатств бог бе нареченный Плутон,
Аѕ его именую: воистину, плут он,
Плутает бо иѕлиха и ѕело вплетает
В сети диавольские, яже уловляет.
Хрома же писааху, егда в дом вхождаше,
А крылата оттуду ельма исхождаше,
Ѕнаменати хотяще косно стяжание
Богатств быти, скоро же тех исчеѕание.
Яко ѕело медленно стяжанна бывают,
А многажды в един час в конец исчеѕают.
Аще же и послужат до кончины кому,
Но по смерти нужда есть лишити иному.

БОГАТЫХ ОБЫЧАЙ

Богатых есть обычай щедро раѕдаяти
Сребро тым, иже ведят кощунства деяти,
И на суеты мира. А где подобает
В польѕу нуждную дати, богач скуп бывает.

ВДОВСТВО

Закон естества вдову поучает,
Да ся от сластей всяких удаляет,
А в благодати мертва та зовется
Вдовица, яже сластно питается,
Сласть бо грех родит, иже умерщвляет
Душу; тако смерть душевна бывает.
Вредно есть вдове много раб имети,
Часто на тыя весело смотрети,
Найпаче иже красно устроени,
Брад не имуще, власы утрефлени,
Лица их стрелы во сердце пущают,
Неопасную вдову уязвляют.
И девы красны, яже живут с нею,
Дух красотою льстят ее своею;
Ельма бо оны женихов желают,
Между собою дерзостно играют;
О тех их песни, о тех всяко слово,
А вдовы сердце любити готово.
Срам возбраняет любве изъявляти,
А в персях пламень, нужда есть страдати...
Аще девицу в супружество дает,
Сама во тайне месте воздыхает,
Не реку, плачет, тако бо явится
Слезами, еже во сердце таится.
Глаголет вдова: «Мужа не желаю,
До смерти тако уже пребываю».
Но не есть твердо сие ее слово,
Сердце жениха любити готово;
Славится токмо, да во чести будет,
Но сей цвет славы недолго пребудет;

Егда бо жених лепый проявится,
Абие ему в область поручится,
Повержет вдовство, волит быти мати,
Неже едина в ложе почивати.
Сия о юных вдовах провещаю,
О старых ино слово помышляю....

ВЕЖДЕСТВО

Вежделству образ древний даяху,
Зрящую в ночи сову писааху;
Яко бо она во тьме созерцает,
Тако в трудностях вежда дела знает.

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Воздержание аще безмерно храниши,
Множицею души ти вред велий твориши:
Плоти бо изнемогшей, ум недобр бывает,
Рассуждение в меру вся да устрояет.

ВОЛХВ

Волхвы к немощным иже призывает,
Врача небесна оные лишает.

ГОРДОСТЬ

Говор на воде в мале исчезает,
Гордый во мире тако погибает.

ДЕВА

Срам честный лице девы вельми украшает,
Егда та нечесоже нелепо дерѕает.
Ѕнамя же срама того ѕнается оттуду,
Аще очес не мещет сюду и онуду,
Но смиренно я держит ниѕу ниспущенны,
Постоянно аки бы к ѕемли пристроенны;
Паки аще язык си держит ѕа ѕубами,
А не расширяется тщетными словами;
Мало бо подобает девам глаголати,
Много же к чистым словом умы приклоняти.

ЖЕН БЛИЗОСТЬ

Хотяй чистоту свою сохранити
Должен есть с полом противным не жити,
Сожитие бо похоть воѕбуждает,
Девства лишает.

Соль иѕ воды родится, а егда сближится
К воде, абие в воду сама растопится,
Тако муж сый от жены к жене приближенный,
Ѕело скоро бывает ею растопленный,
От крепости в мягкость мужества ѕабудет,
Яко едина от жен во слабости будет.

ЗВЕЗДА

Звезды во человецех воли не враждают,
Токмо страстьми плоти нечто преклоняют.
Тем же на звезды вины несть леть возлагати,
Егда кто зло обыче деяти.

ИКОНА БОГОРОДИЦЫ

Иконописец некто благочестив бяше,
Ко матери божией любовь соблюдаше,
Обыкл же образ ее прекрасно писати,
А демона под ноги ее полагати,
Скаредно писанного, за что разъярися
Враг и жестоко ему претяй появися,
Обещая велику пакость сотворити,
Аще не престанет и тако скаредити.
Зограф же врагу рече: «Аз тя не боюся,
Паче скаредство твое явити потщуся».
Исчезе демон с гневом. Потом случай бяше:
Зограф образ девыя на стене писаше
В храме некоем. Тамо не забы явити
И скаредства вражия под ноги вместити,
Изображая, яко та есть она жена,
Ею же змия того бе глава сотрена.
Враг, не терпя досады, хотя и свалити,
Потщася вся подставы древяны ломити.
Тым убо падающим, зограф он смутися,
Но божией матери молебно вручися

И простре образ руку, мужа похищая,
От падения смертна чуде свобождая.
Падоша вси подставы, зограф же висяше,
Держим рукою девы. Оле, чудо бяше!
Что видяще людие подмост пристроиша,
Зографа кроме вреда к земли ниспустиша;
А Христа бога матерь честно величаху,
Содеянное чудо миру возвещаху;
Демонские же козни в конец обругаша,
Его же падению винна быти знаша.

КОЩУН

Светильник да светит, огнем ся снедает,
Кощунник да тешит, сам ся изнуряет.

КУПЕЦСТВО

Чин купецкий без греха едва может быти,
На многи бо я злобы враг обыче льстити;
Изряднее лакомство в купцех обитает,
Еже в многие грехи оны убеждает.
Вопервых, всякий купец усердно желает
Малоценно да купит, драго да продает;
Грех же есть велий драгость велию творити,
Малый прибыток леть есть без греха строити.
Вторый трех в скупцех часто есть лживое слово,
Еже ближнего в вещех прельстити готово.

Третий есть клятва во лжу, а та умноженна,
Паче песка на бреѕе морстем положенна.
Четвертый грех татьбою иѕлише бывает,
Та же в мире в мерилех часто ся свершает.
Ибо они купуют во меру велику,
А внегда продаяти, ставят не толику.
Инии аще меру и праву имеют,
Но неправо мерити вся вещи умеют.
Инии хитростию вещи отягчают,
Мочаще я, неции худые мешают.
А вся сия беѕ греха немощна суть быти,
Яко бог воѕбраняет сих лукавств творити.
Пятый есть грех: неции лихоимства деют,
Егда цену большити ѕа время умеют:
Ельма бо мѕды чреѕ время неко ожидают,
Тогда цену вящшую в куплях поставляют.
Шестый грех, егда куплю являют благую,
Потом лестно ставляют ину вещь худую.
Седьмый грех, яко порок вещи сокрывают,
Вещь худую ѕа добру купующим дают.
Осьмый — яко темная места устрояют,
Да худыми куплями ближние прельщают,
Да во темности порок купли не уѕрится,
И тако давый сребро в купли да прельстится.
О, сынове тьмы люты! Что сия творите?
Льстяще ближния ваши, сами ся морите.
В тьму кромешную ѕа тьму будете ввержени,
От света присносущна вечно отлучени!
Отложите дела тьмы, во свете ходите,
Да вѕидите на небо, небесно живите.

МАГНИТ

Магнитом натренное железо приемлет
Силу магнита, иглы железные вземлет
К себе едну по едной, доколе есть сила,
Юже божия крепость в той камень вложила.
Подобне праведници в мире сем творяют,
Данную себе мудрость иным ю подают,
Да тою умудршеся мира отвратятся,
Ко богу же живому сердцем обратятся
И друг друга да ведет во небесну страну,
Служащих ради верно богом сготованну.

МНОГОГЛАГОЛАНИЕ

В много ли глаголании выну грех бывает,
Ибо язык вещает, их же ум не знает.

Лучше есть язык от словес держати,
Нежели много онем глаголати.
Молчание бо мало повреждает,
А глагол многих погубляет.

МУДРЕЦЫ МИРА

Сова птица в тьме ночной может вещи зрети,
Во дни паки не может очима смотрети;
Тако мира мудрецы остро усмотряют
Суеты мира сего, в тех мудри бывают,
В божественну же светлость тупо возникают,
Неудобно делеса света познавают.

ОПЛАЗНОВОСТЬ

Фалес звездоблюститель на небо смотряше,
    От течения нечто познати хотяше.
Замыслив же ся о нем, праше стезю пряму
    И неопасением впаде в блатну яму.
То видящи, рабыни ему поношаше,
    Яко нижних не видяй, на горняя зряше.
Отсюду научимся наши дела знати,
    А яже выше нас суть, на та не дерзати.

РОЗГА

Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает,
    Розга буйство из сердец детских прогоняет.

СКАКАНИЕ

В день господень девица некая скакаше
    С юноши, а в храм божий ити не хотяше;
По скакании егда в дом свой возвратися
    И возлеже на ложе, демон в ню вселися;
Нача гласом нелепым бедная кричати,
    Даже нужда бе ону домашним вязати,
Связавше, во храм божий ону приведоша
    И молебные гласы к богу вознесоша;
Милосердый же господь отрока малого
    Дванадесятолетна на змия ветхого
Пооружи честного креста знамением
    И еже оставити деву велением;
Отрок убо девицу крестом знаменает,
    А враг, силы крестныя не терпя, гонзает.
Зрите вы, плясавицы, како мерзки богу
    Наипаче яже в день свят плясания ногу.

ФИЛОСОФИЯ

Яко врачество болезнь исцеляет,
Философия нрав зол души исправляет.
Пчела мед сладкий из цвет собирает,
Их красотою ся не подвизает,
Тако философ тщится собирати,
Яже и могут добри пользовати...

ХВАЛА СЕБЕ САМОГО И ХУЛА

Аристотелес рече, что себе хвалити
Есть суетство, глупство же есть себе хулити.

ХУДОРОДИЯ ПАМЯТЬ

Архиепископ некто худороден бяше,
Родителя бо колес детеля имяше.
Сей, видя честь велику, богатство и славу,
Боялся, дабы в гордость не вознести главу,
Веле везде колесо в доме си писати,
Еже бы рода худость выну поминати
На то возглядающу. К тому на печати
Колесо же повеле своей изваяти.
О пресмиренна мужа! Ныне есть ли тако?
Велиции знают ли худость си? Никако.

ЧАРОДЕЙ

Кто чародеи в дом свой призывает,
Обругав бога, беса почитает,
Может на мал час демон послужити,
Но вечно будет за то он томити.

ЧЕЛОВЕК

Граду леть человека есть уподобити,
В нем же царю небесну угодна есть жити.
Пятерица в нем врат есть, чувств пять разумейте.
Но затворенна она имети умейте,
Врази бо окрест выну того усмотряют,
Да чрез отверста врата на град нападают.
Но внутрь града вои ковы содеевают,
Страсти, глаголю, врагом граду дать желают;
Тыя убо вопервых укротити требе,
Таже от враг блюстися полезно есть тебе.

ЧЕСТЬ

Родителей на сына честь не прехождает,
Аще добродетелей их не подражает.

Лучше честь собою комуждо стяжати,
Нежели предков си честию сияти.

Честь родителей сыну бесчестна бывает,
Аще он бесчинно жизнь свою провождает.

ЧТЕНИЕ

Ходяй при водах всяко омочится,
Приседяй к огню тепла исполнится;
Тако читаяй книги божественны
Аки по нужде будет умудренный.

ЮНОША

Беседа с жены юны умягчает,
Яко огнь воска близ сущ растопляет.

ЯЗЫК

Яко необузданный конь ся претыкает
И ездца си на землю люте низвергает,
Тако аще чий язык свободно пустится,
Глаголяй падения люта не лишится.

Малая часть телесе язык человека,
Но не виде злейшия николи от века:
Ибо аще малое слово испущает,
Хульно или клеветно, многи убивает.
Легко оно исходит, но язву велику
И зело тяжку в сердце деет человеку.
Мягко аер проходит, но в сердце жестоко
Вонзается и рану творяет глубоко
Из уст яко же птенец малый излетает,
Но яко велбуд с горбом абие бывает
И некими мерами может ся сокрити,
Весть же сердца человек многих озлобити,
Убо рассудно слово всякое пущайте,
Да не будет стрелою прилежно смотряйте.
Аще бо яко стрела пойдет, то вратится
Не к языку, но в сердце и смерть приложится.

ЯМА

Иже под другом си яму копает,
Сам многократне во ону попадает.

ЖЕЛАНИЕ ТВОРЦА

Желах сим гуслям печатными быти,
Дабы им царску славу возгласити...
Ничто бо тако славу расширяет,
Якоже печать, та бо разношает
Везде, и веком являет будущим
Во книгах многих, и за морем сущим.
Мало словенских стих доселе бяше,
Поне да явит тыя время ваше
В вашу же славу. Но отчаеваю,
Рачителей бо тоя мало знаю
Аще же возмнит кто се быти убыток,
Аз обещаю славу и прибыток.
Прибыток мимо: слава же благо
Паче сокровищ честно же и драго...
Ту же тип носит. Убо подобает,
Да и Россия славу расширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
Типом, чрез книги сущим многовечным...

СИЛЬВЕСТР

МЕДВЕДЕВ

Сильвестр Медведев (1641—1691) до пострижения в монахи носил имя Симеона. Сын подьячего Агафоника Медведева, Сильвестр был сперва писцом в Курске, на своей родине, затем в Москве — в Приказе тайных дел. В 1665 г. Сильвестра Медведева, вместе с двумя другими подьячими, отправили в учение «по латыням и грамматики» к известному уже своей педагогической деятельностью Симеону Полоцкому. С последним Медведев близко сошелся, так что сделался не только лучшим и любимым учеником, но и другом его. Под руководством Полоцкого Медведев получает хорошее, по тем временам, образование и изучает языки: латинский, польский, греческий и — позднее — немецкий. Вероятно, под влиянием Полоцкого Медведев стал писать стихи. По окончании курса обучения Сильвестр был прикомандирован к делегации, ведшей в Курляндии переговоры с польскими и шведскими дипломатическими представителями. Через некоторое время по возвращении из Курляндии Медведев принимает монашество и проводит несколько лет в разных «пустынях». С 1677 г. он вновь возвращается в Москву и делается энергичным участником религиозно-полити-

ческой борьбы своего времени в качестве ревностного сторонника «западника» Симеона Полоцкого. В 1678 г. Медведев назначается книжным справщиком (редактором) в Московскую правительственную типографию, что показывает высокую степень образованности Сильвестра и оценку его московским правительством. После смерти Полоцкого (1680) Медведев, по поручению царя Федора, пишет одну за другой 15 редакций эпитафии своему учителю, редактирует сочинения Полоцкого и занимает место последнего в качестве придворного поэта. Являясь горячим сторонником царевны Софьи, Медведев был замешан в дело любимца Софьи, Шакловитого; в 1689 г. он, по приказу Петра, был арестован, а в 1691 г. казнен.

Медведеву принадлежат, кроме упомянутых эпитафий Полоцкому, еще «Приветство брачное царю Федору» (напечатано в «Записках Харьковского университета» за 1912 г., кн. 3), «О преставлении царя Федора» («Плач и утешение»), «Вручение привилия на Академию», «Подпись к портрету Софьи», с латинским стихотворным переводом, а также ряд стихов, включенных в его прозаические произведения.

Медведев — поэт ученый, западник, убежденный сторонник просвещения. Тематика его ограничена, но он умеет уже находить интересные образы. Он относился довольно свободно к поэтическим произведениям своего предшественника, Симеона Полоцкого, ис-

пользуя не только отдельные его образы и мысли, но и целые стихи; равным образом, из своих ранних вещей Медведев включал отдельные части в последующие. Это был умный и образованный «пиита», очень характерный для своей эпохи.

ЕПИТАФИОН СИМЕОНУ ПОЛОЦКОМУ

Зряй, человече! сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо зде токмо один таков бывый,
Богослов правый, церкве догмата хранивый,
Муж благоверный, церкви и царству потребный,
Проповедию слова народу полезный,
Симеон Петровский, от всех верных любимый,
За смиренномудрие преудивляемый,
Им же польза верные люди наслаждала,
Незлобие же, тихость, кротость удивляла,
В нем же вера, надежда, любы пребываше,
Молитва, милостыня, пост ся водворяше.
Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
Мерность же и мужество опасно блюденна,
Многими дары богом бе преодаренный,
Непамятозлобием весьма украшенный,
Иеромонах честный, чистоты любитель,
Воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
Но еже церковь, нашу мать, увеселяше.
Не хоте ино божий раб что глаголати,
Токмо что пользу может ближним созидати.
Ничесо же ин[ого] творити любяше,

Точию, еже богу непротивно бяше,
Иже труды си, многи книги написал есть,
И под рассуждение церковное дал есть;
С церковию бо хоте согласен он быти,
И ничто же противно церкве мудрствовати,
Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
Учением правым то миру показаше.
В защищение церкве книгу *Жезл* создал есть,
В ее же пользу *Венец* и *Обет* издал есть,
Вечерю, Псалтырь, стихи со *Рифмословием*,
Вертоград многоценный с беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
В научение роду российску явивый;
Обаче и сего смерть от нас похитила,
Церковь и царство пользы велия лишила.
Его же пользы ныне людие лишенны.
Зри сего во гробе сем кости положенны.
Душу же вручил в руце богу всемогущу,
Иже благоволил ю дати, везде сущу,
Да приимет ю, яко свое создание,
И исполнит вечных благ его желание;
Телом со избранными даст ему восстати,
С ними ж в десней стране в веселии стояти;
И внити во вечную небесную радость,
Неизглаголанную тамо присно сладость.

ИЗ «ПЛАЧА И УТЕШЕНИЯ»

ПЛАЧ СУГУБОГЛАВНОГО ЦАРСКОГО ПРЕСВЕТЛОГО ВЕЛИЧЕСТВА ЗНАМЕННОГО ОРЛА

Полный сущи сердечных слез Иеремия,
Из глубины душевной глаголаше сия:
О! кто даст главе моей воду? кто даст токи
Очесем, да изведут слезные потоки?
Единой токмо главе слез не доставаше
Пророку, о! кто ми даст воду? вопияше.
Что же имам творити аз, сугубоглавный
Орел, егда Феодор почи царь пре-славный?
Сугубою главою, сугубо рыдати,
Достоит ми, сугубо имам воззывати:
Кто подаст главам моим воду? кто даст слезы
Очесам, да омочу слезами вси стези?
Амо же полечу, нигде же моего
Солнца не обретаю. Свет лица твоего,
Феодоре пресветлый! где, свете мой ясный,
Где еси, солнце мое? Яви мне свет красный,
Просвети лице твое, иссуши слез токи,
Инако не престанут слезные потоки.
Свойство мое велит мне на солнце взирати,
А без света солнечна разве унывати.

УТЕШЕНИЕ ОРЛОВЕ

Знамения нашего орле двоеглавный,
Царствия Российского клейноде преславный,
Престани от слез твоих, отрини скорбь многу,
Феодор есмь дар божий, тем же отдан богу.
А понеже от тебе сам ся удаляю,
Вместо себе двух братий тебе оставляю,
Иоанна и Петра, царей православных,
В роде, в добродетелех и в славе мне равных.
Сугубой твоей главе и солнце сугубо
Преподаю, пребуди беспечален убо.
И София, мудрости тезоименита,
В скорби твоей отрада будет знаменита.

ПЛАЧ СУЩЕГО ВО ОРЛЕ ЦАРСКОГО ПРЕСВЕТЛОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВОИНА

На персех носящего тривечную славу
Орла вашего, мою восклоняю главу.
Почерпав премногую благодать царску тамо,
Купно мудрость, мужество же и крепость камо.
Обратих убо ся на кони храброственно,
Побеждах врагов царских число множественно.
Что множественно рекох, без числа сих многи
Полки копием язвих, и попрах под ноги.

Но егда, Феодоре, премудрости полный
Царю! отыде от нас, оставль мир сей долный,
Кто мне даст мудрый совет врагов побеждати,
Кто укрепит ми сердце, оных прогоняти?
Да разбиется конь мой о гробный твой камень,
Копие, оружия вся да пожрет пламень.
Аз же вместо рек кровных, ими же во брани
Руце свои омывах, дая врагом раны,
Во слезах мои смутны ланиты омыю.
Дондеже сам под смертный меч преклоню выю.
Воин есмь, но без вождя лучше мне не жити,
Без тебе, Феодоре! лучше мне умрети.

УТЕШЕНИЕ ВОИНОВ

Воине орла царска, храбрый попремногу,
Что рыдаеши мене отшедша ко богу?
Егда же бо побеждах аз врагов си с тобою,
Подая совет, разум и мужество до бою:
Един поженет тысящу, сие исполненно
Слово во мне можаше рещися явственно.
Но понеже отходя, оставих дву братий
На царствии, могущих врагов низлагати
Под нозе ти, дондеже царство их пребудет:
Два двигнета тьмы, слово полнитися будет.

Не плачи убо мене на небеси суща,
Царствие со святыми вечное имуща;
Но воински покоряй вся враги под ноги
Царем своим, противных сокрушай рати.
Оные два, венчанные царскими венцами,
Венчают твой милостынею труд и щедротами.

ПЛАЧ ВЕЛИКИЯ РОССИИ

Россия Великая, о царе великом
Откуду начну плач мой, и коим языком
Скорбь мою изглаголю? От слез и стенаний,
Несмь довольна изрещи словесных гаданий.
Откуду начну плач мой? Аще ли от сродства,
Сицевого Феодор царь бе благородства:
От царей царь, от князей князь, от славных сдавна,
Возлюбленный сын царя Алексия славна.
Откуду начну плач мой? аще ли от славы,
Славный бе самодержец славныя державы.
Откуду начну плач мой? аще ли от века,
В младом веке старого разум человека
Имел в себе, могл мудре державу хранити,
Паче старец разумех, могл ся похвалити.
Откуду начну плач мой? аще от твоея
Красоты, Феодоре, заницы моея
Несытным желанием сия всегда бяше:
Зрак красоты твоея всех увеселяше.

Откуду начну плач мой? аще ко убогим
От твоея щедроты, щедр был еси многим.
Откуду начну плач мой? аще от утешных
Словес твоих, утешал еси ими здешних.
Откуду начну плач мой? аще от твоея
Любве ко всем, кто есть неизвестен ея.
Откуду начну плач мой? с любве ли ко богу.
И сию имел еси к нему попремногу;
Вопервых любил еси бога, по сем ближних,
И множае вышнего паче, неже нижних.
Откуду начну плач мой? всяко твое дело
Егда помяну, велит рыдати ми зело.
Но кто добродетели твоя исчитает?
Вся довольно! сам, лучше токмо, их бог знает.

УТЕШЕНИЕ РОССИИ ВЕЛИКОЙ

Россие Великая, славная державо,
Россие Великая, всем Россиям славо!
Престани от слез твоих, отрини скорбь многу,
Дар божий есмь Феодор, тем же отдан богу.
Почто мя со мертвыми плачеши живого,
Жив господь, живу и аз у него самого.
Он есть истинный живот, ему аз самому
Во веки живу, яко во веки живому.
Плачешь, добродетели моя исчитая;
Но не требуют твоих слез дела благая.
Славен пребых на земли, славнейший есть ныне,

Зря славу царя славы во его святыне.
Красен ли бех на земли, краснейший сугубо
Днесь есмь, зря краснейшего паче всех трегубо.
Что глаголю трегубо? паче всея твари,
Тьмами тем краснейшаго всяческими дары.
За милостыню, юже сотворих убогим,
Воздаде мне всещедрый бог даром премногим.
Единым словом кончу: всяку добродетель
Воздаде мне стократце господь вседержитель.
Тем же преставши плача, Россие, твоего,
От прешествия в небо радуйся моего.

ПЛАЧ МАЛЫЯ РОССИИ

Благодетеля всех нас великого зело,
И мне, Малой России, прилично есть дело
Плакати, плачем зельным, а не утолимым,
И болети на сердце болем нестерпимым;
Зане он сыном моим яко отец бяше,
И паче неже отец оным ся являше.
Его же любовь ко мне поминая многу,
И сердцем и устнами глаголю ко богу:
Царю славы, прослави Феодора в небе,
Иже всем приступен бе во всякой потребе.
В любве ко тебе, в любве к иконам бе многе,
Тем же да пребывает всегда в тебе бозе.

Пребываяй бо в любве, в бозе пребывает;
Сице возлюбленный твой ученик вещает.
Сего благодетелю, великому зело,
Аз, Малая Россия, желаю всецело,
Пресветлому монарсе, божиему дару,
Тебе, о Феодоре! преставльшийся царю;
Зане и имя твое егда поминаю,
Многими ся слезами сама обливаю.
Иными бо не мощно воздаяти мздами
Твоих благодеяний, аще не слезами.

УТЕШЕНИЕ МАЛОЙ РОССИИ

Царю неба, Христос господь, утешая верных,
Изрече от уст своих к ним достоверных:
Не бойся, стадо мое малое, занеже
Благоволи тебе бог дати царство, еже
Во век не отымется. Сему подражая,
И аз глаголю тебе, Россие Малая:
Не бойся, стадо мое малое, о еже
Преставихся от тебе; не бойся занеже
Благоволи тебе бог вместо мене дати
Двоих братий, царствующих в его благодати,
И сии в любве своей имети тя будут,
А верности твоея к себе не забудут,
Яко от любве в своих молитвах ко богу,
Слезы проливаеши за мя по премногу.
Благодарен есмь сих слез, занеже суть сия
Тебе и мне полезны слезы преблагия.
Но егда скорби о сем рыдаеши, яко
Прейдох ко богу, молю, не рыдай мя тако.

ПЛАЧ БЕЛЫЯ РОССИИ

Егда отымуется царь наш правоверный,
И мне, Белой России, стался плач безмерный.
Что же сотворю, сердечне в том соболезнуя,
Аки реки испущу слезные ми струя,
И в них якоже лебедь белый всегда буду
Плавати, и на всяк час печальна пребуду?
Лебедь гласом печальным, но приемным зело
Поет, егда дух его оставляет тело:
Соумирая и аз скорбию цареве,
Прииме дух его, боже! пою господеве.

УТЕШЕНИЕ БЕЛОЙ РОССИИ

Не рыдай мя, Белая Россие, помногу,
Феодор есмь дар божий, тем же отдан богу.
Белую тя Россию на земли в державе
Имех, ныне же имам во небесной славе
Возлюбленного души, о котором,
Прешедши дух мой в небо ко небесным хором,
Поет: возлюбленный мой бел и красен зело,
Его люблю и ему служу всегда цело;
Которому служити в его благодати,
Над тьмами тем царствами, есть то царствовати.

ПОДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Какова в царском лицы премудрость сияет,
Какова честь в очесех и в устех блистает!
Та твоим, о Россия, царством обещанна,
От древних дедов тебе защищать созданна,
Тот имени твоего крепкая защита,
В неоранней варвару земле знакомита,
Клятвопреступных знамен полки преломивша
И неумягчаемых сердца умягчивша,
В начале ее трие монархи случились,
С адриацким львом в крепки рати ополчились,
Благочестье, надежда в божией десницы,
Ту крайно прославляют девичестии лицы,
Правдодержанна сердцем великожеланна
И крепки рати в поле вести не мотчанна,
Ибо равнителен смысл и победоносен,
Дарованьми своими зело чудоносен,
Великодушна тщанья мраморы являют,
Щедру руку зданные храмы прославляют,
Такова Семирамис у Ефрата жила,
Яже ввеки памятно дело сотворила,
Елисавеф Британска скипетродержащи,
Пульхерия таковым умом бе смыслящи,
Россио: аще царствы многими почтенна,
Пред благочестивою еси умаленна.

КАРИОН

ИСТОМИН

Карион Истомин (1650[?]—1717, по другим данным 1722) — иеромонах, образованный и плодовитый писатель. В отличие от Сильвестра Медведева он был сторонником не «западнической», а «греческой» ориентации, что, очевидно, связано с его обучением в школе, возглавлявшейся греками братьями Лихудами. Как и Медведев, Истомин был справщиком Печатного двора, «смотрителем» (т. е. директором) которого он сделался позднее. Для того времени должность справщика (редактора), а тем более смотрителя была очень важна, так как лица, занимавшие их, выполняли не технические, а научные и научно-организационные функции. Истомин был близок к главе консервативной партии, патриарху Иоакиму; позднее он делается личным секретарем следующего патриарха, Адриана. Истомин не был реакционером, фанатиком-обскурантом. Противник «западнических» новшеств, он был деятельным пропагандистом просвещения и как педагог, и как писатель, и как организатор. Поэзия была для Истомина, как, впрочем, и для почти всех его современников-писателей, одним из способов пропаганды идей просвещения и образования. Его «Букварь»

(1692), написанный стихами, интересен не только со стороны стихотворной, но и собственно исторической. Здесь любопытно, во-первых, обращение к учащимся обоего пола, что было большой новостью в московских условиях; во-вторых, использование «азбучного материала» опять-таки для пропаганды просвещения. Из других литературных работ Истомина представляют интерес большое стихотворение царевне Софье, а также стихотворные определения различных наук, земель и т. д. Иногда у Истомина встречаются чисто тонические стихи (см. «Полис»).

Кроме того Истомину принадлежит большое число «приветств» Софье, Петру, царевичу Алексею Петровичу и др.

Истомин писал языком, более простым и очищенным от «глубокословной славенщины», чем многие его предшественники и современники. Творчество его тематически разнообразнее, чем поэзия Медведева.

ИЗ «БУКВАРЯ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Всетворцу богу буди честь и слава,
Он бо людем всем в дела вся управа,
Писмен когда ли кто хощет учися,
Богу молися, за дело имися.

Еллински грамматa,
Славенски писма та,
Зде ся образуют,
Званство си сказуют.

Како пишутся тые скорописно,
Добре уставом, зри всяк очевисно.
Писмена сложны дадут речение,
Из оных слово, во все учение.

Иеромонах счини се Карион.
Желающь в вышнь всем успети град Сион,
Прияти разум в букваре успешный.
По сем в небе век, в сладости утешный.

СТИХИ К БУКВЕ «А»

Начало аза писмене долг знати,
Бытность в Адаме людей всех смотряти
Земля есть в частех, в месяцах измена,
Отроча зрети сладце в смысл оденна.
Вся в мире вещи всяк да назирает,
К богу же мысль всю присно обращает,
Во время свое всяко дело просит,
Вещи потребны во пользу приносит.
Из начала лет юн всем обучайся,
Везде о жизни мудрей утешайся.

СТИХИ К БУКВЕ «Д»

Добра учитися кому есть охота,
Постигнет того райская доброта
И в диадимах, в благой жизни славни
Рассмотрительством, аще благонравни.
Домом ли жити, требно домостройство,

Всякому знати, своих вещей свойство.
Сего бо ради люди разума стяжут,
Да лести в мире злобою не свяжут.
Дороги спрашай, обычаем внемли,
Ходяй повсюду, всяк никогда не дремли.

СТИХИ ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Благородная София царевна,
Госпожа княжна и Алексиевна!
Пречестна дева и добросиянна,
В небесную жиȝнь богом проиȝбранна!
Мирно и ȝдраво от господа света
Буди хранима в премнога лета.
Убо мудрость есть, росски толкованна,
Еллински от век Софиею ȝвана.
Любители той философы ȝвались
И добронравством тоя украшались.
От онудуже древле любомудрых,
Во учении ȝело многотрудных,
Рекший, раȝуму прилагая себе,
Приложит болеȝнь, прием труд на себе,
Радостно сице беседу творяше,
Рачитель бых той доброты вещаше,
Она бо учит правде и мужеству,
Наипаче же божию дружеству,
Их же требнее ничто человеком,
Текущим присно к прерадостным веком;
Мудростию бо вси цари царствуют,
И вси вельможи добре начальствуют,
Мудростию же вся управляются,
И о том люди вси утешаются;
Ею ȝдравствуют удобь человецы,

Исчисляются времена и вещы;
Ею по морю плавают удобно
Во время люто и зело безгодно.
Ею живущи люди благочестно
К богу очима смотрят непрелестно;
Ею девственны вельми хранят цветы
И чисты сердцем зрят божие светы;
Ею в мире вся блага бывают,
Разум, богатство люди обретают.
Мудрости бо несть подобие кое,
Яко гонит лесть и всякое злое.
Каменье драго пред нею меньш песок,
Понеже тоя чист разум высок,
Разум подает и в добро охоту,
Токмо да любит всяк ее доброту.
В юности искавшь невесту водити,
Не устыдеся о ней возгласити:
Ничто же убо бог благий возлюбит
Точию сего, иже дней не губит:
Но с мудростию присно пребывает
И конец всех дел известно смотряет.
Зде во велицей России издавна
Мудрость святая пожеланна славна:
Да учатся той юнейшие дети
И собирают разумные цвети:
Навыкнуть же той свершении мужи,
Да свободятся от всякия нужи.
Престаревшие видев в юных тую,
Воскликнут творцу всех песнь трисвятую.
Светла есть мудрость и неувядома,
Самем господем присно есть блюдома,
Тем паче о ней зельно промышляше,
Егда отец ваш в жизни пребываше,

Блажен в памяти Алексий Великий,
Царь Михайлович всей России толикий,
Великой, Малой и Белой державный,
Многих государств обладатель славный.
Строил государь ко божией воли
В научение восхотевшим схоли,
Учители же быша мудры люди,
Церкве святые восточные уди.
Тако бо царю наука сладися,
Яко сын его ваш брат ей учися,
Благий Алексий царевич прекрасный,
Юноша чистый и телом возрастный,
В учении он сице вся охоту,
Яко да вскоре узрит ю доброту;
За ону богу любезен вчинися
И на небеса отзде преселися.
Ему же мати царица Мария
Благоверная желаше здравия,
Ильична зело в милости сияше,
В науце присно тщание творяще
Давала ему книги созерцати,
Да страстных мыслей не будет страдати.
И милостивая Мария царица
Преставившися зрит троична лица.
Таже господарь царь Феодор бывый
Алексиевич всем добротворивый
Многих государств России обладатель,
Странным и нужным велий сострадатель,
Тщася науку в царстве вкоренити,
Хотящим людем разумы острити,
Яко от нее все благо исходит,
Муж безмолвие и юноша водит.
Храмы многие того для поставил,

Себе же благ путь во небо управил,
Преставлься твой брат в обители вечно,
Идеже живут святии бесконечно;
До днесь наука неокрепеваше,
Случайми бо зде много преставаше,
И то не дивно, что доброе дело
Не является во скорости спело.
Тем благородна княжна превелика
София дева господственна лика,
Потщися ради всемогуща бога,
У него же есть премудрости многа,
О учении промысл сотворити,
Мудрость в России святу вкоренити;
Да учатся той юны отрочата
И навыкают зело дела свята,
Прежеланно бо где мудрость посеется,
Зане чрез тую все добро лиется;
И аще господь хощет сему быти,
Тобою в дело может произыти:
Годно прежде всех желать ее невредное
Богу бо, людем оно потребное,
Умоли убо самодержцев сущих,
Российский скипетр в руках си имущих,
Великих князей, государей, царей
Благочестивых, пресветлых зарей;
Иоанна, Петра Алексиевичев,
Всего же царства московска дедичев;
Да господари они от изволят,
Обще господа о том да помолят,
Наукам велят быти совершенным
И учителям людям извещенным.
Паки тя молю, деву благородну,
Да устроиши науку свободну,

Слышавый твое доброуветливство
Воссылающу пресладкопесниввство.
Едину царю богу преблагому
Иже даст помощь делу предрагому;
Сотвори людем твою царску милость,
Покажи россом многу добротливость,
Поставь трапезу мудрости словесну
Тщанием твоим к жительству небесну,
Мнози убо суть тоя желатели,
Богосветимых наук приятели,
Буди делом сим, яко блага мати
Россов, яко чад духовно питати.
Аще, госпоже, в России си вещи
Учительны ты детельно введеши,
Монарха велик господь ублажится
Твоя память в век хвалами постится.

Аминь.

Величеству вашему божия милости желаю усердно.

Сие вещавшь раб меньший ваш грешный
Иеродиакон Карион,
Жаждущь век он.
Стопам ся вергает челом.
Седмь тысящь ста лет перво девятдесят
Мироздания сии стиси гласят
Индиктиона 5-го Ноемвриа месяца в (г) дня.

ИЗ КНИГИ «ПОЛИС»

1

Грамматика учит знати,
Глаголати и писати благо

Грамматику, душе, слыши,
писмена в ней изучивши.
Обзри смыслом аз и буки,
емли перо в твои руки.
Пиши слова добре складом,
веди строки в разум рядом.
Глагол письму та начало,
дело сие богом стало.
К Христу простри моление,
дает он всем спасение.

2

Синтаксис есть счинение,
Словес в мысле явление.

Кто что кому возглаголет,
синтаксис речи обколет.
Слово к слову счинит вняти,
в деле самом умом стати.

И трудное все покажет,
   где, от кого, в чесом вяжет.
Юным требно в разум труди,
   да не затмит глупых руди.
Собрав речи, счиняй право,
   в бозе живи каждый здраво.

3

Пиитика стихотворство,
Ирмосов, канонов стройство.

Учащие пиитику,
   творят стихи песней клику,
В мере слоги и ногами,
   степеней счет и перстами.
Каков ирмос в коей песни,
   вся подобны стихов уместни.
И кую вещь описати
   числом писмен в слог кончати.
Сия наука творение
   и богу, творцу ума, смотрение.

4

Краткословна риторика
Полна в словах сладка крика.

Риторика учение
   смыслов благих течение.
Действо, кое в ней пространно,
   глаголется все сохранно.

Подобства суть приводимы,
  писания красна зримы.
Бог устроил сие к пользе,
  да в доброте живем долзе.
Витийство слов ся имеет,
  изрядство всем людем деет.

7

Геометриа явися,
Землемерие всем мнися.

Без меры несть что на земли.
  геометрии всяк внемли.
Жительный дом поля в мере
  и воря вся богу в вере.
Длина, толща все делится,
  метром страна и град зрится.
И человечь рост коликий,
  сердце и ум в нем великий.
Безмерна же бога благость,
  жизнь ти мерствуй в вечну драгость.

13

День зде бежит скорей птицы.
Присно летит без возницы.

Человече, дни исчитай,
  чисто, свято везде витай.
Смотри бегства скородневна,
  от начала мира древлна.

Грех тобою не свладеет,
еще добре жизнь ти спеет.
Облак солнца разгоняет,
день ночью ти да нестает
Что сотворен, благодари
бога всегда в ранней зари.

28

Америка часть четверта
Ново земля в знань отперта.

Вольнохищна Америка
людьми, в нравах, в царствах дика.
Тысящьми лет бысть незнанна,
морем зело отлиянна.
Веры разны в балвохвальстве,
наги люди там в недбальстве.
Царства имут без разума,
не знав бога, худа дума.
Никто же бо что успеет,
где глупость скверн и грех деет.

ИОГАН И ВЕРНЕР

ПАУС

Иоганн Вернер (или, как он иногда именовал себя по-русски, Вахромей) Паус (1670—1734[?]) — иностранный ученый, сравнительно хорошо овладевший русским языком, переводивший много в прозе и писавший на русском языке тонические стихи. По окончании университета и кратковременной педагогической деятельности в Германии Паус в 1702 г. приезжает в Москву и делается через несколько лет после смерти пастора Глюка заместителем последнего по заведыванию основанной Глюком школы. Затем Паус долгое время является домашним учителем у разных вельмож, может быть и у царевича Алексея, а также переводит с иностранных языков на русский ряд книг. Ему приписываются, между прочим, переводы «Книги Квинта Курция о делах содеянных Александра великого царя македонского», «О праве войны и мира» Гуго Гроция, а также, с меньшей вероятностью, «Юности честное зерцало». Вскоре по открытии Академии Наук Паус приглашается туда в качестве главного переводчика и на этой должности остается до смерти.

Еще на родине Паус писал стихи на немецком и латинском языках. По приезде

в Россию, после знакомства с Глюком, Паус начинает писать стихи по-русски, но не силлабические, как было принято тогда, а тонические, подобно немецким. Стихи Пауса едва ли оказали какое-либо значительное и, главное, непосредственное влияние на развитие русской поэзии, хотя высказывалось предположение о том, что Тредиаковский мог использовать идею Пауса, ознакомившись в Архиве Академии Наук с бумагами русско-немецкого поэта. Гораздо важнее отметить то, что Паус не только практически, но и теоретически восставал против русского силлабического стиха и, несомненно, пропагандировал идею применения тонического стихосложения в русском языке. Паус — типичный ученый немецкий поэт начала XVIII в., писавший и сентиментальные любовные элегии, и торжественные оды и другие стихотворения на «случай», и особенно подвизавшийся в области духовной лирики.

Язык стихотворений Пауса не вполне правилен и сразу изобличает в нем иностранца. Кроме того Паус нередко употреблял разные «поэтические вольности». Он часто заменяет звук «и» звуком «й» и наоборот. Например, в окончаниях прилагательных «красный» у Пауса «красныи»; зато союз «и» почти всегда «й». (Ср. стих 4-й в «Свадебных стихах А. А. Головину».) Сокращает слова («замрал» вместо «замарал», «бут» вместо «будто» и т. д.). Кроме тото стихи

Пауса отличаются тем, что «звучат» они только тогда, когда их отчетливо скандируют, подчеркивая все стихотворные ударения в ущерб языковой практике. Например:

Вен*у*с *любезная* сов*е*тов*а*лас*я*.

Благодаря такому скандированию у Пауса рифмуются многие слова лишь по последнему звуку, в то время как по-русски это вовсе не рифма. Например, *явная*, пр*е*ни*я*, достоин*о*, р*а*достн*о*.

СВАДЕБНЫЕ СТИХИ А. А. ГОЛОВИНУ

Венус любезная советовалася
Распрю и яблока завистная отняти,
Рекла бо: время есть скончати прения
Й сердца любовию сердечною спрягати.

Тое случилося, жених то чувствовал;
Супружница ему от бога прилаганна:
Вельми я радостен, когда сия внимал,
С нею же честь ему и благость дарованна.

Загадка вся сия да ныне явная:
Невеста славная к себе днесь приведется;
Два сердца, две душе соединилися,
Соединенным же песнь брачная поется.
Сия, сердечный друг, от бога приими,
В сих сладостях твоя да юность веселится;
Плодов же с небесе известно подожди,
Да род и честь твоя зело преумножится.

ВЕСЕЛИЙ И РАДОСТОТВОРНЫЙ ЗВУК ПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ПАРЕ

(Ода на обручение царевича Алексея)

Преславные вещи в конец достизают,
в желаемый счастлив и добрый приклад.
Неблагополучная ся отлучают,
понеже сам бог вся управити рад.
Кто храбро трудится,
Тому укрепится
Ум, дух и рука;
Тот вся побеждает,
И честь получает,
Корона в конец тому дарствуется.

Сим образом ваша похвальны приметы,
Преславный царевич, из важных причин,
Пред богом за добро и благо прияты,
Во всем нам покажет женишный твой чин;
Ты бо обручился
И так изъявился
Твой брачный венец;
Той ныне сияет
Жених и радеет,
О княжни своей будь любезный борец.

От юности тщился премудрых науки
Прилежно учитися преданныя,
А ныне даешь дух, ум, сердце и руки
У странных на высшая ведения:
Германские царства,
Иных государства
Глазами смотришь;
Что Брауншвейг имеет,
Что Саксен умеет —
Вся ныне ты самым искусством глядишь.

А сверх того небо тебе подарило
Принцессину прелюбезнеишую,
К ней сердца желание ся приклонило,
Где мудрость создала полату свою.
Бог сам тебе выбрал,
В супруг тебе придал
Дражайшии свет
Избранную княежну,
Всеблагонадежну,
Премудрости да благочестия цвет.

Из божья любве же горе воссияет
То большие и приятнейши лучи,
Где богобоязность и честь украшают
Лицо и все тело, хором красоты;
Восстаните, стряпчи,
Воспоите, певчи,
Подасте, что есть:
Сладчайшие песни
И само полезни
Во славу же богу и господу в честь.

Небесна любовь сию царскую пару
Во всякой довольности обвеселит;
По благоволению вышнему царю
С росы пренебесныя ся усладит;
Доколе блаженны,
Да обе сажденны
Во вечныи мир,
Когда отрицают,
Весьма оставляют
Привременный сей и суетный мир.

ЛЮБОВНАЯ ЭЛЕГИЯ

Доринде! что меня сожгати,
    бывати в пепел последи?
Тебя я могу нарицати
    свирепу, хоть смеешься ты.
Почасте ты рожам подобна,
Почасте и кропивам ровна.

Твой глаз магнит в себе имеет,
    а ум так твердый бут алмаз;
Лицо твое огнем блистает,
    а сердце лед есть и мороз.
Твой взор (тебя живописати)
Похочет василиск бывати.

Не осуди, хоть согрешаю!
    любовь зело ся заблудит.
Хоть жестоко я отвещаю,
    твердость твоя то сотворит.
Твою же упрямость премногу
Подумай, побеждать не могу.

На мягком мехе и на пухе
    кремни твердые разбиют;
раздаются часто жемчуги,
    как крепкий уксус налиют;

А ты недвижна будешь, чаю,
Хотя и слезный дождь злияю.

Доринде, буди милостива,
не буди мне убиица.
Меня что мучит лесть спесива,
стени уподобляюся.
Не буди лед, но применися,
С моим огнем же единися.

Почту тебя, будто богиню,
во жертву сердце принимай,
Не сделай мне нову кручину,
но как любити созерцай.
Так ты, что солнце учинити,
Чернити можешь и белити.

Умом тебя поцелеваю,

а умом что мне пользует;
В сонех тебя я обимаю,
а соние что пособствует.
Мечтание пройдет напрасно,
Веселье есть только образно.

По стени так всегда хватаю,
Доринде же меня дразнит,
Во мне несчислени премены,
печаль меня всегда стучит.
Желанье сердце поедает,
Отчаянье во троб метает.

Умру и лучше умирати,
неж без Доринде долго жить:
Тому и лучше погибати,
кто того счастья получит.
А по моеи смерти, чаю,
Приидет жаль тебе за мною.

ФЕОФАН
ПРОКОПОВИЧ

Феофан Прокопович (1681—1736) — церковный и политический деятель эпохи Петра Великого и его ближайших преемников. Сын киевского купца, Прокопович получил очень серьезное по тому времени образование в Киевской духовной академии, затем жил некоторое время в Польше, где принял униатство. Позднее он был отправлен в Рим, учился, между прочим, и у иезуитов, а также много читал в ватиканской и других библиотеках. Возвратившись в 1702 г. на Украину, Феофан вернулся к православию и постригся в монахи. С 1705 г. он стал преподавать поэзию в Киевской академии, внося в свой курс живое и злободневное начало, чем резко отличался от своих предшественников. Таким политически-злободневным характером проникнута трагедо-комедия Прокоповича: «Владимир», в которой он выступил против узкого религиозного фанатизма и обскурантизма. В 1706 г., как преподаватель риторики, Прокопович приветствовал Петра Великого при его посещении Киева, после чего начинается сближение Феофана с царем. В 1715 г. Петр вызвал Феофана, бывшего к этому времени уже ректором Киевской академии, в Петер-

бург, и с этого момента начинается политическая карьера Прокоповича: он делается ближайшим помощником Петра по церковным вопросам.

После смерти Петра положение Прокоповича несколько пошатнулось, но по воцарении Анны Ивановны (1730) и, главное, после уничтожения ею по предложению делегатов от дворянства, при участии Феофана, ограничительных условий, на которых она была приглашена на престол, влияние Прокоповича вновь усиливается. До самой смерти Прокопович остается наиболее могущественным церковным сановником. В течение всей свой жизни он был идеологом среднего дворянства.

Большое литературно-общественное значение имело также группировавшееся вокруг Феофана объединение писателей, поддерживавших петровские реформы и выражавших интересы дворянства в его борьбе против феодального боярства, с одной стороны, и олигархически настроенной кучки дельцов петровского и послепетровского времени, с другой. Объединение это, или, как сами эти писатели себя именовали, «ученая дружина», состояло из Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева, кн. А. Д. Кантемира, позднее А. П. Волынского и А. Ф. Хрущева; были, вероятно, и другие, менее известные, участники этой «дружины».

Повидимому, возникновение ее следует отнести к 1729—1730 г., ко времени пребы-

вания двора Петра II, а затем Анны Ивановны в Москве, когда Феофан сблизился с Кантемиром. Если всмотреться в датировку стихотворений Феофана, то делается несомненным, что он вновь стал писать стихи, после длительного перерыва (с 1709 г.), только вслед за появлением первой сатиры Кантемира, на которую отвечал приветственными стихами, написанными октавами. Кстати эту строфу Феофан применял и позднее.

Кроме курса: «De arte poëtica» («Об искусстве поэзии», 1705; издан в 1786 г.) и упомянутой трагедо-комедии «Владимир», кроме значительного числа речей и слов, а также догматико-полемических произведений, Прокоповичу принадлежат «Епиникион», похвальные стихи на полтавскую победу (1709), драма «Милость божия» (1728) и ряд мелких стихотворений, сохранившихся в рукописях и при жизни Феофана не печатавшихся. Почти все они были напечатаны в исследовании И. А. Чистовича «Феофан Прокопович и его время» (1868), а затем с некоторыми сокращениями воспроизведены в «Русской поэзии» С. А. Венгерова.

ИЗ «ЕПИНИКИОНА»

Летит Свей, летит купно зменник неистовий!
Камо духом бесовским бежиши носимий,
Студе веку нашего, вреде нестерпимий?
На отца отчествия мещеши меч дерзкий.
О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любовь отчую, и презрев самаго
Твердый закон естества; обаче се благо,
Яко скорий есть на казнь, косний сий на дело
Бежете, скорой мести требе, скорой зело.
Но и зде непостоян злий зменник явися,
Зменник царю и Марсу; егда бо открися
Поле бою страшного, не токмо входити
Во ратний огнь, но ниже издалече зрети
Не дерзну; но сугуб студ приит место рани.
Не постоян во вере — трепетен во брани!
Зрем же, что и Свей дерзкий силою своею
Успе храброй России, боряся со нею?
Блесну огнем все поле, многие во скоре
Излетеша молния. Не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,
Ниже тако гром с темних облаков рикает,
Яко тремят арматы — и гласом, и страхом

И уже день помрачи дым, смешен со прахом.
Страшное блистание, страшный и великий
Град падает железный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрых сотерти,
Не боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю! о воине сильный!
Узре посреде огня, объят я страх зельный,
Вострепета и крайней убояся страсти,
Дабы в едином лицу всем не пришло пасти.
Но не попусти притти бедству таковому
Бог сильный, абие бо от горнего дому
Ниспосла щит, щит, им же во лютое время
Хранит гради и царства, и людское племя.
И вся на главу твою и на твои силы
Летущие сотвори бездельние стрелы...

О сем преславном деле, в песнех неслыханном,
Пети будет весельник по морю пространном.
Пети будет на холме путник утружденный,
И оповесть иногда леты изнуренный
Старец внуком, и яко — своима очима
Виде то — старца внуцы нарекут блажима.
Мало се: пройдет скоро глас сей торжественный
На мир весь, сугубому верху подложенный.

Всяк слышай, сомнение мысли в сердце приимет,
И всех силы твоея страх велий обиймет.
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати,
И не дерзнут русского Марса раздражати.
Бог же, сие блаженство давый нам тобою,
Тожде твоим здравием и дней долготою
Да укрепит! Желаем: всегда ти победну
Для помощь, дабы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебе оружием; и вся сокрушити
Темницы варварские и ярем безмерный,
И от долгих узилищ извести род верный;
Да же вся победные совершивша рати,
Крест на стенах Сионских водрузити златий!

ТВОРЦУ САТИРЫ «К УМУ СВОЕМУ»

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоин ты славы.
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов
нравы.
Плюнь на их грозы! Ты блажен трикраты.
Благо, что бог дал ум тебе здравый.
Пусть весь мир будет на тебя голосливый,
Ты и без счастья довольно счастливый.

Объемлет тебя Аполлин великий,
Любит всяк, кто есть таинств его зритель,
О тебе поют парнасские лики.
Всем честным сладка твоя добродетель,
И будет сладка в будущие веки,
А я ныне сущий твой любитель.
Но сие за верх славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидят люди.

А ты, как начал, тещи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,
И пером смелым мещи порок явный
На нелюбящих ученой дружины,
И разрушай всяк обычай злонравный,
Желая доброй в людях перемены.
Кой плод ученый не един искусит,
А дураков злость язык свой прикусит.

ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТИИ

Коли дождусь я весела ведра
И дней красных?
Коли явится милость прещедра
Небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно,
Все ненастье,
Нет и надежды, о многобедно
Мое счастье;
Хотя ж малую явит отраду
И поманит,
И будто нечто польготит стаду
Да обманет,
Дрожу под дубом, с крайним гладом
Овцы тают,
И уже весьма мокротным хладом
Исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевных
Нет отмены,
Нет же и конца воплей плачевных
И кручины.
Потчися, боже, нас свободити
От печали,
Наши нас деды к тебе вопити
Научали.

НА ДЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ

В сей день Августа наша свергла долг свой ложный,
Растерзавши на себе хирограф подложный,
И выняла скиптр свой от гражданского ада,
И тем стала Россия весела и рада.
Таково смотрение продолжи нам, боже,
Да державе российской не вредит ничто же.
А ты всяк, кто ни мыслит вводить строй отманный,
Бойся самодержавный, прелестниче, Анны.
Как оная бумажка, вси твои подлоги
Растерзанные падут под царские ноги.

НА ПРИХОД ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ В ПОДМОСКОВНОЕ СЕЛО ВЛАДЫКИНО

Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь.
Солнце восходит,
Свет возводит,
Радость родит.
Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь.
Коликий у нас мрак был и ужас!
Солнце Анна воссияла —
Светлый нам день даровала.
Богом венчанна
Августа Анна!
Ты наш ясный свет,
Ты красный цвет,
Ты красота,
Ты доброта,
Ты веселие
Велие.
Твоя держава
Наша то слава,

Силы твоей рог,
Враги твоя побеждая,
Тебя в бедах заступая.
Рцыте вси люди:
О буди, буди!

НА ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Где Петрополю вредит проезд водный,
Плодоносные судна пожирая,
Там царским делом стал канал всеплодный,
Принося пользы, а вред отвращая.
Сим страх оставлен Ладожский безгодный,
Сим невредимо пловут к нам благая.
На твою, Анно, деется то славу,
И вода идет по твоему нраву.

НОВОПРЕСТАВЛЬШЕМУСЯ ИЕРОДИАКОНУ ЕПИТАФИОН

Смеялся ты, Адаме, коль мир суестрастный,
И сам его дурости быв нечто причастный,
Как сей и той жарко праздных честей жаждет
И от сего смертную в сердце болезнь страждет.
А другой и дни без сна проводит и ночи,
Как бы злата кучами повеселить очи.
А кто мощнейших господ за ножки хватает,
Тот ничего и в бедность и в стыд не вменяет.
Ты же то ругал. Позван же в небесные горы,
Еще смешнее начал ругать наши здоры.
А мы плачем о тебе, горько, неутешно,
Что на тебя нашла смерть так рано, так спешно.
Да ты стал и на сие смехотворно вракать,
И мы уже по тебе перестаем плакать.
Тако воспел с плачем друг его и подражатель
Самойло Теска, Феофановой семинарии смотритель.

К ЛИХОРАДКЕ В ЛИХОРАДКЕ

О, лихорадко, тебе за богиню
Говейно чтили древние народы,
Знать-то, ведая твою благостыню.
Но мне бедны суть твои приходы,
Всего терзаешь образом различным.
Се хлад наводишь, се жар зловиновный
И грызением эхидне приличным
Люте пронзаешь состав мой членовный.

О ТРУДЕ В СОЧИНЕНИИ ЛЕКСИКОНОВ

(*перевод скалигеровой эпиграммы*)

Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Ни посылать в тяжкие работы мест рудных:
Пусть лексикон делает — то одно довлеет,
Всех мук роды сей един труд в себе имеет.

ЗАПОРОЖЕЦ КАЮЩИЙСЯ

Что мне делать, я не знаю,
А безвестно погибаю;
Забрел в лесы непроходны,
В страны гладны и безводны.
Атаманы и гетманы,
Попал я в ваши обманы.
Пропадить вы за пороги,
Лишь бы не сбиться с дороги,
Не впасть бы мне в сильны руки,
Не принять бы страшной муки.
Иду же я на путь прежний
Под кров мне зело надежный.
Прогневил я самодержца
С малорассудного сердца.
Да мой же в том разум твердый,
Что бог и царь милосердый.
Государь гнев свой оставит,
И бог мене не оставит.

АНТИОХ
КАНТЕМИР

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир родился в 1709 г. в Константинополе. Отец его, молдавский господарь, переселился в Россию после неудачного Прутского похода Петра (1711). Ученый, с европейским именем, член Берлинской академии, он дал своим детям первоклассное образование.

По окончании домашнего воспитания А. Кантемир учился в Славяно-греко-латинской Академии, затем в гимназии Академии Наук. Любимым предметом Кантемира была нравоучительная философия. Первый литературный труд его — перевод с французского. В печати же впервые появилась «Симфония на псалтырь» (1727), т. е. указатель к тексту псалмов. Тогда же начал Кантемир писать и любовные песенки, к сожалению, до нас не дошедшие, по крайней мере с его именем. Вероятней всего, убеждения и характер литературной деятельности Кантемира окончательно определились после сближения его с Феофаном Прокоповичем.

Дворянская служилая интеллигенция росла уже при Петре; «ученая дружина» (см. о ней выше) оформляла идеологию дворянства, европеизированной его части. Борьба за господство дворянства против

олигархических устремлений «верховников», против поднимающей голову феодально-боярской и церковной реакции, против невежества — за науку и просвещение, за высокие моральные качества дворянства служили и публицистика Ф. Прокоповича и литературная деятельность Кантемира.

Политическая позиция Кантемира, напряженность развертывающейся борьбы в значительной мере и определили сатирический, публицистический, пропагандистский характер этой деятельности. В 1729 г. была написана Кантемиром первая сатира: «К уму своему» или «На хулящих учение», где автор выступает против «невежд и презирателей наук». Он не хотел опубликовать эту сатиру, но она попала в руки Прокоповичу и понравилась ему. Тот не только «ее везде похвалами стихотворцу рассеял», но и приветствовал поэта посланием: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый».

Кантемир ответил Прокоповичу III сатирой. Всего Кантемир написал 9 сатир: три последние из них были написаны позднее в Париже. В сатирах он ставит примерно тот же круг вопросов, которые ставил и Феофан в ряде своих произведений, и в частности в «Духовном регламенте». Церковная борьба была в то время одной из ярких форм жестокой и страстной политической борьбы.

«Рогатые и бодливые стихи» (сатиры) Кантемира в рукописном виде ходили по

рукам и крепко били ревнителей реакционной старины, с их фантастической ненавистью к наукам.

Кантемир наступает и на родовитое боярство; характеризуя идеальное воспитание детей, он включает ряд сатирических выпадов против «срамной» и порочной, нечистоплотной жизни взрослых. Поднимает Кантемир голос и против жестокого отношения к крепостным, говорит, что «плоть в слуге с твоей (дворянина) одноличнa», хотя в правильности и законности крепостного рабства не сомневается. Он «сетует» только на неоправданную жестокость крепостнического произвола.

Установка сатир была сформулирована самим автором: «Сатиру можно назвать таким сочинением, которое, забавным слогом осмеивая злонравие, старается исправлять нравы человеческие. Поэтому она в намерении своем со всяким другим нравоучительным сочинением сходна». Отсюда ее дидактический, нравоучительный характер.

Кантемир — один из родоначальников дворянского классицизма в его сатирической линии, «в сочинениях своих наипаче Горацию и Боалу, французу» следовавший, много от них занявший, «к нашим обычаям присвоив».

Язык Кантемира — несомненное движение вперед по пути развития и совершенствования русского литературного языка. Он отличается от высокой феодально-византий-

ской «словенщины». Наряду с неизбежными церковно-славянизмами, изрядным количеством иностранных слев, «словотворческими» опытами Кантемир идет к практике живой разговорной речи.

Кантемир один из первых начал писать в России о философии. В 1730 г. он перевел знаменитый «Разговор о множестве миров» Фонтенеля: перевод издан был только в 1740 г. и был злобно встречен фанатиками невежества.

В 1731 г. Кантемир написал ряд басен на злобу дня.

В том же 1731 г. при содействии влиятельного князя Черкасского Кантемир назначен резидентом (дипломатическим агентом) в Лондон. На новом ответственном посту он проявил незаурядные дипломатические способности. В 1737 г. он был переведен посланником в Париж. Наряду с хлопотливой дипломатической деятельностью Кантемир находил время и возможность заниматься и литературой: он переводил песенки Анакреона, написал VII, VIII и IX сатиры, посвященные общим вопросам морали; переработал и приготовил к печати первые шесть сатир, готовил к печати переводы десяти посланий Горация. Тогда же Кантемир написал и свое рассуждение о стихосложения: «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских». В нем Кантемир стремится упорядочить силлабический стих. В Париже он сошелся

с рядом ученых: Монтескье (переводил его «Персидские письма»), с знаменитым математиком Мопертюи, у которого занимался алгеброй; тогда же он написал книгу по алгебре (она, как и перевод «Персидских писем», не была издана), написал одиннадцать писем по вопросам философии, космогонии. Больной, он лелеял мечту вернуться в Россию и целиком отдаться науке. Мечты его не сбылись. В 1744 г. Кантемир умер.

Сочинения Кантемира издавались несколько раз. Лучшие издания — двухтомное, под редакцией П. А. Ефремова с примечаниями В. Я. Стоюнина (1867—1868), и «Стихотворения» в «Русской поэзии» С. А. Венгерова.

САТИРЫ

1

К УМУ СВОЕМУ

на хулящих учение)

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги:
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна марморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит Музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту,

Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно:
Но та беда, многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.

Расколы и ереси науки суть дети,
Больше врет, кому далось больше разумети,
Приходит в безбожие, кто над книгой тает.
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит свята душа с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами.
Дети наши, что пред тем тихи и покорны
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь к церкви соблазну Библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что там, что мирской жизни уж отстали.
Поместья и вотчины весьма не пристали.

Силван другую вину наукам находит:
Учение, говорит, нам голод наводит;

Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали,
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, должно ль о том тужить дворянину:
Довод, порядок в словах, подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать, иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину; глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что прикащик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с виннаго заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства;
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди,
Можно знать различие злата, сребра, меди.
Трав, болезней знание, голы все то враки;
Глава ль болит? тому врач ищет в руке знаки;

Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеем ли, кровь тихо чрез меру
Течет; если спешно — жар в теле, ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни к стати за одним ночь пятном не спать целу?
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного всхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим;
Сколько копеек в рубле без алгебры счислим.
Силван одно знание слично людям хвалит,
Что учит множить доход, и расходы малит,
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
  Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу Божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан; для мертвых друзей живущих лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага

Будет чернило, перо, песок да бумага?
В весельи, в пирах мы жизнь должны провождати;
И так она недолга, на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких мягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки,
И возвратятся назад минувшие веки;
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу,
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу.
Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг; а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры.
Пред Егором двух денег Вергилий не стоит,
Рексу, не Цицерону похвала достоит.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши

Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала; без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щоголь, скупец, ханжа, и таким подобны
Науку должны хулить, — да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, кртакости радея,
Исчел, иль, правду сказать, мог исчесть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть? уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет, повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо бородою,

Клюку пышно повели везти пред тобою,
В карете раздувшися, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву;
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пиша проповедь, выпись позабудет,
От чего доходам вред; а в них церкви права
Лучшия основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать? вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы,
Плюнь ему в рожу; скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.
К нам не дошло время то, в коем председала
Над всем мудрость, и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к вышшему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду;

Гордость, леность, богатство, мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело.
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита,
Знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы,
Как страдавши на море корабельной службы.
Все кричат: никакой плод не видим с науки;
Ученых хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самыя молодыя леты,
Всякая вышша степень, мзда уж не велика;
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
Нет правды в людях, кричит безмозглый церковник;
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею.
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,

Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя впрочем ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя,
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

2

ФИЛАРЕТ И ЕВГЕНИЙ

(*На зависть и гордость дворян злонравных*)

Филарет

Что так смутен, дружок мой? Щоки внутрь опали,
Бледен и глаѕа красны, как бы ночь не спали?
Ѕадумчив, как тот, что чин патриарш достати
Ища, конный свой ѕавод раѕдарил не кстати?
Цугом ли ѕапрещено еѕдить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг пеленать в ѕлато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогова?
Матерь, ѕнаю, и родня твоя вся ѕдорова;
Обильство сыплет тебе дары полным рогом;
Ничто тебе не претит жить в покое многом.
Что ж молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не ѕнаешь ли, сколь нам друг полеѕен в печали?
Сколь много ѕдравый совет полеѕен бывает.

Когда тому следовать страсть не запрещает?
А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден; ты с пышными презрен именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность,
И преимуществ твоих толпа неоспорных;
А зависти в тебе нет, как в попах соборных.

Евгений

Часть ты прямо отгадал. Хоть мне не завидно,
Чувствую, сколь знатным всем и стыд и обидно,
Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,
Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас, «сальныя», крича, «ясно свечи
Горят»; кто с подовыми горшком истер плечи,
Тот на высоку степень вспрыгнувши блистает;
А благородство мое во мне унывает,
И не сильно принести мне никакой польги.
Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели,
Государства лучшими чинами владели.

Рассмотри Гербовники, грамот виды разны,
Книгу Родословную, записки приказны;
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думнаго, наместника никто не был ниже;
Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены нашей салы,
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы.
В суде чисты руки их, помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх, как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Когда было выедет, всяк долой с дороги,
И шапочку сняв, ему головою в ноги.
Всегда за ним выборна таскалася свита,
Что ни день рано с утра крестова набита
Теми, которых теперь народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступать к нам сами,
Дворецкому кланялись с полными руками?
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово,
Заторопев, онемев, слезы у инова
Потекли с глаз с радости, иной не спокоен,
Всем наскучил хвастая, что был он достоен
С временщиком говорить, и весь веселился
Дом его, как бы им клад богатый явился.
Сам уж суди, как легко мне должно казаться,
Столь славны предки имев, забытым остаться,
Последним видеть себя, куда глаз ни вскину?

Филарет

Слышав я важну твоей печали причину,
Позволь уж мне мою мысль открыть и советы.
А ведай притом, что я лукавых приметы,
Лесть, похлебство не люблю: но сердце согласно
С языком, что мыслит то, сей вымолвит ясно.
Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
Сколь важно, и много в нем пользя признаваю.
Почесть та к добрым делам многих ободряет,
Когда награду в себе вершенных являет.
(Сыщешь в людях таковых, которым не дивны
Куча золота, ни дом огромный, ни льстивый
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
К титлам, к славе до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значит в том, кто себе своею рукою
Не присвоит почесть ту, добыту трудами
Предков своих. Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель,
Благородными явит одна добродетель.

Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
Разогнал ли пред собой враги устрашенны?
К безопаству общества расширил ли власти
Нашей рубеж? Суд судя, забыли ли ты страсти?
Облегчил ли тяжкие подати народу?
Приложил ли к царскому что ни есть доходу?
Примером, словом твоим ободрены ль люди
Хоть мало очистить злых нравов темны груди?
Иль буде случай, младость в то не допустила,
Есть ли показаться в том впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
Бедных жалки ли тебе слезы и докуки?
Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен,
Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?
Изрядно можешь сказать, что ты благороден,
Можешь счесться Ектору иль Ахиллу сроден;
Иулий и Александр, и все мужи славны
Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.
Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,

Буде в нравах с гнусным ты не разнишься псарским.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы, как пиво, ему; отречется трожжи;
Знает он, что с пива те славные остатки,
Да плюет на то, когда не как пиво сладки.
Разнится потомком быть предков благородных,
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в хололях течет кровь, та же плоть, те ж кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы,
И чужих обнажена красных перьев галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бывает
Дедов служба, когда внук в нравах успевает,
Но бедно блудит наш ум, буде опираться
Станем мы на них одних. Столбы сокрушатся
Под лишним те бременем, если сами в силу
Нужную не приведем ту подпору хвилу.
Светлой воды их труды ключ тебе открыли
И черпать вольно тебе: но нужно, чтоб были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться

К ключу; сама вода в рот твой не станет литься.
Ты сам, праотцев твоих исчисляя славу,
Признал, что пала она и делам и нраву:
Иной в войнах претерпел нужду, страх и раны,
Иным в море недруги и валы попраны,
Иной правду весил тих, бегая обиды;
Всех были различные достоинства виды.
Если б ты им подражал, право б мог роптати,
Что за другими тебя и в пару не знати.
Потрись на оселку, друг, покажи, в чем славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты под парчею
Углублен мягко в пуху телом и душею,
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли,
Зевнул, растворил глаза, выспался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлет Индия, иль везут с Китая,
Из постели к зеркалу одним спрыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком,
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину.
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам в колечки завиты

Свободно станет играть, чем уйдет за темя
В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных, ты сам, новый Нарцис, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
В тесном башмаке твоя, пот с слуги валится,
В две мозоли и тебе краса становится;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
Деревню взденешь потом на себя ты целу.
Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу, и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды;
Пора, место и твои рассмотрены годы,
Чтоб летом сходен был цвет, чтоб тебе в образу
Нежну зелен в городе не досажал глазу,
Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело;
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как искусные попы всякого дни звоны.
  Долголетнего пути в краях чужестранных,
Иждивений и трудов тяжких и пространных
Дивный плод ты произнес. Ущербя пожитки,
Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,

В пол-аршина глубоки и ситой подшиты;
Согнув кафтан, не были б станом все покрыты,
Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
Где карман, и сколько грудь окружа прибавить;
В лето или осенью, в зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнее нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать уж трудновато.
В обед и на ужине частенько двоится
Свеча в глазах, часто пол под тобой вертится,
И обжирство тебе в рот куски управляет.
Гнусных тогда полк друзей тебя окружает,
И глодая до костей самых, нрав веселый,
Тщиву душу и в тебе хвалит разум спелый.
Сладко щекотят тебе ухо сладки речи,
Вздутым поднят пузырем, чаешь, что под плечи
Не дойдет тебе людей все прочее племя.
Оглянись, наместников царских чисто семя,
Тот же полк, лишь с глаз твоих, тебе уж смеется;
Скоро станет и в глаза; притворство минется,
Как скоро сойдут твоих пожитков остатки.
(Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки.)
Ты сам неотступно то время ускоряешь,
Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь,

И мечешь горстью твоих мозольми и потом
Предков скоплено добро. Деревня со скотом
Не первая уж пошла в бережную руку
Того, кто мало пред сим кормился от стуку
Молота по жаркому в кузнице железу.
Приложился сильный жар к поносному резу,
Часто любишь опирать щеки на грудь белу;
В том проводишь прочий день и ночь почти целу.
Но те, что стенах твоей на пространной салы
Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый;
Чужой глаз нужен тебе и помочь чужая
Нужнее, чтоб знать назвать черту, что копая
Воин пред собой ведет, укрываясь, к валу;
Чтоб различить, где стены часть одна по малу
Частым быстро-пагубных пуль ударом пала,
Где, грозно расседшися, земля вдруг пожрала;
К чему тут войска одна часть в четверобочник
Строится, где более нужен уж спомочник
Редким полкам, и где уж отмененны силы
Оплошного недруга надежду прельстили.
Много вышних требует свойств чин воеводы
И много разных искусств; и вход, и исходы,
И место, годно к бою, видит одним взглядом.
Лишной безопасности не опоен ядом,

Остр, проницает врагов тайные советы,
Временно предупреждать удобен наветы,
О обильности в своем таборе печется
Недремительно; любовь ему предпочтется
Войска, чем страшным им быть, и вдруг ненавидим;
Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его жадностью: врагам одним лишь ужасен,
Тихим нравом и умом и храбростью красен.
Не спешит дело начать, начав производит
Смело и скоро; не столь бегло Перун сходит,
Страшно гремя. В счастии умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд, не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слыхал ли? Самых числу дивишься ты званий,
И в один все мозг вместить смертных столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, или судье жить скудно.

Как тебе вверить корабль? ты лодкой не правил,
И хотя в пруду твоем, лишь берег оставил,
Тотчас к берегу спешишь: гладких испугался
Ты вод. Кто пространному морю первый вдался,
Медное сердце имел; смерть там обступает
С низу, с верху и с боков; одна отделяет

От нее доска, толста пальца лишь в четыре:
Твоя душа требует грань с нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляет;
Один холоп лишь твою храбрость искушает,
Что один он отвечать тебе не посмеет.
Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств с самого укрепленных детства,
И столь нужней те ему, сколь вящши суть бедства
На море, чем на земле. Твари господь чудну
Мудрость свою оказал, во всех не оскудну
Меру поставя частях мира, и меж ними
Взаимно согласие; лучами своими
Светила небесные, железце, не многу
От дивного камня взяв силу, нам дорогу
Надежную в бездне вод показать удобны
Небес положение на земле способный
Бывает нам проводник, и когда страх мучит;
Грубых пловцов, кормчаго искуснаго учит
Скрытый камень миновать, иль берег опасный,
И в пристань пристать, где час кончится ужасный.
Недруга догнать, над ним занять ветр способный
И победу исхитить, вступя в бой удобный,
Труд немалый. На море, как на земле, те же
Прочи вождев должности: тебе еще реже

Снилась трубка и компас, чем строй и осада.
За красным судить сукном Адамлевы чада,
Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
Сердце к сожалению склонно, и речиста
Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
Не сильны; пред кем, всегда мудрец и невежда,
Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
И красного цвет лица, пахарь и вельможа
Равны в суде, и одна правда превосходна;
Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
Ябеда и ее друг дьяк или подьячей,
Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячей,
Стречись должен, и сам знать и лист и страницу,
Что от нападения сильного вдовицу
Соперника может спасть, и сирот спокойну
Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
Наизусть он знает все естественны права,
Из нашего высосал весь он сок устава,
Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый,
Не меньше стройный других, не меньше обильный,
Завидим врагу, и в нем злобу унять сильный.
Можешь ли что обещать народу подобно?

Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
Вместо правой левою (зверям лишь прилична
Жадность крови; плоть в слуге твоей одноличны).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенной
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стала ему золота куча, без которой
Прохладам должен своим видеть конец скорой.
Арапского языка, нравы и законы
Мнятся тебе, дикие русску уху звоны.
Если в те чины не гож, скажешь мне, я чаю
Не хуже Клита носить ключ золотой знаю;
Какие свойства его, какая заслуга
Лучшим могли показать из нашего круга?
Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой,
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,

С холопом новых людей дружбу весть не рдится,
Истинная мысль его прилежно таится
В делах его. О трудах своих он не тужит,
Идучи упрямо в цель: Клиту счастье служит.
Иных свойств не требует, кому счастье дружно;
А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил,
Чтоб крылья к солнцу подшед, мягки не расплавил:
Короткий язык, лицо и радость удобно
И печаль изображать, как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь.
Честнее будет он друг, всем дружен являясь,
И много смирение, и рассудность многу
Советую при дворе. Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит, виновен не стался,
Буде ложью утаить правду не посмеет:
Счастлив, кто средины той держаться умеет.
Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
Учтивость приличная, что дает род знатный;
Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь;
Всего того я в тебе искать опасаюсь.
Словом, много о вещах тщетных беспокойство,

Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство.
Исправь себя, и тогда жди, дружок, награду;
По тех пор забытым быть не считай в досаду;
Пороки, кои теперь прикрывают тени
Стен твоих, укрыть нельзя на вышшей ступени.
Чист быть должен, кто туды не побледнев всходит,
Куды зоркие глаза весь народ наводит.
  Но поставим, что твои заслуги и нравы
Достойным являют тя лучшей мзды и славы:
Те, кои оной тебя неправо лишают,
Жалки, что пользу свою в тебе презирают;
А ты не должен судить, судят ли те здраво,
Или сам многим себя предпочтешь неправо?
  Над всем же тому, кто род с древнего начала
Ведет, зависть, как свинье узда, не пристала,
Еще б можно извинить, если знатный тужит,
Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
Кого сколько темен род, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни в людях приятны;
Но когда противное видит в человеке,
Веселиться должен уж, что есть в его веке
Муж такой, кой добрыми род свой возвышает
Делами, и полезен всем быть начинает.
Что ж в Дамоне, в Трифоне и Туллие гнусно,

Что, как награждают их, тебе на смерть грустно?
Благонравны те, умны, верность их немала;
Слава наша с трудов их нечто восприяла.

Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думным и наместником деды не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой род не все таков был, как потом стался,
Но первый с предков твоих, что дворянин звался,
Имел отца славою гораздо поуже,
Каков Трифон, Туллий был, или и похуже.

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо.
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных,
От них мы все сплошь пошли, один поранее
Оставя дудку, соху, другой попозднее.

3

К МУЗЕ СВОЕЙ

(О опасности сатирических сочинений)

Муза! не пора ли слог отменить твой грубый,
И сатир уж не писать? Многим те не любы,
И ворчит уж не один, что где нет мне дела,
Там мешаюсь и кажу себя чресчур смела.
  Много видел я таких, которы противно
Не писали никому, угождая льстивно;
Да мало счастья и так возмогли достати;
А мне чего по твоей милости уж ждати?
Всякое злонравие тебе неприятно,
Смело хулишь, да к тому ж и говоришь внятно;
Досаждать злым вся жадна, то твое веселье;
А я вижу, что в чужом пиру мне похмелье.
  Вон Кондрат с товарыщи, сказывают, дышет
Гневом, и стряпчих собрав, челобитну пишет,
Имея скоро меня уж на суд позвати,
Что, хуля Клитесов нрав, тщуся умаляти
Пьяниц добрых, и с ними кружальны доходы.

А Никон тверды одни любящий доводы,
Библею, говорят, всю Острожской печати
С доски до доски прошел, и не три тетрати
Наполнив, мудрые в них доводы готовит,
Что нечистой в тебе дух бороду злословит,
Что законоломное и неверных дело
Полосатой мантию ризою звать смело.
Иной не хочет писать указ об отказе,
Что о взятках говоришь обычных в приказе
Одним словом сатира, что чистосердечно
Писана, колет глаза многим всеконечно.
Ибо всяк в сем зеркале, как станет смотрети,
Мнит, зная себя, лицо свое ясно зрети.
Муза, свей мой! слог твой мне творцу ядовитый;
Кто всех бить нахалится, часто живет битый,
И стихи, что чтецам смех на губы сажают,
Часто слез издателю причина бывают.
Знаю, что правду пишу, и имен не значу,
Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу;
Да правда редко люба, и часто не кстати.
Кто же от тебя когда хотел правду знати?
Вдругорь скажу, не нравна; угодить не можно,
Всегда правду говоря, а хвалить хоть ложно,
Хоть излишне, поверь мне, более пристойно
Тому, кто, живя с людьми, ищет жить покойно.
Чего ж плакать, что народ хромает душою?
Еслиб правдой все итти, таскаться с сумою.
Таков обычай; уйми, чтоб шляп не носили

Маленьких, или живут пусть люди, как жили.
Лучше нас пастыри душ, которых и правы
И должность есть исправлять народные нравы,
Да молчат; на что вступать со всем светом в ссору?
Зимой дров никто не даст, ни льду в летню пору.

Буде ты указывать станешь Ювенала,
Персия, Горация, мысля, что как встала
Им от сатир не беда, но многая слава;
Что как того ж Боало причастник был права,
Так уж и мне, что следы их топчу, довлеет
То ж счастье. Позволь сказать, что ум твой шалеет.
Истая Зевсова дочь перо их водила;
Тебя чуть ли не с другим, кем Память родила.
В них шутки вместе с умом цветут превосходным,
И слова гладко текут, как река природным
Током, и что в речах кто зрит себе досадно,
Не в досаду себе мнит, что сказано складно.
А в тебе что таково? без всякой украсы
Болтнешь, что не делают чернца одне рясы.
Так ли теперь говорят, так ли живут в людях?
Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях,
И враг смертный будучи, тщись другом казаться,

Если хочешь нечто быть и умным назваться.
Зачнем, Муза, в похвалах перья притупляти,
Ну-тка станем Туллию приветство писати.
Туллий, знаешь ты, лукав, что если рассудно
Истолковать, то в нем ум выхвалить нетрудно.
Оставя убо, что есть, сделаем такова,
Каков бы он должен быть; тропа та не нова;
Всяк так пишет, кто хвалить у нас кого хочет,
Тому, кого въявь поет, сам в сердце хохочет.
Туллий не нравен тебе? выбери другова;
Вот хорош Силван; он тих, не добьешься слова
У него чрез целый день, и хотя ты знаешь,
Что он с глупости молчит; если пожелаешь,
Можешь сильно доказать, что муж он не простый,
Но с рассудства обуздал язык свой преострый.
И Квинтий право хорош; в десть книгу составить
Можешь, коль дела его захочешь прославить.
Видишь, как приятен он, честно всех примает,
Учтиво век говорит, всякого ласкает,
И всякому силится быть он благодетель;
Не однажды, как сулит, слов тех бог свидетель.

Полно того; а с чего таков он бывает?
Писать не зачем; добро, что мало кто знает.
Не пиши того, что он за тем столь умилен
И добр ко всем, что вредить никому не силен.
Да много таких, об ком списать стопу целу
Можно; легко их узнать, хоть нет в спине мелу.

Буде ж не сроден тебе род тех стихов гладких,
Запой в Амариллиных объятиях сладких
Счастливого Титира, иль Ирис бесчадну
К бедну Филену. Свою Титир жизнь прохладну
Не сменит на царскую славу и обильность;
Филен носит на лице жалкую умильность;
Ведет ли стадо поить, иль пасти на поли?
Смутен станет, и текут с глаз слезы доволи;
Ирис, мимо идучи, ход свой ускоряет
Смеясь и горда его рану огорчает.

Вскинь глаза на прошлу жизнь мою и подробно
Исследуй: счастье ко мне ласково и злобно
Бывало, больше в своей злобе постоянно.
Почерпнув довольну тут печаль, нечаянно
Новым уж родом стихов наполним тетрати
Прилично чтецам своим, и что больше кстати.
Нам здесь смертным, как печаль? тужить не напрасно
Можем, приближаяся к смерти повсячасно.

Есть о чем писать, была б лишь к тому охота,

Было б кому работать, без конца работа;
А лучше век не писать, чем писать сатиру,
Что приводит в ненависть меня всему миру.
Но вижу, Муза, ворчишь, жмешься и краснеешь,
Являя, что ты хвалить достойных не смеешь,
А в ложных хвалах нурить ты не хочешь время.
Достойных право хвалить не наших плеч бремя,
К тому ж человечья жизнь редко одолична;
Пока пишется кому похвала прилична,
Добродетель его вся вдруг уж улетает,
И смраден в пятнах глазам нашим представляет
Себя, кто мало пред тем бел, как снег, казался.
Куды тогда труд стихов моих уж девался?
Пойду ль уже чучело искать я другое,
Кому б тые прилепить? иль хотя иное
В нем вижу сердце, ему ж оставя, образу
Себе в людях навлеку, кои больше глазу
Верить станут своему, нежли моей бредни,
Не меряя доброту по толпе в передни.
Изодрав те, скажет кто, сочини другие,
Третие, десятые, как бы нам такие
Плыли с пера без труда стихи и без поту.
Пусть он сам отведает ту легку работу;
А я знаю, что когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нрав сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу, и тру лоб вспотелый,

С трудом стишка два сплету, да и те не спелы,
Жестки, досадны ушам, и на те походят,
Что по целой азбуке святых житьё водят.
Дух твой ленив и в зубах вязнет твое слово
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А как в нравах вредно что усмотрю, умняе
Сама ставши, под пером стих течет скоряе.
Чувствую сам, что тогда в своей воде плавлю,
И что чтецов я своих зевать не заставлю;
Проворен, весел спешу, как вождь на победу,
Или как поп с похорон к жирному обеду.
  Любовны песни писать, я чаю, тех дело,
Коих столько ум не спел, сколько слабо тело.
Красны губки свежие, что на крайках сносят
Душу на встречу моей, губ же себе просят;
Молочны груди ладонь мою потягают,
И жарки взгляды моих глаз взгляд поджидают.
Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки, коих от денницы
До другой невидимо колет любви жало.
Шуток тех минулося время, и пристало
Уж мне горько каяться, что дни золотые
Так непрочно стратил я, пиша песни тыя.
Кои к весне возраста жаркой любви служат,
Как невольники в цепях пусть о себе тужат,
Вина сущи своему беспокойству сами;
Я отвык себя ковать своими руками.
Мне уж слепое дитя должен беспрестанно
Поводы веселия подавать, и странно

Ему, чаю, все то, что к печали склоняет.
Если веселить меня собою не знает,
Тотчас с ним расстанусь; с ним уже водить дружбу
В лишны часы я готов, но не сулю службу.
К чему ж и инде искать печали причину?
Не довольно ли она валится на спину,
Хоть бы ее не искать? если в мои лета
Минувши скрыться не мог я вражья навета,
Если счастье было мне мало постоянно;
Я ль один тому пример? Весь свет непрестанно
Терпит отмены, и то чудно лишь бы было,
Еслиб мое в тех валах судно равно плыло.
Теперь счастливо плыву; то мне одно полно.
Забываю прошлое, и как мне невольно
Будущее учредить время, так и мало
О том суечусь, готов принять, что ни пало
Из руки всевышнего царя в мою долю.
О дней числе моих жду тих его же волю;
Честна жизнь не трепетна и весела идет
К неизбежному концу, ведая, что внидет
Теми дверьми в новые веки непрестанны,
Где тишина и покой царствует желанный.

Одним словом, сатиру лишь писать нам сродно,
В другом неудачливы; с нравом же несходно
Моим, не писав прожить в леностн с тобою.
Ин, каков бы ни был рок, смелою рукою
Злой нрав станем мы пятнать везде неостудно.
И, правда, уж от того и уняться трудно,
Когда тот, что губы чуть помазал в латину,

Хвастает наукою и ищет причину
Беспременно всем скучать долгими речами,
Мня, что мудрость говорит к нам его устами;
Когда хлебник в золоте и цугом катится;
Раздутый уж матери подьячий стыдится,
И бояр лише в родню принять ему нравно;
Когда мельник, что с волос стрёс муку недавно,
Кручинится, и ворчит, и жмурит глазами,
Что в палате подняли мухи пыль крылами.

Таким одним сатира наша быть противна
Может; да их нечего щадить, и не дивна
Мне любовь их, как и гнев их мне страшен мало.
Просить у них не хочу, с ними не пристало
Мне вестись, чтобы не счернеть, касаяся сажи;
Вредить не могут те мне, пока в сильной стражи
Нахожуся матери отечества правой.
А коим бог чистый дух дал, и дал ум здравой,
Беззлобны беззлобные наши стихи взлюбят,
И охотно станут честь, надеясь, что сгубят,
Может быть, иль уменьшат злые людей нравы.
Сколько тем придается им и пользы и славы!

Письмо

К СТИХАМ СВОИМ

Скучен Вам, стихи мои, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
Жадно воли просите, льстите себе сами,
Что примет весело вас всяк гостей веселых,
И взлюбит, свою ища пользу и забаву;
Что многу и вам и мне достанете славу.
Жадно волю просите, и ваши докуки
Нудят меня дозволять то, что вредно, знаю,
Нам будет; и не хотя, вот уж дозволяю
Свободу. Когда из рук пойдете уж в руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноту, и что себе лишно вы ласкали.
Славы жадность, знаю я, многим нос разбила;
Пока в вас цвет новости лестной не увянет,
Народ всегда к новости лаком, честь вас станет
И умным понравится голой правды сила.
Пал ли тот цвет? больша часть чтецов уж присудит,
Что продерзостный мой ум в вас беспутно блудит.
Бесстройным злословием назовут вас смело,
Хоть гораздо разнится злословие гнусно

От схихов, кои злой нрав пятнают искусно,
Злонравного охраня имя весьма цело.
Меня меж бодливыми причислить быками;
Мало кто склонен смотреть чистыми глазами.
Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,
Хулить станут; годен всяк к похулке причину
Сыскать, и не пощадят того, кто старался
Прочих похулки открыть. Станете напрасно
Вы внушать, и доводить слогом своим ясно,
Что молодых лет плоды вы не ущербили
Ни малой мне к делам час важнейшим и нужным;
Что должность моя всегда нашла мя досужным;
Что полезны иногда подобные были
Людям стихи. Лишной час, скажут, иметь трудно,
И стихи писать всегда дело безрассудно.
Зависть, вас пошевеля, найдет, что я новых
И древних окрал творцов, и что вру по русски
То, что по римски давно, уж и по французски
Сказано красивее. Не чудно с готовых
Стихов, чает, здравого согласно с законом
Смысла мерны две строки кончить тем же звоном.
Когда уж иссаленным время ваше пройдет,
Под пылью, мольям на корм кинуты, забыты
Гнусно лежать станете, в один сверток свиты

Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
Вам рок обвертеть собой иль икру, иль сало.
Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Боится рыбка, когда в сеть уже попалась;
Что сколь ни сладка своя воля им казалась,
Не без вреда своего презирают дети
Советы отцовские. В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою
Прощайте.

EPODOS CONSOLATORIA

На горах наших, Пимене славный,
Сединами!
Ни свирелию тебе кто равный,
Ни стадами:
На рожку ль поешь, иль на сопели
Хвала богу,
Стихом ли даешь промежду делы
Радость многу;
Забывши травы, к ней же из млада
Научены,
Стоят овцы и козлищ стада
Удивленны.
Сенька и Федька, когда песнь пели
Пред тобою,
Как не мазаны двери скрипели
Ветчиною,
Славному млека и волны зело
Когдась вору
Лошадей столько в мысли не было
И Егору,
Сколько есть овец в твоей ограде
В летнем зною.
Молоко свежо при твоем стаде
И зимою.

Ты же был горазд и волков бити
Из пищали,
Беда не могла тебе вредити
И печали;
И еще сена у тебе много
Вместо травы;
Есть и хлевина, для дождю злого
Ту исправи.
Сии запасы твоему стаду
В зиму люту
И в осень мокру дадут отраду
И приюту.
А ты сам в теплой сиди хижине,
Можешь сети
Вязать, или что плесть при лучине,
Или пети,
Или милую возвав дружину
Промеж делы,
Бражку и винцо поднось по чину
Не унылый.
Они ти за то будут при делах
Помогати,
Масло и творог жирный в творилах
Истискати.
Для чего ж плачешь, чрез пять дней было
Что ненастье,
На дождь и стужу смотришь уныло
За несчастье?
Что мокра осень следует лету,
Той противо
Отъемлет зима остаток свету —
То не диво,

Послыша весну, уж ластовицы
Появились,
Уж журавли и ины птицы
Возвратились;
Солнце с барашка уж на близнята
Преступило,
С матерми юны в полях ягнята
Блевут мило;
И славна в горах наших Диана
Благодатна
Весны дарами — цветы венчанна
Всем приятна.
Оставя горы в леса проходит
С дружиною
И знатна красных нимф превосходит
Лишь главою,
На ней черкеский в туле сияет
Лук, страшливых,
Готова на лов, уж примечает
Зверей дивых,
В коих вертепах щенков выводят
Львы ужасны,
Лютый бобр и барс, где детей плодят
Пятном красны,
Вскоре ловитвы будет корысти
Разделяти,
Сих зверей кожи вместо монисты
Раздавати;
Она и тебе и твое стадо
Охраняет,
Да не вас льстивых волков зло чадо
Повреждает;

Ты бо ей главу шипковым венцом
Венчал красно,
Да в лике богинь России сонцем
Светит ясно.
Ты в ее праздник в жертву приносишь
Агнцев белых,
Сыченый братьи медок подносишь
С сотов зрелых,
И ее похвал ты певец славный
На сопели:
Так петь Амфион и Орфей давный
Не умели.
Для чего ж плачешь, через пять дней было
Что ненастье!
Уже сияет шестый день мило
В твое счастье!
Сим ныне ведром буди довольный
После зноя,
Седьмый наступит любого полный
День покоя!
Тогда, богатый Пимене, сидя,
Безопасный,
Под дубом или под кленом, видя
Стада красны,
Висящи от гор и овец кущи
Исполненны,
Вымена млеком тяжки имущи
И расширенны.
Не забудь и нам, пастушкам малым,
Помогати.
Не дай Егора другом нахалым
Нападати,

У меня было мало козляток,
Ты известен,
Сей был моея паствы начаток
Некорыстен,
Но и сих Егор и его други
Отогнали,
Млеко и волну вороги туги
Всю раскрали.
Уж трожды солнце в круг обежало
Путь свой белый,
А я не имею льготы ни мало,
Весь унылый.
Лишен и стадца, лишен хижины,
Лишен нивы,
Меж пастушками брожу единый
Несчастливый;
Ниже в наймиты кто нанимает,
Ни козлятем
На завод бедну кто помогает,
Ни ягнятем!
То праведнейше нежли в ненастье
Я скучаю,
Плачу тяжкого сего несчастья
И случаю.
Никто несчастлив, разве сравнится
С тресчастливым
Или бесчастным, когда дивится
И плачливым.
Присмотрись токмо моему лиху
И несчастью,
Будешь в печали иметь утеху
И в ненастью.

АВТОР О СЕБЕ

(*Эпиграмма*)

Что дал Гораций, занял у француза.
О коль собою бедна моя муза!
Да верно, ума хоть пределы узки,
Что взял по польски, заплатил по русски.

ПЕСНЯ О СПЯЩЕЙ СВОЕЙ ПОЛЮБОВНИЦЕ

(В подражание Анакреону

Приятны благодати!
Танцы вы водя под древом,
Двигайте ноги легонько
Велите играть тихонько,
Или далее отшедши,
Приятные благодати,
Танцы вы свои водите:
Любимица моя близко,
Спочивает тут под древом,
Взбудить ее берегитесь;
Когда взглянуть тыя очи,
Уже будут ничто ваши;
Уж вам, красны благодати,
Не похочется плясать.

О ЛЮБВИ

Некогда, в часы полночны,
Когда медведь уж вертеться
Начал под рукой Воота,
Человеков же вси роди
Спят, утомлены трудами,
Любовь, пришед к моим дверям,
Громко стал у них стучаться.
«Кто стучит там? — закричал я: —
И сну моему мешает?» —
«Отвори, — Любовь сказал мне, —
Младенец я есмь; не бойся,
Весь обмокл в безлунной ночи,
С пути, бедной, заблудился».
Сжалился я, то услышав,
И, свечу тотчас зажегши,
Отворил; я вижу, правда,
Крылата младенца с луком
И с тулом стрел за плечами.
Посадив к огню, я начал
В ладонях греть его руки
И с волос отирать воду.
Он, как скоро лишь нагрелся,
«Дай отведать, — говорит мне, —
Не вредилась ли водою
Тетива моего лука».

Натянув же, той язвил мя
Как оса прямо средь сердца,
Потом захохотав сильно,
Вскакал. — «Не тужи, хозяин, —
Сказал, — лук мой есть невреден,
Да ты будешь болеть сердцем».

О ЛЮБВИ

Хочу, хочу я любити.
Любовь к тому побуждал мя;
Но я тогда безрассуден
Совет его не послушал;
Он же, тотчас лук свой взявши
И златой тул, меня вызвал
На битву; я же, на плечи
Надев латы, как Ахиллес,
Копье ж и щит в руки взявши,
Противо стоял Любови.
Стрелял он, я ж бежал спешно;
Как уж стрел ему не стало,
Разъярился, и как с лука
Стрельнул на меня собою,
И пронзив меня средь сердца,
Учинил меня бессильна.
Щит убо мне уж негоден:
К чему бо извне щититься,
Когда войну внутрь ся чую?

ПЕТР

БУСЛАЕВ

Петр Буслаев родился, повидимому, в начале 1700-х гг. и умер до 1755 г. Получив в двадцатых годах XVIII в. образование в Московской Славяно-греко-латинской Академии, он поступил дьяконом в московский Успенский собор; позже он сложил с себя дьяконство.

Из произведений Буслаева известна только одна поэма «Умозрительство душевное, описанное стихами о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой. Изданное в Москве 1734, генваря в 20 день. Чрез усерднейшего слугу ее Петра Буслаева. Печатано в Санктпетербурге в Типографии Академии Наук 1734 года, марта в день». Поэма Буслаева состоит из двух частей: первая, не имеющая особого заглавия, изображает смерть и погребение Строгоновой; вторая озаглавлена «О восшествии души ее в небо с следующими добродетельми». Каждая из частей состоит из 100 рифмованных силлабических двустиший классического тринадцатисложного стиха. Язык Буслаева, хотя и обилен славянизмами, но отличается большой чистотой. Очевидно, Буслаев был достаточно образованным писателем.

В примечаниях к своей поэме он ссылается на Вергилия, Овидия, Гомера; щеголяет знанием риторических фигур; согласно моде 20—30-х гг. XVIII в., любит вводить в текст иностранные слова (момент, инструменты, алтерация и т. д.). Не исключена возможность, что он был знаком с каким-либо переводом «Потерянного и возвращенного рая» Мильтона; отдельные параллели можно найти в поэмах обоих поэтов.

Тредиаковский первый сообщил сведения о Буслаеве; приведя в одной из своих статей весь § 2 первой части «Умозрительства душевного», он восклицал: «В таком случае, что выше сего выговорить возможно? Но что и сладостнее и вымышленнее (т. е. образнее)? Если б в сих стихах падение было стоп, возвышающихся и понижающихся по определенным расстояниям, то что сих Буслаевых стихов могло б быть и глаже и плавнее?» И другой писатель XVIII в., автор «Опыта исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новиков, находил, что стихи Буслаева «за многие преизрядные и тонкие мысли превеликой достойны похвалы». После 1734 г. «Умозрительство душевное» ни полностью, ни в больших отрывках не воспроизводилось. В настоящем издании печатается полностью первая часть его (без примечаний Буслаева). Историко-литературных работ о Буслаеве нет ни одной.

УМОЗРИТЕЛЬСТВО ДУШЕВНОЕ

1

По рождестве Христове сие дело стало,
Как солнце свой круг тогда обтекало
Тысяща седмсот тридцать третий, днем то было:
Девятой луны, число девятое плыло;
А полночь; десять часов как уж удалялась,
Только что десятая минута являлась.
Баронесса Мария вся болела телом,
Здрава ж душа одета в платье была белом.
Будто бы по победе к торжеству готова.
Никто ж из предстоящих говорил тут слова.
Душ своих очи остро все тогда раскрыли,
Телесны от слез слепы: душевны ж смотрили,
Вдруг все учувствовали, с блистанием светлым
Аки бы веял сладко, дыханием теплым,
Дух силы всемогущей, божией благодати;
Узнали, что хощет он Марию прияти.

Тогда показался красен человеков паче,
Властительно блистая, как бог неиначе;
В свет очам ненасытный оболчен был красно,
Сладко было нань зрети, с радостью ужасно.

Тело ж все было в крови, как от мук недавно:
Пробиты руки, ноги, и бок виден явно.
Однако ж славы сие не отымало,
Но любовь божественну казало не мало,
Очи являли милость, лицо же все радость.
Весь он был желание, весь приятна сладость.
Округ его стояли: небесные силы,
Светлы лица имуще, илектровы ж крылы,
От славы неприступной себе закрывали.
К Марии Христос приде: дивно воспевали.
Та ж; явилася скоро прекрасна девица,
Воскликнули силы: пришла небесна царица,
Оболченна вся в солнце, луна под ногами.
На главе же корона царская с звездами.
Мужей, жен и дев много входили по чину.
Страшно нам грешным было рассуждать причину.
Все блещут в славе, чести и силе небесной.
Ум душевный се видел, слеп был зрак целебной.
Пламенновидны силы крест Христов казали,
Тернов венец, и ужи чем Христа вязали.
Трость, копие и гвозди: страстей инструменты:
От чего трепетали света элементы.

3

Все страшились: Мария ж душей веселилась,
Добродетелей в цветах вся украсилась.

Воскликнула ко богу, к царице небесной:
Разреши, Христе, союз мне страстей телесной.
Душа моя, как елень, желает на воды,
К тебе та желает: чрез пятьдесят шесть годы
Месяца три дней дватцать, к твоей благодати
Безмерно жажду, изволь мя от зде прияти.
Мати божия слова, жизненная Ева,
Моли своето сына, небесная дева.
Да сеи страстьми своими разрешит мне страсти:
Тогда царь славы воздвиг блистательны очи.
На них же и ангелом зреть не было мочи.
Святым гласом ангелу смертоносну сказал,
Дабы сеи души с телом единство развязал.
Светла облака была ангела одежда,
Убегает пред ним прочь плотская надежда.
Пламенны очи быстро во главе сияли,
Огнепальну молнию крыла испускали.
На главе имя бога было начертанно,
На щиту ж светлом: тожде казалось избранно.
Простирает сеи руки к Мариину телу,
Вонмем; рек ко ангелом к божественному делу.
Другие подступили, крылами паряще,
Объятия простерли, душу взять хотяще.

4

Тогда сей ангел, от недр изъял сосуд чистый,
Наполненный питием, как бриллиант истый.
Пред сим Мария в плоти весьма встрепетала.
Сила ее всех членов ослабевша стала.
Но ангел подшед; в уста опасно влиял
Смертоносным питием небесный сей фиял.
От чего вся плоть ее возмятеся страстно,
Зраком смотрить телесным было преужасно.
Дыхание от сердца металось жестоко,
Зрак очей ее светлых затекал глубоко.
Смертновидная бледность лицо покрывала,
Кровь от обращения оставаться стала.
Уста, почернев мало, скоро затворились.
Плоти ее доброты в момент пременились.
Теплота природная везде стала хладна,
Тогда душа от тела исскочила жадна
Ко ангелом пресветлым в распростерты руки,
Избавльшися телесной болезни и муки.
С Христом и девой, с всеми святыми покрылась
Бессмертною славою и в небо вселилась.
Тогда душевный ума зрак у всех закрылся,
Телесный ж, пришед в память, тот час осмотрился.
Увидели Марию, лежащу уж мертву,
Душа ж ее отыде в божественну жертву.

5

Невозможно сказать, что тогда учинилось,
Какое рыдание в доме сем явилось,
Все ахнули от сердца; мало замолчали.
Та ж скоро адским воплем беспамятно вскричали.
Кровавых слез источники в сердце закипели,
Горестно все плакали, все пропасть хотели.
Ревуще, челюсти как в муках разверзали,
Власы и лицо свое свирепо терзали.
Младые и старые, и разные люди,
Самих ся ненавидя, тяжко бились в груди.
Скрежетали зубами, визжали нелепо.
О стены и о землю расшибались слепо.
Кто на кого ни взглянет, слез унять не может;
Всякого тажде печаль терзает и гложет.
Белки очей раскрывши, зияют устнами,
Почто мать милосердна рассталася с нами?
За что благости многой полная утроба,
Прежде всех нас достигла до смертного гроба.
Алчущих и жаждущих ты всегда питала.
Се вопиют, се просят, но уже престала.
Наставляла жить честно многих людей младость,
Ты в горести утеха, ты в печали радость.
Бедных заступление, и нищих богатство,
Ревность добродетелей, и веры изрядство.

То твою душу к богу прочь от нас отъяло.
Самое небо в тебе к нам завистно стало.
Странных приемнице, мать сирот милосерда.
Многим в советах мудра, в постоянстве тверда.
Ревнительница правды, и вся добродетель.
Взят тя, на нас прогневан господь вседетель,
В домостройстве искусна, в делах трудолюбна.
Наполнен дом был вопля, будто гласа трубна.
Всякое место дому казалось рыдати.
И единого без слез было не видати.

6

И так по всем палатам плач сей разливался,
Где ни приидешь, новой везде начинался.
Когда же весть сия слуха трех сынов достяже,
Как се описати, что в сердцах их воздвиже?
Очи померкли, лица побледнели.
В застылой крови сердца их оледенели.
Растворя уста, стали безумным подобны.
Замерли течения крови из удобны,
Затряслись ноги, язык прильпе ко гортани.
Рекли: ах, боже! рыдать будем беспрестани.
Объявшимся им вкупе, очи крови полны.
Пролили свирепые горчайших слез волны.
Рыдали, донелиже истончали духом.

Горько всякому видеть и слышать се слухом.
Егда же сердце в силах мало обновлялось:
Рыдание с слезами паки изливалось.
Потом адская весна цвет свой показала:
Темной черноты платьем радость всех связала.

О властитель всех, иже суть и несозданный,
Почто добродетелей ковчег преизбранный
Тлению сея души предаеши тело?
Вопят обстоящие, какое зрим дело?
В то бо время Марию во гроб положили:
Столько тут слезили все, лучше бы не жили.
Аще ж и зело тяжко многие плакали,
Но скоро загорелись светлые факалы.
Хотя и любящие расстались на силу,
О боже! уж Марию понесли в могилу.
Пред ней поют надгробны, церковны концерты,
Тут-то были печалью многих сердца стерты.
Терзали самой воздух слезными речами,
Раненны печалью, как острыми мечами.
От главна и до нижня все в платее печальном,
Следующим за нею при отце начальном,
Шел перед ее гробом многой чин духовный,
Его же провожали и следы сыновны.
Не сами шли, их вели, крепость вся упала.

Да кто и вел, у иных чай память пропала.
Каждой из них только что обомлевает,
Естественная сила вся ослабевает.
Многой же народ стенет, слезит и вопиет.
Кто ни зрит, гроб несомый, горьки слезы лиет.

8

Принесши же во церковь, путь сей совершили.
По конце литоргии проститься спешили
В последние с Марией: мертву ее зряще,
На гробе той упадали, на долг час лежаще.
Но как пришло время земли ее предати,
Воскликнули: Ах, увы! все стали рыдати.
Куды отходишь? знаемых всех оставляешь,
Ниже чад своих зрити, в землю ся вселяешь.
Что же сие мы видим, и что сие стало?
Все наше веселие с тобою пропало.
Прости, драгоценная, прости, всем любезна,
К тому уж не утолить тока от нас слезна.
Тогда закрыв Марию, положенну в гробе,
Предали плоть бездушну земляной утробе.
Опустили ю в землю не весьма глубоку,
Жену, как ребро, к мужню положили боку.
По должности персть перстью сверху затворили,
Жену со мужем купно каменем накрыли.
О жизни ж ее надпись предкам водруженна:
Персона и со гербом в камни утвержденна.

Потом же все от гроба пришедше до дому:
Жалкое дали эхо рыдательна грому.
Слеѕы день и нощь были многим вместо хлеба,
Немного служила сна покойна потреба.
Питие же со плачем горьким растворенно.
Памятью о Марии сердце сокровенно.
Паче мирры и желчи всяк час огорчалось.
Лицо в доме живущих горем омрачалось.
По многим странам дальним сие раѕнеслося,
Можно скаѕать, что многих сердце сотряслося.
Жиѕнь и славу нажила Мария си вечну,
Да имеет та память во всех бесконечну.

МИХАИЛ
СОБАКИН

Михаил Григорьевич Собакин (1720—1772) происходил из старинного дворянского рода и дослужился до звания тайного советника и сенатора. Образование Собакин получил в Сухопутном шляхетном корпусе, затем недолго служил в армии, а потом около 1742 г. перешел в Коллегию иностранных дел, где продолжал служить до смерти. По словам современников, он был «одним из образованнейших людей своего времени».

Стихотворения Собакина немногочислены, по крайней мере те, которые сохранились в печатном виде с его подписью. Начал Собакин писать стихи в Шляхетном корпусе. От имени этого высшего дворянского учебного заведения с 1735 по 1740 г. ежегодно подносились императрице Анне Ивановне поздравительные стихотворения, типа старинных «приветств», большей частью силлабические; только «Совет добродетелей о поздравлении Анны Ивановны» Собакина (1738) и «Две оды» А. Сумарокова (1740) написаны по правилам «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Тредиаковского.

Первое стихотворение Собакина, известное за его подписью, не имеет заглавия и

начинается словами: «выслушай мой вопРОС, СИЯюща в свете» (1736). Оно силлабическое, правда, двенадцатисложное, в отступление от принятой нормы, признававшей лишь 11- и 13-сложные стихи. Кроме того, стихотворение Собакина примыкает к старой традиции и тем, что внутри отдельных стихов слова подобраны так, что некоторые, набранные прописными буквами, слоги образуют новые, слова, имеющие злободневный политический смысл, представляя отклики на события 1735—1736 г. Слова эти: Россия, Анна, Азов, Крым, Хан, тысяща семсот тридцат(ь) семой (т. е. 1737 год).

Следующее большое стихотворение Собакина: «Совет добродетелей о поздравлении Анны Ивановны» (1738), хотя написано «героическим российским стихом» и «пентаметром» Тредиаковского, но со старой традицией связано, например, присоединенным отрывком, представляющим акростих «Виват, Анна Великая», причем акростих этот является в то же время «carmen gryphicum» («грифическое стихотворение», т. е. такое, в котором отдельные буквы не произносятся, а называются своими именами, причем получается новый смысл стиха). У Собакина каждая буква акростиха называется по имени, например:

Т... с нею уповай и надейся всяко — читается:

Твердо с нею уповай и надейся всяко.

Последнее стихотворение Собакина носит длинное и вычурное заглавие, идущее от старой московской традиции «приветств», хотя стих здесь тоже «российский героический гексаметр» Тредиаковского. Вот это заглавие: «Радость столичного города Санктпетербурга при торжественном, победоносном въезде ее императорского величества, всемилостивейшия, державнейшия, великия государыни Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския декабря 22 дня 1742 году и писана стихами чрез Михаила Собакина, Государственной Коллегии Иностранных дел асессора». Напечатанные к этому дню стихи Собакина в печатном виде не сохранились и известны в двух современных списках.[1]

---

[1] О Собакине см. П. Н. Берков, У истоков дворянской литературы XVIII в. Поэт Михаил Собакин («Литературное наследство», 1933, № 9—10.« XVIII век»).

выслушай мой вопРОС, СИЯюща в свете:
кто тя толь украсил, яко розу в лете?
во истину скажешь, что мудрый владетель,
глава увенчАННА, чему всяк свидетель.
жертвуй убо сего в начало ей года
искренню верность твоего народа,
а за прошедший год благодари богу,
что явил тебе толь милость свою многу,
разбив вероломцев, свободи невинных,
А ЗОВущих на брань показа бессильных,
хищника поКРЫ Мраком ум и раны тело;
не имел успеХА Ни в какое дело.
пребыли же твои пределы невредны,
и людям дадеся жити дни безбедны.
радуйся и в сей год, что начинаешь,
ибо ТЫ СЯ ЩАстливу и в сем быти чаешь,
под властию крепко хранима такою,
яже славы образ всем кажет собою.
при СЕМ СОТвори ты к вышнему молитву,

да даст ей обильну и в сей год ловитву;
меч да изосТРИТЦА Тоя обоюду,
посекая врагов христианства всюду,
да услышан в мире глас ее явится:
СЕ МОЙ бог, тобою могу похвалиться.

РАДОСТЬ СТОЛИЧНОГО ГРАДА САНКТПЕТЕРБУРГА

[*Отрывок*]

Стогнет воздух от стрельбы, ветры гром пронзает,
отзыв слух по всем странам втрое отдавает.
Шум великий от гласов слышится всеместно,
полны улицы людей, в площадях им тесно.
Тщится всякой упредить в скорости другова,
друг ко другу говорят, а не слышат слова.
Скачут прямо через рвы и через пороги,
пробиваяся насквозь до большой дороги.
Всяк с стремлением бежит в радостном сем стоне
посмотрить Елисавет в ляврах и короне.
Старость, ни болезнь, ни пол, ни рост не мешают,
обще с удовольством зреть въезд ее желают.
Радость видна на лице всяком без притвору,
малой и велик кричат несмотря разбору:

«О коль въезда твоего день сей вожделенны!
Питербурху щастие день сей вожделенны.
Сколь приятен он ему, сколь мил, сколь угоден,
изрещи язык отнюдь наш есть несвободен.
Ныне русская земля в полном стала цвете
для того, что дух Петров жив в Елисавете!»
И чим дале в город чин въезда простирался,
радостный наипаче тем голос возвышался.
Путь широкий узок стал, полн людей странами,
в знатных украшен местах торжества вратами.
Полны кровли у домов, окны то ж, народу
на заборах места нет, ни по крыльцах входу.
Всякой ищет меж людей голову пробити,
чтобы героиню могл вскользь хоть посмотрити.
Взрослые не только ю, но младенцы знают,
перстом всякой указав ко другим взывают:
«Вот идет Елисавет, свет наш и денница,
победительница, мать и императрица!
Вот она, что всех красой прочих превышает
и приятно столь в страны на людей взирает!»
Что же дивно, что сию подданные знают
и род некий божества в оной почитают.

Но чужой, кто в сей земле не бывал и сроду,
лиша только получит видеть ю свободу —
Скажет, что монарший вид есть ее примета,
что узнает всяк, взглянув, кто Елисавета...

АНОНИМНЫЕ
ПОЭТЫ

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЛИРИКА

ПЕСНЬ,

ЕЮ ЖЕ ОТ МОРЯ КАСПИЙСКОГО С ПОБЕДОЮ НАД ДЕРБЕНЬЮ И ПРОЧИМИ ГРАДЫ ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПРИВЕТСТВОВАШЕ АКАДЕМИЯ МОСКОВСКАЯ

Торжественная паки вам отрада
Спешно приходит, российская чада,
От восточныя, военныя брани
Марсовой дани,

Где прогоняше супостатов мраки
Кавалерскими мужествен Марс драки,
Расширяющи российски пределы
Знатными делы.

Не тако Дарий сильный мнится быти,
Благополучным иде же крепити.
Зданием начал Дербену велику
В силе толику.

Ей же, едва град в каковой державе
Равен и силен обретеся в славе,
Аще ж и крепка: мужеством сотреся —
Петру сдадеся

Не возмогоша и прочие грады
К защищению дать себе порады,
Ниже ста султан Узбраен стрелою
В марсовм бою.

Едва огненны спущены пострелы
В той час народы мидские поспели
Петра велика властителя чтити
Под игом быти.

Ключи от града и всю свою славу
В крепкую дают Российску державу,
Дабы ей, аки рабы, послужили
Верными были.

Оставивши их император в страсе,
В благополучном предвозвестил гласе
Царствующему московскому граду
Добру отраду.

Яко разбивши варварские мраки,
Грядят в Россию от Востока паки,
Лучами побед зело украшенный
И просвещенный.

Ему следуют зефиры окрестны,
Дел героичных гласяще не лестны
Сыном российским, як Персиды
Коими виды.

Светлому Фебу поклон принесоша,
Петру велику, яко обыкоша,
Честь воздавати с тимпаны и лики
Игры велики.

То убо тебе, Россиа почтенна,
Отца отечества ныне возвращенна,
Долженством рабским приветствовать требе
В царственном небе.

Аще Мемнона образ и безгласны,
Зряще на себе лучи солнца ясны,
Се приветствовал, когда восходило:
Здравствуй, светило.

Должнейша паче различными лики
Благодарити за действа толики,
Яко пределы твоя расширяет,
Тьму прогоняет.

Желая верно не сочтенны веки,
Да державствуют между человеки
И защищают подручны народы
В вечные роды!

ШКОЛЬНАЯ ЛИРИКА

CARMEN ANTITHETICUM, *a.*

Адам	преступ		заключ	
		ник небо		ает.
Иисус	правед		отверз	

CARMEN ANTITHETICUM, *6*.

Трезвенных возненавидь, люби пьяниц дело,
Почти гордых, смиренных убегай всецело.

CARMEN CANCRINUM

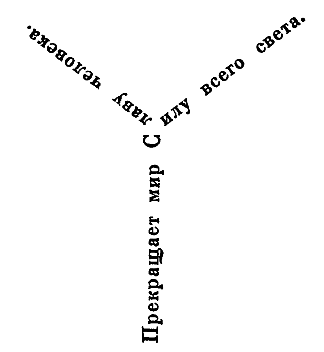
Аки лот и та мати толика.
Аки лев и та мати велика.

CARMEN ECHICUM

Что плачешь, Адаме, ты: земного ли края? —
Рая.
Что не входишь в небо; знать боишься брани? —
Раны.
Не можешь ли в его внити средину победно? —
Бедно.
Или возбранен тебе вход есть херувимы? —
Ими.
Откуду случися тебе такова досада? —
От сада.
Кто ти смертний вкусити плод подаде от древа? —
Ева.
Кто же Еву в том прельстил? иль змий вертоградский? —
Адский.
Убо в слезах сеешь ты, преступниче, поле. —
Оле!
От сих времен будешь вся в трудах стяжати —
Жати.
Убо на смерть из рая жестоко изгнанны. —
Званны.

От кого же паки жизнь будете приимати? —
Мати.
Мню, избавит вас жизнь на земли Христова. —
Нова.
Матерним ли плодом вы чисто обновились? —
Омылись.
Рожденний от девы плод спасет нас и люди. —
Буди!

CARMEN PYTHAGORICUM

CARMEN GRYPHICUM

С богом *зде* пребывати в свете,
***Поп*, нас хранит всех от сети**

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

1

Фортуна злая, что так учиняешь,
Почто с милою меня разлучаешь?
Я хотел до смерти в любви пребыти, —
Ты же меня тщишься от нее отрыти.
Или ты не знаешь, фортуница злая,
Коль ми есть сладка та моя милая?
Несть ее краснее на сем зримом свете,
На вертограде прекрасном цвете.
Хоть воззрю на цветы — они пропадают
И по натуре скоро исчезают:
Ты, моя милая, не так быть хотела,
Колись ты, злая, скоро приспела,
Скоро возлетела как перната птица,
Мою милую златую голубицу
От меня — ничтоже ей злое сотворша —
Днесь ее вижду от себя отторгшу.
Ах, фортуна злая, от меня отстани,
А любовия паки ко мне пристани,
За что благодарен являтися буду
И до конца века отнюдь не забуду!

2

Ох, свет мой горький моея младости,
Печально сердце, не имею радости,
Мои утехи в плач ся превратились,
Мои роскоши уже пременились.
Тяжкая туга мене сокрушает,
Злая же печаль жизни мя лишает.
Хоть пойду в сады или в винограды,
Не ймею в сердце ни малой отрады.
Друг мой сердечный прочь отъезжает,
Меня бедную в горе оставляет,
Иже обязан союзом сердечным,
В любви сопряжен, в верности нелестной,
Которой во всем хотел быти верным,
Мне же до смерти никак неотменным.
Ныне от очей моих он сокрылся,
Ах, горе, горе, уже удалился.
Кого бедная сердечна любила,
Того несчастьем своим утратила,
Возьму с печали преострые мечи,
Промолвлю в горе такие аз речи:
«Бесчасный той день, в онь же аз рожденна,
Почто на свете тако сотворенна!
За верность мою легко мне умрети,
Вечной слух будет, ах, об моей смерти.
Пробью на мечи свои бедны перси,
От чего умру, ты сам, друг мой, веси».

3

О коль тягость голубю без перья летати,
Столь мне без друга мила тошно пребывати.
И теперь я, младенька, в слезах унываю,
Что я друга сердечна давно не видаю.
Никакой в сердце своем радости не маю,
Ниже коей утехи в себе обретаю.
Токмо всегда, младенька, горько болезную,
Что я без друга мила в свете сем горюю.
Не могу в сердце своем радости имети,
Доколе друга мила не возмогу зрети;
Язык бо мой не может ни с кем говорити,
И очи мои не могут на иншего зрити.
Точию аз слезами себе утешаю,
Своего мила друга часто споминаю.
Что ты, любезный друже, мене покидаешь,
Никогда мя, горькую, не воспоминаешь?
Спомяни мя, сердешный друг, верную девицу,
Аки сгибшую в темном лесе голубицу,
Аз такожде по всяк час тебе споминаю
И всегда непрестанно о тебе мысль маю.

4
ИЗ ПЕСНИ: «КТО МНЕ ДАСТ СЛЕЗЫ, ЯКО ЖЕ РАХИЛИ»...

На что мы прежде любовь совершали,
Сердце ковати *Волкана* не знали.
Лучше б *Перзефона* нас умертвила,
Очеса песком гробным покрыла.
Лучше бы в нас *Марсу* меч свой утопити,
Билиону стрел кровию упоити;
А ныне мы друг друга ни в очи не видаем,
Но в верных сердцах всегда пребываем.
О *Венеро*, к тебе прибегаю,
К тебе я просьбу свою простираю,
Яви нам ныне своей благодати,
Пошли *Купиду* нас паки собрати,
Да мы друг друга зряще вселимся,
И в верной любви до смерти насладимся.

5

О коль велию радость аз есмь обретох:
Купида венерину милость принесох,
  Солнце ли свет свои на мя спустило,
  И злу печаль в радость мне обратило?
Ныне печаль отвергаю
И всю злость от сердца искореняю,
  Радость получаю, в сердце влагаю,
  Пред очима зрю, радость обрящу.
Ныне тя радость упоминаю,
Достойно почтение всем предъявляю.
  Сердцем возлюбленна, к любви обращенна,
  Донеже в свете буду, тебе не забуду.

6

Жалость презельна и пребезмерна
На всяк час сердце сокрушает.
В радости бывшей, в надежде жившей
Цвета любви верной лишает.
Наносит мнение, злое сомнение,
Непрестанну печаль и жалость.
Ибо отщетихся, мене отлучихся,
Ах, сердечная моя радость.
Несносна губит, кто кого любит.
Людей злобных развращение
Напасти сеет тем, кто умеет —
Любезно соединение.
Хоть желаю зрети, в приязни пребыти,
Но не дает злоба едина.
Мнози развращают, надежды лишают,
Ах, разлучна злая година.
Истинна тягость, презельна жалость,
О сем, кто друга не взирает.
Имать сумнится и зле крушится,
Аки воск от печали тает.
Аз хоть утешаюсь, но и сумневаюсь,
Ибо истины не взираю.
Надежда хоть зрится, но не совершится,
О коль в жалости о сем таю,

Горлица убо скорбит сугубо,
    Егда друга си не вѕирает;
Имеет жалость, лишает радость,
    А на сухом древе седает.
Коль мне сокрушенно сердца уяѕвленно,
    Ах, несть мя в свете несчастнейша.
Мню, что не имам ѕреть, о чем сердце болит —
    Друга в приѕни любеѕнейша.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Для чего не веселиться?
    Бог весть, где нам взавтра быть!
Время скоро изнурится,
    Яко река, пробежит:
И еще себя не знаем,
Когда к гробу прибегаем.

Где нынь все богатыри,
    Цесарь Александер где?
Яко бедны пастыри,
    Смертно вси скончалися.
Царство царство удоляет,
Само же к концу поспевает.

Мудрость, разум, честь и слава,
    Красота, сокровищи, —
    Исчезают, яко трава,
    Яко же сень наши дни.
Все, что время созидает,
Время таже погубляет.

Свет и все, что в нем, мне даром,
    Я веселье возлюблю.
Чести, слава токмо яром,
    Аз же их потрезвую.

Дай иным богатым быти:
Мне довлеет светло жити.

Малый вор, куда ты ходишь?
    Дай мне ренско с сахаром.
Брат Масальский, куда ты бродишь?
    Поднеси нам всем кругом.
За здоровье, кого мы знаем!
Дай ему бог, что мы желаем.

Вам, Голицыным, скончати.
    Князь Иван, до тебе я пию!
Князь Борис, изволь нас ждати:
    Завтра я к тебе приду.
Дружба наша так велела;
Хлеб да соль — земная дела.

Хоть нас ревность осуждает,
    Мы смеемся ревности.
Сердце наше токмо знает,
    Пожити во радости.
Когда смерть житье скончала,
Радость наша исчезала.

ПРИМЕЧАНИЕ

Редакция текста и примечания к стихотворениям Симеона Полоцкого — Я. Л. Барскова; редакция и примечания к стихотворениям С. Медведева, К. Истомина, И. Пауса, Ф. Прокоповича, П. Буслаева, М. Собакина и анонимных поэтов — П. Н. Беркова; редакция и примечания к стихотворениям А. Кантемира — А. М. Докусова.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Приветство царю

Когда царь Алексей Михайлович приезжал в Полоцк в 1656 г., его приветствовали 12 «отроков» стихами своего «дидаскала».

Ст. 1: *витаем* — приветствуем. Ст. 2: *здавна прагнули* — издавна преданы.

Римфологион

Стихи произнесены были двенадцатью «отроками», когда полоцкая «братия» представлялась в Москве царю (19 января 1660 г.).

Орел российский

Царю Алексию Михайловичу в солнце представленный, и его сыну Алексию Алексиевичу, яко нововоссиявшему солнцу зодий в день торжественный всемирно радостного проявления его написанный в лето 7176 месяца септемврия в первый день (7 сентября 1667 г.).

Ст. 5: *вскую* — зачем; *водородных* — источающих воду. Ст. 6: *париши крилы* — паришь крыльями; *перий* — из перьев. Ст. 9: *исполнь* — полон; *орызонт* — горизонт, небосклон. Ст. 15—16: *сарматское* — было мнение, что русские произошли от племени сарматов, от семени Афета, третьего сына библейского патриарха Ноя. Ст. 18: *крилма* — крыльями; *аер* — воздух. Ст. 23: *камены* — так называли римские поэты греческих муз. Ст. 26: *Рците в премены* — говорите по-очереди.

Далее высказываются все девять муз, одна за другой; после них выступает сам Аполлон. Ст. 35: *Омир* — Гомер. Ст. 38: *геты* обитали между Дунаем и Балканами. Ст. 39: *метротворити* — писать стихи. Ст. 40: *риторове* — ораторы. Ст. 41: *Демосфин* — Демосфен; *немствует* — молчит. Ст. 42: *Кикерон* — Цицерон. Ст. 52—53: *дванадесяте звери* — двенадцать знаков зодиака.

За речью Аполлона следует изображение зодиака; далее каждому его знаку посвящено отдельное стихотворение, начиная с

«овна» и кончая «рыбами». Последние листы «Орла» занимают: «акростих» (Царю Алексию Михайловичу подай, господи, многая лета), пять анаграмм, «прилог» и криптограмма (Симеон).

Приветство царю о благополучном вселении его в дом, в селе Коломенском новосозданный

Дворец в Коломенском заложен был 2 мая 1667 г. и закончен постройкой в 1672 г.; летом того же года Симеон представил свое приветствие.

Ст. 18: *Дворец Соломона*, по библейскому сказанию, был изумительной красоты; на постройку его пошли кедры ливанские. Ст. 26: *вааны* — изваянные. Ст. 34: *слюдва* — слюда заменяла в окнах стекло. Ст. 35: *градови* — городу. Ст. 43: Древние насчитывали семь чудес света.

Приветство Б. М. Хитрово

Б. М. Хитрово (1615—1680) с 1663 г. ведал приказ Большого дворца, Золотую и Серебряную палаты и в 1667 г. был пожалован царем в бояре. Хитрово сопровождал царя в поездках на богомолье, сидя в одной с ним карете, докладывал ему дела, занимал первое место по левую руку от него на приемах иноземных послов.

Глас последний ко господу богу царя Алексея Михайловича

Печатается впервые по рукописи Библио-

теки Академии Наук «Глас последний ко господу богу царя Алексея Михайловича, со заветом отчим к царю Федору Алексеевичу и к патриарху Иоакиму и ко всему пресветлому царскому дому и ко всем саном духовным и мирским православнороссского царствия. От них же всех ответы. Плачи общия православного рода российского». 69 листов in 4°. На обороте входного листа: «Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти. Псалом 88. Яко же во Адаме вси умирают, тако и во Христе воскреснут». «Первое послание к Коринфянам, 15». Далее текст.

Ст. 3: *вемы* — знаем. Ст. 5: *юрод* — юродивый, глупый. Ст. 8: *когожде* — каждого.

За плачем царя Алексея к богу (л. 5—6) следует обращение его к наследнику и 80 «заветов» (л. 7—26). Все заветы в целом содержат краткий курс «царских добродетелей». В 69 завете темой служит история. Ст. 23: *живот правити* — направлять жизнь.

За ответом царевича следует прощание царя с женой Наталией Кирилловной, с прочими сыновьями, с дочерьми, с сестрами, с духовенством, князьями, боярами, воинством и «со всеми православными христианами». Все они «отвечают».

Конец книги занимают 12 плачей и заключение. Ст. 40: *стужаше* — умолял.

Вертоград многоцветный

Напечатано в выдержках у Буслаева,

стр. 1192—1197, и у Майкова, стр. 100—119. Отрывки: «Многоглаголание», «Мудрецы мира», «Оплазновость», «Скакание», «Человек», «Честь», «Чтение», «Юноша», «Язык», «Ямы» — печатаются впервые. Полный список библиотеки Академии Наук, 621 л. in f°, содержит окончательную редакцию (свыше 1200 стихотворений, около 30 тысяч стихов). Эта своего рода стихотворная энциклопедия захватывает необычайно широкий круг тем, расположенных для удобства читателей по алфавиту.

Ст. 3: Богом богатства у древних греков был Плутос, а не Плутон (бог подземного мира). Ст. 5: *излиха* — ради роста, как ростовщик. Ст. 7: Хромым древние греки изображали бога-кузнеца Гефеста, с которым римские поэты отождествляли Вулкана. Ст. 8: *крылатым*, а именно с крыльями у лодыжек, изображали древние римляне Меркурия, которого отождествляли с древнегреческим богом Гермесом, вестником богов, покровителем торговли, промышленности и воровства. Ст. 9: *косный* — медленный. Ст. 16: *тым*, *иже* — тем, которые. Ст. 30: *неопасную* — неосторожную. Ст. 41: *не реку* — не говорю. Ст. 51: *волит* — желает, хочет. Ст. 55 и 58: *вежество, вежда* — образование, образованный. Ст. 61: *плоти бо изнемогшей* — когда плоть изнемогает. Ст. 64: *оные — оных*, т. е. немощных. Ст. 68: *нечесоже нелепо* — ни на что безобразное не. Ст. 70: *сюду и онуду* — туда и сюда, кру-

том. Ст. 89: *несть леть* — не следует. Ст. 90: *обыче* — привык. Ст. 93: *обыкл* — привык. Ст. 95: *скаредно* — худо, некрасиво. Ст. 96: *претяй* — препятствуя, мешая. Ст. 98: *и тако скаредити* — и так его позорить. Ст. 99: *зограф* — живописец. Ст. 102: *девыя* — девы. Ст. 109: *тым убо падающим* — когда те (подставы) падали; *он* — оный, тот. Ст. 124: *я* — их, т. е. купцов. Ст. 125: *лакомство* — сластолюбие, чревоугодие. Ст. 134: *на брезе морстем* — на морском берегу. Ст. 135: *татьбою* — воровством. Ст. 136: *в мерилех* — при измерении веса, протяжения и количества вещей. Ст. 138: *внегда продаяти* — при продаже. Ст. 142: *нецыи* — некоторые. Ст. 143: *немощна суть* — не могут. Ст. 146: *большити* — увеличивать, повышать; *за время* — загодя, заранее. Ст. 154: *ближние* — ближних. Ст. 160: *присносущна* — всегда существующего, вечного. Ст. 176: *онем* — оным, т. е. языком. Ст. 183: *тупо возникают* — едва проникают. Ст. 184: *неудобно* — с трудом, плохо. Ст. 187: *праше стезю прямо* — шел все прямо. Ст. 188: *неопасением* — по неосторожности; *в блатну яму* — в грязную лужу. Ст. 189: *ему поношаше* — над ним издевались. Ст. 190: *яко нижних не видяй, на горняя зряше* — оттого, что он глядел по верхам, не видя под ногами. Ст. 192: *а яже* — а что. Ст. 198: *в ню* — в нее. Ст. 208: *гонзает* — убегает, спасается бегством. Ст. 209: *плясавицы* —

плясуньи. Ст. 211 и сл.: В подлинной рукописи автора имеется приписка чужой рукой: «Сии последние вирши пречестной господин отец Симеон писал за полтора дни до своея смерти из утра». Ст. 214: *ся не подвизает* — себя не украшает. Ст. 220: *колес детеля* — колесного мастера. Ст. 223: *веле* — велел. Ст. 228: *велиции* — великие, вельможи. Ст. 239: *вои* — воины (т. е. страсти); *ковы содевают* — строят ковы, питают злые умыслы. Ст. 241: *требе* — должно. Ст. 245: *комуждо* — каждому, любому. Ст. 252: *аки по нужде* — как по необходимости. Ст. 254: *яко... растопляет* — растопляет подобно огню, находящемуся возле воска. Ст. 256: *ездца* — седока. Ст. 268: *велбуд* — верблюд; *абие* — здесь: часто. Ст. 270: *весть* — умеет, может. Ст. 273: *вратиться* — возвратиться. Ст. 275: *иже под другом* — кто для другого.

Желание творца

Ст. 8: *поне* — по крайней мере. Ст. 10: *рачителей* — покровителей. Ст. 13: не полон; в нем вместо 11 слогов только 10. Ст. 15: *тип* — печатный знак.

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ

Епитафион Симеону Полоцкому (1860)

Епитафион высечен на надгробной плите

Полоцкого в Московском Заиконоспасском училищном монастыре. Ст. 11: *любы* — любовь. Ст. 15: *мерность* — тактичность; *опасно* — осмотрительно. Ст. 23: неполон; для полноты слово «ина» заменено полной формой «иного». Ст. 24: *точию, еже* — только что. Ст. 31—34: О сочинениях Симеона Полоцкого см. выше стр. 91 и сл. Ст. 46: *десная* — правая. Ст. 47: *внити* — войти. Ст. 48: *неизглаголанную* — невыраженную.

Плач и утешение (1682)

Написано после смерти царя Федора Алексеевича. В настоящем издании печатаются только вирши 1—4 и 17—22. Пропущены Плач царицы Марфы Матвеевны и Утешение ей же (5, 6) и Плачи царевен-теток: Анны и Татьяны (7, 8), и царевен-сестер: Евдокии, Марфы, Софии, Екатерины, Марии, Феодосии и Наталии, и Утешение «всем обще» (9—16). Самый «Плач и утешение» построен таким образом: попеременно идут плач и утешение отдельных элементов государственного герба (знамения) России — двуглавого орла, воина, изображенного на груди орла; затем плач и утешение жены, плач теток и сестер умершего царя, далее общее утешение всем им; наконец, опять попеременно плач и утешение Великороссии, Украины (Малая Россия) и Белоруссии (Белая Россия). *Сугубоглавный* — двуглавый; *знаменый* — гербовый; входящий в состав герба.

Ст. 1: *Иеремия* — библейский пророк, которому приписывается книга «Плач Иеремии». Ст. 7: *имам творити* — должен делать. Ст. 10: *достоит* — надлежит. Ст. 21: *знамение* — герб. Ст. 22: *клейноде* — звательный падеж от «клейнод» — знаки царского достоинства: корона, скипетр, держава. Ст. 24: *Феодор* — имя Феодор — по-гречески значит «дар божий». Ст. 31: *София* — по-гречески — мудрость; *тезеименита* — имеющая то же имя. *Воин* — на груди двуглавого орла изображался святой, в виде воина, поражающего копьем змею (Георгий Победоносец). Ст. 39—40: что — сказал я — во множество; я ранил копьем бесчисленное множество врагов и попрал их под ноги коня. Ст. 42: *оставль мир сей долный* — оставив этот мир, находящийся внизу. Ст. 44: *оных* — тех, т. е. врагов. Ст. 48: *дая* — нанося. Ст. 49: *смутны* — грустные. Ст. 54: что ты оплакиваешь меня, отошедшего к богу? Ст. 57: *един поженет тысящу* — один воин погонит тысячу противников (библейский текст). Ст. 58: *во мне* — обо мне; *можаше рещися* — может быть сказано. Ст. 61: *под нозе* — под ноги. Ст. 62: *два двигнета тьмы* — вдвоем они прогонят десятки тысяч (библейский текст); *полнитися будет* — исполнится. Ст. 63: *не плачи мене* — не оплакивай меня. Ст. 65: *противных рати* — силу противников. Ст. 71: *изглаголю* — выражу. Ст. 72: *Несмь довольна изрещи словесных гаданий* — я не

способна дать соответствующие ответы. Ст. 73: *аще ли* — если. Ст. 74: *сицевой* — такой. Ст. 82: *Паче старец разумех* — понимал больше, чем старцы. Ст. 84—85: *зеницы моея... бяше* — всегда был ненасытимым желанием моих глаз. Ст. 86: *зрак* — вид. Ст. 92: *кто есть неизвестен ея* — кому она неизвестна. Ст. 96: *И множае вышнего паче, неже нижних* — и много больше любил всевышнего, чем людей. Ст. 101: *Россие* — звательный падеж от Россия. Ст. 102: *всем Россиям* — т. е. Великой, Малой и Белой. Ст. 104: *тем же* — поэтому. Ст. 107—108: *ему аз самому во веки живу* — благодаря ему самому я живу вовеки. Ст. 112: *царя славы* — бога. Ст. 113: *красен ли бех на земли* — был ли я красив на земле. Ст. 113—114: *краснейший сугубо днесь есмь, зря краснейшего паче всех трегубо* — я сейчас вдвое красивее, так как вижу втрое прекраснейшего из всех. Ст. 116: *тьмами тем* — *миллионами*. Ст. 125: *зельным* — великим. Ст. 126: *на сердце болем* — болью в сердце. Ст. 130: *устнами* — устами. Ст. 135: цитата из посланий апостола Петра. Ст. 136: *ученик*, т. е. апостол Петр. Ст. 139: *монарсе* — монарху. Ст. 140: *преставльшийся царю* — о умерший царь. Ст. 163: *отымуется* — отнимается. Ст. 164: *стался*—достался. Ст. 169: *приемный*—приятный. Ст. 171: *соумирая* — умирая совместно; *цареве*—царю. Ст. 172: *господеве*—господу. Ст. 179: *возлюбленного души* — бога.

Подпись к портрету царевны Софьи (1687)

Ст. 6: *неоранней* — невозделанной, дикой; *знакомита* — известна. Ст. 7—8: Имеется в виду усмиренный Софьей бунт стрельцов в 1682 г. Ст. 9: *в начале ее трие монархи* — в начале твоего (Софьи) правления три монарха (русский, польский и австрийский). Ст. 10: *Адриацкий лев* — т. е. Венеция, которая лежит на Адриатическом море, герб которой изображает льва. Ст. 9—10: имеется в виду союз против Турции. Ст. 14: *не мотчанна* — не мешкотна. Здесь имеется в виду поход против крымских татар. Ст. 19: *Семирамис* — Семирамида, легендарная вавилонская царица. Ст. 20: *памятно дело* — постройки висячих садов, считавшихся древними одним из семи чудес света. Ст. 21: *Елисавеф Британска* — Елизавета, королева английская (XVII в.). Ст. 22: *Пульхерия* — византийская императрица (V в.).

КАРИОН ИСТОМИН

Из «Букваря»

Ст. 4: *имися* — принимайся. Ст. 5: *грамматa* — буквы. Ст. 6: *писма* или *писмена* (ст. 11) — буквы. Ст. 8: *званство* — название. Ст. 10: *уставом* — крупным, отчетливым почерком или шрифтом. Ст. 14: *вышнь град Сион* — иносказательно: загробная жизнь. Ст. 19: *Земля есть в частех* — т. е.

название отдельных частей земли начинается буквой «а»: Азия, Африка, Америка (Австралия тогда была еще неизвестна); *в месяцах измена* — т. е. название некоторых месяцев начинается на букву «а» (апрель, август).

Стихи царевне Софье Алексеевне (1682)

Аналогичны стихам С. Медведева: «Вручение привилий на Академию». Имеются два текста данного произведения Истомина — пространный и краткий. Здесь дается последний. Ст. 7: О значении имени Софьи см. примечание к ст. 31. Ст. 11: *от онудуже* — оттуда. Ст. 25: *удобь* — с удобством. Ст. 30: *непрелестно* — без соблазна. Ст. 52: *нужн* — нужды. Ст. 64: *схоли* — школы. Ст. 66: *уди* — члены. Ст. 86: *нужным* — нуждающимся. Ст. 147, 149: 7191 г. (т. е. 1683) 3 ноября.

Из книги «Полис» (1694)

Полное название книги — «Книга Полис, си есть град царства небесного». Ст. 8: *рядом* — по порядку. Ст. 20: *в чесом* — в чем. Ст. 22: *руди* — крови. Ст. 26 и 30: *ирмос* — канон; *подобен* — формы церковного стихотворства. Ст. 43: *подобства* — сравнения. Ст. 56: *метром* — изменением. Ст. 60: *мерствуй* — меряй (цени). Ст. 64: *витай* — живи, обитай. Ст. 74: *в знань* — в знание,

для сведения. Ст. 79—80: *балвохвальство* — язычество; *недбальство* — небрежность, заброшенность.

ИОГАНН ВЕРНЕР ПАУС

Свадебные стихи А. А. Головину

По указанию И. А. Шляпкина, стихи эти относятся к 1703 г., когда Головин женился на сестре А. Д. Меньшикова. Повидимому стихи были немецкие, а русский перевод относится к более позднему времени. Ст. 1: *Венус* — Венера. Ст. 1—2: В пользу богини любви и красоты Венеры (Афродиты) был решен спор трех богинь о том, кому предназначено яблоко с надписью: «прекраснейшей». Ст. 7: *вельми* — очень. Ст. 8: *с нею* — с женой, т. е. с сестрой Меньшикова.

Веселий и радостотворный звук (1711)

Ст. 2: *приклад* — пример, образец. Ст. 24: *странных* — иностранцев. Ст. 32: *принцессину* — принцессу. Ст. 44: *хором* — чертог, дворец. Ст. 45: *стряпчи(е)* — чиновники. Ст. 49: *само полезни* — самые полезные.

Любовная элегия (1711)

Ст. 5: *почасте* — иногда; *рожам* — розам. Ст. 8: *бут* — будто. Ст. 11: *тебя живописати* — т. е. если тебя изобразить живо-

писно. Ст. 12: *Василиск* — фантастическое животное, будто бы умерщвляющее людей своим взглядом. Ст. 21: *раздаются* — растворяются. Ст. 24: *злияю* — полью. Ст. 28: *стени* — тени. Ст. 37: *поцелеваю* — целую. Ст. 39: *сонех* — снах. Ст. 40: Смысл: чем пособляют сны? Ст. 42: *образно* — в воображении. Ст. 54: *жаль* — сожаление.

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

Из «Епиникиона» (1709)

«Епиникион» — победная песнь. Написана была на победу над шведами под Полтавой. Всего в этом произведении 174 стиха; из них в настоящем издании приведены ст. 62—68 и 153—174; полностью «Епиникион» опубликован в «Известиях Отделения Русского языка и словесности Академии Наук» (1903, кн. 1, стр. 85—92). «Епиникион» ставил себе целью подчеркнуть единство Великороссии и Украины в борьбе с внешними врагами и служить выражением того, что украинские москвофилы отмежевываются от политики «изменника» Мазепы, вступившего в союз с Швецией. Ст. 1: *Свей* — швед, т. е. Карл XII. *Зменник неистовый* — изменник, гетман Мазепа. Ст. 4: *отчествия* — отечества. Ст. 22: *арматы* — пушки. Ст. 39: *весельник* — гребец, моряк. Ст. 59: *на стенах Сионских* — на стенах Иерусалима. Церковно-политический намек на предпринимавшийся Петром поход против турок.

К творцу сатиры «К уму своему» (1729)

Обращено к кн. Антиоху Кантемиру, который ответил Феофану в III сатире. Стихотворение Прокоповича написано октавами. Ст. 1: *пророче рогатый* — могучий пророк. Ст. 5: *грозы* — угрозы. Ст. 7: *голосливый* — сердитый. Ст. 19: *мощи* — поражай.

Плачет пастушок в долгом ненастии (1730)

Написано Феофаном в эпоху гонений на него после смерти Петра. Ответ кн. Антиоха Кантемира см. в настоящем издании (стр. 226). Ст. 11: *польготит* — сделает облегчение. Ст. 17: *день пятый* — иносказательно: пятый год со дня смерти Петра. Ст. 21: *потчися* — потщись, постарайся.

На день 25 февраля (1730)

В этот день императрица Анна Ивановна уничтожила по предложению делегатов от среднего дворянства, с участием Феофана, ограничительные условия («кондиции»), предложенные ей олигархической группой знатного дворянства при приглашении ее после смерти бездетного Петра II на русский престол. Ст. 1: *Августа* — императрица. Ст. 2: *хирограф* — рукопись, т. е. «кондиции». Ст. 7: *отманный* — обманный. Ст. 8: *прелестниче* — звательный падеж от «прелестник», соблазнитель.

На приход Анны Иоанновны в подмосковное село Владыкино (1730)

Стихи на Ладожский канал (1732)

Написано октавой. Ст. 1: *Петрополь* — Петербург, Ленинград. Ст. 5: *безгодный* — негодный, непригодный. Ст. 6: *пловут* — плывут.

Новопреставльшемуся иеродиакону епитафион (1734)

Ст. 10: *здоры* — вздор, суетность. Ст. 13: *вракать* — молоть; здесь — насмехаться.

К лихорадке в лихорадке

Ст. 2: *говейно* — благоговейно, почтительно.

О труде в сочинении лексиконов

Скалигер — итальянский ученый XVII в.

Запорожец кающийся

Очевидно, написано в защиту украинцев, ушедших с Мазепой и потом принесших повинную. Ст. 7 — т. е. пропадите вы за днепровские пороги, погибните, исчезните.

АНТИОХ КАНТЕМИР

Сатиры. 1. К уму своему

Написана в конце 1729 г. Ст. 8: *девять сестр* — сестер-Муз. Ст. 10: *чу-*

жится — чуждается. Ст. 15 и 18: т. е. монарха, почитающего свиту Аполлона (Муз). Речь идет о Петре II, которому тогда было 15 лет. Ст. 20: *тщится множить* — старается увеличить количество ученых, распространяющих науки и искусства. Ст. 22: *за страх* — страха ради. Ст. 40: Намек на важнейший для того времени вопрос об отобрании поместий у духовенства. Ст. 49: *подлый.* Первоначальное значение «подлый» — противоположно «благородный» (дворянин), — следовательно, относилось ко всем недворянам. Ст. 68: т. е. никто не видел внутренности живого тела. Ст. 73 и 74: т. е. из любопытства не спать целую ночь в наблюдении за пятном на луне. Ст. 75: *часовник* — здесь: календарь. Ст. 77: *Евклид* — александрийский математик. Ст. 83: *трожды* — трижды. Ст. 95 и следующие пять — подражание Овидию. Ст. 111: *Егор* — сапожник в Москве. Ст. 112: *Рекс* — портной в Москве; *достоит* — достойна. Ст. 114: *клуша* (польск.) — галка. Ст. 120: т. е. пиво, заваренное в трех пудах хмелю, крепкое пиво. Ст. 125: *не устав* — не закон. Ст. 129: заботясь о краткости. Ст. 131: Довольно ль того; *ключари святые* — служители культа: попы, епископы. Ст. 132: И те, которым Фемида (богиня правосудия) вверила золотые весы, т. е. судьи. Ст. 134: В этом и следующих восьми стихах, по указанию самого Кантемира, имеется в виду Георгий Дашков — ростовский архиепископ, один

из врагов Феофана Прокоповича и Кантемира. Дашков при Анне Иоанновне в 1731 г. был лишен сана и сослан в заточение в один из вологодских монастырей. Ст. 147: В таких париках при старом порядке ходили во Франции судьи. Оттуда такая официальная форма пришла и к нам. Ст. 148: т. е. пусть презирает твердое сердце слезы бедных. Ст. 150: *дьяк* — старинная должность, соответствующая более позднему секретарю. Ст. 156: скреплять своей подписью. Ст. 161 и 162: т. е. гордость, леность, богатство сели на высшее место, взяли верх над наукой. Ст. 163: *то* — невежество. Ст. 168: т. е. как страдающие морской болезнью бегут с корабельной службы. Ст. 171: играть в карты. Ст. 173: подобрать цвета платья. Щеголи, например, считали, что в городе нельзя носить кафтан зеленого цвета. Зеленый цвет — полевой цвет и приличен только в деревне. Ст. 180: толкование на Евангелие церковного писателя Златоуста, очень неясно переведенное с греческого. Ст. 181: *не владеет* — не командует. Ст. 182: т. е. писец тужит, что он еще не судья.

2. Филарет и Евгений

Разговорная форма сатиры заимствована Кантемиром из IX сатиры Ювенала или из III сатиры Буало. *Филарет* — означает по-гречески — любитель добро-

детели; *Евгений* — благородный, т. е. дворянин. Ст. 3 и 4: Имеется в виду епископ ростовский Георгий Дашков. См. примечания к I сатире. Ст. 5: *Езда цугом* (на нескольких лошадях) была привилегией чиновных дворян. Ст. 7: *в рядах* — на рынках. Ст. 9: *обильство* — изобилие изображалось в виде женщины, держащей рог, из которого сыплются дары (деньги, фрукты и т. д.). Ст. 10: *не претит* — не запрещает. Ст. 17: *лента дана* — дан орден. Ст. 21: И множество твоих неоспоримых преимуществ. Ст. 27 и 29: Намек на Меньшикова, который, как говорили, в ранней молодости продавал подовые пироги. В словах Евгения явный выпад против петровской табели о рангах, по которой каждый в силу личных заслуг, а не рода, мог стать дворянином. Ст. 31: *польги* — пользы. Ст. 32: *Ольга* — древнерусская княгиня. Ст. 35: *Гербовники* — книги, содержащие в себе описание и изображение дворянских родов. Ст. 36: *Книга Родословна* — систематическое собрание сведений о происхождении, преемстве и родстве старинного титулованного и нетитулованного дврянства. Ст. 38: *думные бояре* — приближенные к царю, имевшие право заседать в боярской думе; *наместники* — губернаторы. Ст. 39 и 40: т. е. искусные в мире и в войне, они вершили не одно дело ружьем и умом, разумно и смело. Ст. 41: *сала* — зала. Ст. 43: т. е. не брали взяток. Ст. 45: *батюшка* (отец) превосходил

всех. Ст. 46: Государство лишилось в нем своей главной опоры. Ст. 50: *Крестова* — приемная комната. Ст. 54: *с полными руками* — с подарками. Ст. 58: *достоен* — удостоен. Ст. 67: *похлебство* — задабривание знатных обедами и т. п. Ст. 77: *оно,* т. е. дворянство. Ст. 81: свидетельствует о нашем знатном происхождении. Ст. 83—97: подражание V сатире Буало. Ст. 85: К общественной безопасности. Ст. 90: *темны груди* — сердца, испорченные злыми нравами. Ст. 91: Не допустили до этого. Ст. 93: Умеешь ли? Ст. 94: *жалки* — вызывают сочувствие. Ст. 98: *Ектор* — Гектор. Ст. 99: *Иулий* — Юлий Цезарь; *Александр* — Александр Македонский. Ст. 103: *Нейбуш* — генерал-майор. Один из друзей Кантемира, очень любивший пиво. Ст. 110: *злости* — злые нравы. Ст. 113 и 114: Дворянин, гордящийся только именем своих предков, сравнивается с галкой, которая оделась в перья других птиц. Когда птицы обнаружили обман и убрали перья, галка стала смешна и жалка. Сравнение взято из басни древнегреческого баснописца Эзопа. Ст. 117: заблуждается. Ст. 118 и 119: т. е. не должно опираться только на службу своих предков. Нужны личные заслуги. Ст. 120: *хвилый* — слабый. Ст. 121: т. е. труды их открыли тебе ключ светлой воды. Ст. 124: *сгорбиться* — наклониться. Ст. 128: Побеждены в море и волны и неприятель. Ст. 129: Был честным и справедливым судьей. Ст. 132: Из-за других не

могут заметить тебя в пару, в поту от трудов. Ст. 133 и 134: Проверь свое дворянство делами своими, а потом и взвесь, правильны ли твои жалобы, что тебя обходят, — как на оселке терли серебряную и золотую руду для определения ее качества (доброты). Ст. 135 и дальше: Подражание VIII сатире Ювенала. Ст. 139: *соплешь* — храпишь. Ст. 142: *пойло Индии и Китая* — кофе и чай. Ст. 145: Евгений, до полудня провалявшись в постели, начинает убирать волосы, для чего накидывает полотняную «завеску», чтобы пудра не попадала на рубашку. Ст. 147: *лоским* — блестящим. Ст. 154: т. е. тесные башмаки часто натирают мозоли, но щеголь терпит это ради красоты ноги. Ст. 156: т. е. кафтан ценою в целую деревню. Ст. 157: т. е. легче было создать Римскую империю. Ст. 162: Чтоб, не оскорбляя тебя, зеленый цвет в городе не раздражал «нежных» глаз. Щегольские правила требовали, чтобы цвет платья соответствовал и возрасту, и времени года, и месту. Ст. 169: *ущербить* — убавить, издержать, т. е. проматывая состояние. Ст. 186: т. е. как не умеющий плавать, поднятый на поверхность воды пузырями. Ст. 189: Над тобою смеется. Ст. 190: Перестанут притворяться. Ст. 194: *пучки бумаг* — игральные карты. Ст. 195 и 196: Ставишь на карту добро, скопленное мозолями и потом твоих предков. Ст. 202: Остальное время года. Ст. 209: От пушечной стрельбы.

Ст. 211: *Четверобочник* — каре. Ст. 212: *спомочник* — вместо помощь. Ст. 219: *остр* — острым взглядом. Ст. 220: т. е. способен заблаговременно предупреждать замыслы неприятеля. Ст. 221: *в таборе* — в лагере. Ст. 231: т. е. едва ли ты слышал даже имя тех добродетелей и знаний. Ст. 238 и 239: подражание Горацию. Ст. 243: т. е. даже нарисованное сражение заставляет тебя дрожать. Ст. 246: *рулем владеет* — управляет кораблем. Ст. 248: *сколь вящши* — чем больше. Ст. 253: Кантемир говорит о компасе. Ст. 266: *Адамлевы чада* — люди. Ст. 277: *страницу* — статью закона. Ст. 279: т. е. который может спасти вдову от нападения сильного соперника. Ст. 282: т. е. изучил до тонкости все наши законы. Ст. 286: Предмет зависти врагу. Ст. 295 и 296: т. е. он думает, что все законно, что может дополнить его мешок. Ст. 298: *прохладам* — роскошной жизни. Ст. 308: *ухам* — ушам, т. е. всем тем, кто, несмотря на свое ничтожество, почему-либо сможет замолвить словечко временщику. Ст. 311: *новых людей* — фаворитов; *не рдится* — не краснеет, не стесняется. Ст. 318: Кантемир имеет в виду поэтическую легенду об афинянине Дедале, который, спасаясь из плена, приделал себе и своему сыну Икару крылья из воску и перьев. Во время полета Икар поднялся высоко к солнцу, воск крыльев растопился, и Икар упал в море. Ст. 353: *противное* — противоположное всему сказан-

ному. Ст. 373: *Ное* — Ной, библейский патриарх, спасшийся от потопа в ковчеге.

3. К музе своей

Написана в начале 1731 г. Ст. 1. — подражание Буало. Ст. 15: *имея позвати* — польский оборот для выражения будущего времени. Ст. 17: *кружальны* — кружало, кабак. Ст. 19: Библия впервые была напечатана на славянском языке в г. Остроге в 1581 г. К ней, как к первоисточнику, прибегали ревнители старины. Ст. 22: Злость Кондрата направлена против ст. 135 и 137 сатиры. Ст. 23: *законоломное* — беззаконное; *неверных* — нехристианских. Ст. 24: Опять намек на Георгия Дашкова. Ст. 25: В это время как раз разбиралось дело об отцовском наследстве Кантемира. Ст. 26: *что* — потому что; *в приказе* — в суде. См. в сатире I, ст. 148. Ст. 30: думает, что ясно видит свое лицо. Ст. 46: Правило быть бесчестным, как тогдашняя мода носить маленькие шляпки. Ст. 55: *следы их топчу* — что им следую, подражаю. Ст. 57: *Зевсова дочь* — Афина, богиня мудрости. Ст. 64: *черница* — монаха. Ст. 69: *Музы* — дочери Юпитера и Памяти-Мнемозины. Ст. 74: *Тропа та*, т. е. манера хвалить худого человека — не нова. Ст. 82: из расчета, от рассудка. Ст. 88: не однажды призывает в свидетели бога, чистосердечно уверяя в том, что обещает тебе свою помощь, дружбу. Ст. 90: мало кто знает причину. Ст. 92: не в со-

стоянии, не имея силы. Ст. 94: т. е. хотя и нет начертанного мелом на спине знака. Кантемир взял это выражение из правила: провинившемуся солдату ставили на спине крест мелом для того, чтобы потом наказать. Ст. 96, 97 и 98: *Запой в Амариллиных объятиях* — пиши эклоги: стихи о лесах, стадах и любви пастухов. Ст. 100: *жалкую* — жалостную. Ст. 117 по 142: Подражание VII сатире Буало. Ст. 119: *нурить* — изнурять, мучить. Ст. 120: хвалить справедливо не наше дело. Ст. 121: *одноличто* — одинаково, неизменно. Ст. 124: *в пятнах* — в злонравии. Ст. 129: *образа* — стыд, позор. Ст. 143: Имеется в виду Иоанн Максимович, преподаватель Киевской духовной академии, затем архиепископ Тобольский (начало XVIII в.), написавший множество духовных стихов. Ст. 147: *плавлю* — плаваю. Ст. 163: в ранней юности. Ст. 173: *инде* — в другом месте. Ст. 179: перемены счастья. Ст. 181: того одного мне довольно. Ст. 182: и как я не в силах. Ст. 189: *теми дверьми* — смертью своей. Ст. 194: Подражание Горацию. Ст. 196 по 206: Подражание сатире Ювенала. Ст. 199: *скучать* — надоедать.

Письмо. К стихам своим

Написано в Париже в 1743 г. в подражание 20-му письму Горация в секстинах, строках по шесть стихов, с рифмой «аббавв». Ст. 1 и 2: т. е. 10 лет лежите скрыты и народу неизвестны. Кантемир

имеет в виду свои первые пять сатир, большую часть песен и эпиграмм, которые были написаны в 1729—1730 гг. и не могли быть напечатаны. Ст. 10: т. е. когда будете изданы и будете переходить из рук в руки. Ст. 13: темноту ящика. Ст. 19: *бесстройным* — без украшений. Ст. 46: В примечании к этому стиху Кантемир говорит: «Две весьма презрительные рукописные повести о Бове-королевиче и о Ерше-рыбе, которые на Спасском мосту с другими столь же плохими сочинениями обыкновенно продаются».

Epodos Consolatoria (Утешительные стихи)

Написано Кантемиром в ответ на стихотворение Феофана Прокоповича: «Плачет пастушок в долгом ненастьи» (см. стр. 298). Ст. 1: *Пимен* (греч.) — пастушок. Ст. 3 и 4: *свирель, сопель* — небольшие деревянные духовые инструменты наподобие нынешнй флейты. Ст. 11: *овцы и козы* — враждующие партии. Ст. 13: Возможно, что Сенька (Стенька) — это Стефан Яворский, в то время блюститель патриаршего престола, а Федька — Феодосий Яновский — оба представители церковной реакции и заклятые враги Прокоповича. Ст. 19 и 20: Намек на Георгия Дашкова. Ст. 21 и дальше — похвала Пимену-пастушку (т. е. Феофану). Ст. 41: *милая дружина* — сторонники Феофана Прокоповича, в том числе и Кантемира. Ст. 43: *поднось* — подноси. Ст. 61:

С созвездия Козерога на созвездие Близнецов. Ст. 65: *Диана* — у древних греков богиня охоты. Здесь имеется в виду Анна Иоанновна. Ст. 81: добычу; указание на скорую охоту, т. е. на ловлю Феофановых врагов. Действительно, Прокопович позднее жестоко расправился со своими врагами. Ст. 76: диких. Ст. 80: с красными пятнами. Ст. 99: *Амфион и Орфей* — Орфей — по греческому преданию певец, укрощавший диких зверей своим пением. Амфион — последователь Орфея, силой своего искусства якобы воздвиг стены Фив. Ст. 116: *и расширенны* — в рукописи слово неразборчиво; чтение дается предположительно. Ст. 119 и дальше: Кантемир указывает на свое дело об отцовском наследстве. Верховный совет передал все наследство брату Кантемира, Дмитрию, зятю кн. Голицына (Голицын — член верховного совета), и Антиох Кантемир остался без средств. В этом ограблении, очевидно, принимал если не прямое, то косвенное участие Егор, т. е. Г. Дашков. См. ст. 119 и 125.

Автор о себе (эпиграмма)

Из первой редакции I сатиры, в которой эта эпиграмма была предпослана в виде предисловия.

Песня. О любви

Встречающиеся в переводах слова: *Воот (Боот)* — созвездие Вootес (Бootес) с главной звездой Арктуром. *Родийское искус-*

ство — жители города Родоса славились в древности тонкой живописью и вырезыванием статуэток.

ПЕТР БУСЛАЕВ

Умозрительство душевное

Ст. 66: *вонмем* — послушаемся! Ст. 74: *фиял* — чаша. Ст. 80: *оставаться* — останавливаться. Ст. 116: *изрядство* — превосходное состояние. Ст. 119: *странных приемнице* — о принимающая путешествующих. Ст. 135: *прильпе* — прилип. Ст. 139: *Донелиже* — пока не. Ст. 143: *адская весна* — по пояснению самого Буслаева, «острой печали начало», траур. Ст. 150: *слезили* — проливали слезы. Ст. 152: *факалы* — факелы. Ст. 165: *обомлевает* — лишается чувств. Ст. 170: *литоргия* — литургия, церковная служба. Ст. 184: Имеется в виду библейское предание о сотворении Евы из ребра Адама. Ст. 185: *персть* — прах, земля. Ст. 188: *персона* — портрет. Ст. 195: *мирра* — смола миртового дерева, горького вкуса. «Мирра и желчь», по пояснению Буслаева, «аллегорически употреблено вместо горести печальной».

МИХАИЛ СОБАКИН

Выслушай мой вопрос

Ст. 10: *Азов* был взят в 1736 г.

АНОНИМНЫЕ ПОЭТЫ

Торжественная лирика

Песнь... Академии Московской (1722)

Написана по случаю возвращения Петра из Персидского похода в Москву в 1722 г. Автор неизвестен. Песнь написана «сафической строфой». Ст. 9: *Дарий* — древнеперсидский царь. Ст. 18: *порада* — помощь, защита. Ст. 22: *мидские* — мидийские, т. е. находящиеся на месте древнего Индийского государства. Ст. 39: *Персида* — Персия. Ст. 49—52: Каменная статуя Мемнона, фараона египетского, считавшаяся одним из семи чудес древнего мира, издавала, по преданию, приветственные звуки при восходе солнца.

Школьная лирика

Carmen antitheticum

Стихотворение противопоставительное. Так назывались стихотворния, где два рядом стоящие стиха либо имели общие части, сохраняя прямо противоположный смысл (см. образец *а*), или при наличии одного смысла в обычном чтении получали другой смысл при последовательном чтении сперва слова из верхнего, а затем из нижнего стиха (см. образец *б*).

Carmen cancrinum

«Стихотворение рачье», т. е. читающееся взад и вперед одинаково.

Carmen echicvm

Стихотворение-отголосок. Так назывались стихотворения, построенные в вопросо-ответной форме и в которых последние слоги представляли с большей или меньшей точностью слова, являвшиеся ответом на вопрос, заключавшийся в основном стихе.

Cormen pythagoricum

Стихотворение пифагорическое (т. е. в форме пифагоровой теоремы). Оно читается снизу вверх, справа налево, а затем направо.

Carmen griphicum

Стихотворение грифическое. Гриф — фантастическая четвероногая птица. Грифические стихи содержат слова, читаемые по названиям букв, благодаря чему стих получает иной смысл. Например, в нашем примере слово «зде» нужно читать: з(зело) д(добро) е(есть), т. е. с богом зело добро есть пребывати в свете. Во втором стихе «ноп» — наш отец паки.

Любовная лирика

Ох, свет мой горький

Ст. 5: *туга* — печаль. Ст. 26: *веси* — знаешь, ведаешь.

Из песни «Кто мне дает слезы»

Рахиль — имя жены библейского патри-

арха Иакова; Рахиль считалась матерью, исключительно горячо любившей своих детей и горько оплакивавшей их утрату.

Застольная песня

Точная дата неизвестна. Стихотворение представляет полуперевод, полупеределку известной студенческой песни «Gaudeamus». Принадлежность Паусу сомнительна. Ст. 11: *удоляет* — одолевает. Ст. 19: Смысл: для меня не имеет цены свет и все, что в нем. Ст. 21: * яром* — т. е. ярем, ярмо. Ст. 25: *малый вор* — обращение к мальчику — прислужнику на пиру, разливавшему вино. Ст. 26: *ренско* — рейнское вино. Ст. 27 и 31—33. *Масальский, Голицыны, Иван* и *Борис* — вельможи петровского времени, участники пира, на котором исполнялась застольная песня.

СТАРИННЫЕ СЛОВА, ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

Абие — тотчас.
Аз — я.
Амо — куда.

Бе — был.
Бо — ибо, же.
Буди! — да будет!
Бысть — было.
Быше, Бяше — был.

Велий — большой, великий.
Верт, Вертоград — виноградник, плодовый сад.
Веси — знаешь.
Выну — всегда.

Глад — голод.
Гладный — голодный.

Держава — государство, правление.
Дондеже — пока, пока не.

Егда — когда.
Еже — если, нежели.
Елико — насколько.
Ельма — тогда как, хотя.

З а н е — так как, поэтому.
З а н е ж е — потому что.
З д е — здесь.
З е л о — очень.
З е л ь н ы й — сильный, огромный.

И ж е — который.

К а м о — куда.
К о л и, К о л и с ь — когда.
К о л и к и й — какой.
К у п н о — совместно.

Л е п о т а — красота.
Л е п ы й — красивый, хороший.
Л е т ь — можно; едва.
Л и к — хор.
Л и ш а, л и ш е — лишь.

М о г л — мог.
М о щ н о — можно.

Н е г л и — нежели, чем.
Н и ж е — и ни.
Н р а в н ы й — приходящийся по нраву, нравящийся.

О б а ч е — но, однако, напротив.
О л е! — О! увы!

П а к и — снова, опять.
П а ч е — чем.
П е р с и — грудь.
П о н е ж е — поскольку.
П о ч т о — зачем, почему.

П р е з е л ь н ы й — см. Зельный.
П р и с н о — постоянно.

Р е к о х — я сказал.
Р о г — сила, мощь.
Р ц и! р ц ы т е! — скажи! скажите!

С и — себе.
С и ц е — так.
С л и ч н о — отлично, превосходно, подходяще.
С т у д — стыд.
С у щ и — будучи.
С ы й — сущий.

Т и — тебе.
Т о к м о — только.
Т у г а — печаль.

У б о — ибо, же, итак, того ради.

Ч е с т ь, ч е с т и — читать.
Ч и н — порядок, сословие.

Ю, ю ж е — ее.

Я к о — как, словно.

Имена мифологические, повторяющиеся в тексте

А п о л л и н — Аполлон, бог солнца и поэзии.

В е н е р а, В е н у с — богиня любви и красоты.

В о л к а н, В у л к а н — бог огня и кузнечного ремесла, позднее — металлургии вообще.

Иовиш — Юпитер, верховный бог римской мифологии, бог грома и молнии.

Купидо — Купидон, бог любви.

Марс — бог войны.

Музы — богини искусства и наук.

Парнасс — гора в Греции, обиталище Муз; в переносном смысле: поэзия и вообще искусства.

Парнасские лики — Музы.

Перзефона, Персефона — богиня подземного мрака.

Феб — см. Аполлин.

Фемись — Фемида, богиня правосудия.

Фортуна — богиня удачи и успеха.

СОДЕРЖАНИЕ

Карион Истомин

Иоганн Вернер Паус

Феофан Прокопович

Анонимные поэты

Торжественная лирика

Школьная лирика

Любовная лирика

